

КОРПОРАЦИЯ
ИНКОМ

www.incom.ru

РИЭЛТОРСКИЕ УСЛУГИ
ВСЕ ОПЕРАЦИИ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

363-10-10

НАРОДНАЯ МАРКА

ЛУЧШАЯ РИЭЛТОРСКАЯ КОМПАНИЯ*

ЛУЧШАЯ БРОКЕРСКАЯ КОМПАНИЯ
ПО ЗАГОРОДНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ**

ДЕВЕЛОПМЕНТ
ЗАГОРОДНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

363-01-63

20 КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКОВ

МНОГОКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ «ПОСЕЛОК ГОДА»

ЭЛИТНЫЕ ЗАГОРОДНЫЕ ПОСЕЛКИ
VILLAGIO ESTATE

*Победитель в номинации "Признание года - лучшая брокерская компания" Первого регионального конкурса профессионального признания рынка недвижимости Москвы «Московские Звезды-2006», организованного Московской Гильдией Риэлторов.

**Победитель в номинации «Брокерская фирма по продаже коттеджных поселков» X Национального Конгресса по недвижимости, организованного Российской Гильдией Риэлторов.

СМЕНА ЯНВАРЬ 2008

СМЕНА

Издается с 1924 г.

1' 2008

Агриппина СТЕКЛОВА

Должна быть тайна

Александр ВАСИЛЬЕВ

Мода – зеркало истории

Борис ПАСТЕРНАК

Последняя строка

Керченский пролив

Два месяца спустя

СМЕНА

1'2008

№ 1719
издается с января 1924 года

Главный редактор:
Михаил Кизилов

Отдел журналистики:
Нина Чугунова,
Евгений Стецко,
Надежда Болгова,
Мария Жукова, Сона Тамамян

Литературный отдел:
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор: **Марина Силакова**

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

Оформление, верстка,
предпечатная подготовка:

дизайн Пресс

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор:
Джемир Дегтяренко

Редакционный директор:
Нина Чугунова

Креативный директор:
Евгений Стецко

Издательский директор:
Дмитрий Мережко

Реклама: adv@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3337

Распространение: sales@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3137

Редакция: **127994, Москва,**
Бумажный пр-д, 19, стр. 2.
www.smena-id.ru
E-mail: jurnal@smena-id.ru
Тел. (495) 612-1507, факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресс».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж – 87 000 экз. Зак. № 73281.

Учредитель – ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечати» **70820**
каталог «Объединенный» **88998**
каталог «Почта России» **99406**

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

~ читателю

Ну почему так?

Живет человек, немного непонятный, немного странный какой-то. Тихо живет и никому не мешает. А когда уходит в мир иной, выясняется, что ушел гений.

Эдвард Лидскальнинш, бедный, некрасивый человек, к тому же «коротышка», влюбился в некую Агнессу. Любимая, как это часто с некрасивыми и бедными коротышками бывает, за день до свадьбы ему отказала.

Униженный и оскорбленный коротышка сел на пароход и отправился в Америку, где построил дом. Из камня. Точнее, из очень больших камней. В десятки тонн. И все в этом доме из очень больших камней: и стены, и потолок, и мебель, и двери, и ворота. И крыша тоже из камня: вес каждой черепичинки – 1000 килограмм, и уложены они с такой точностью, что влага не проникает через кровлю.

Маленькая деталь: он строил дом один. Вручную. Без подъемного крана. Соседские мальчишки видели, как по ночам, а он работал только ночью, камни у коротышки летают по воздуху. Сами.

Но взрослые, как обычно, детям не поверили, равно, как и не обратили внимания на вырвавшееся у коротышки признание: «Я знаю, как делали египетские пирамиды».

Нынче в этом доме – музей, и люди со всего мира приезжают, чтобы посмотреть на чудо XX века. Удивляются, восхищаются, недоумевают: почему власти и соседи не заметили гения?..

А может быть, Агнесса ему и отказала, чтобы он еще раз напомнил нам о бренности существования?

Видимо, все-таки не бывает случайностей в истории.

Об этом, и не только об этом, в материалах январского номера «Смены».

Михаил Кизилов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

4. Лицо с обложки.
Агриппина Стеклова

16. Больная тема. Азов: как это было

26. Игры взрослых.
Чудеса
российского
футбола

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

32. Фотопроект «Просто люди».
Пророчество Луначарского!

44. Смена представлений.
Креативность:
мифы и реальность

52. Маленькие комедии.
Александр Васильев:
«Мода — манера жить
в данную эпоху»

60. Практика относительности.
Наедине со всеми

МИРА ЗДАНИЕ

64. Свобода от известного.
С наступившим
2015-м или
с наступающим
7518-м годом

72. Дух Леонардо.
Преодоление
непреодолимого

76. Странные вещи.
Древние знали секреты левитации

ПЛАНЕТА UNLIMITED

86. Своёмыслие. Он опять в Москве

92. Прогулки профана. Без вины виноватые

98. Раскованный голос. Радость обмана

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

100. Наши публикации.
Саша Черный

114. История шедевра.
Великий певец
и великий художник

**126. Творец и женщина,
другая.** Поэт и Ольга

130. Издалека.
Таинственный старец

140. Душа и судьба.
Пламенное сердце
Фландрии

146. Музеи мира.
Musee du Louvre

154. Детектив.
Дело о нижней юбке

188. Кроссворды

Агриппина Стеклова

– ведущая актриса
театра «Сатирикон». Лауреат
театральной премии «Чайка».

Актриса необычная –
художественная. Яркая.
Мощная. Умная. Одухотворенная,
светящаяся изнутри,
романтическая, будто сошедшая
с полотен великого Боттичелли.

Создана для сцены. Магически
перевоплощается в своих
знаменитых героинь и становится
современной любой эпохе.
В ней нет быта ни на йоту.

В отличие от многих актрис,
в ней нет прожженности жизнью.

Фотографии Евгения Стецко

Агриппину сегодня можно увидеть не только в «Сатириконе», антрепризах, но и в моноспектакле «Жизнь с императором», он идет дважды в месяц в Литературном музее А.С. Пушкина. У нее роль Анны Федоровны, старшей дочери великого поэта Федора Тютчева.

Актер, по мироощущению, близок к ребенку?

Чем острее чувство близости к детству, тем, наверное, ты ближе к профессии. Недаром ведь говорят, что невозможно переиграть детей и животных. Это так и есть. Только в детстве невероятно остры твои ощущения и впечатления. Они проявляются на уровне вкуса, запаха, слуха. Чем дольше это сохраняется в тебе, тем лучше.

А как не разрушить в себе детское состояние души?

Не знаю... Человек появляется на свет с определенным строем души. Дети — они разные. Абсолютно. Бывает, что про детей говорят: «Они ведут себя, как старички», такие тихие, непытливые, игрушки при себе крепко держат. А есть старички, которых невозможно назвать таковыми. И вовсе не потому, что они хорошо выглядят для своих лет, а в силу того, что они живут полнокровно, ощущают ритм жизни, времени, они открыты всему новому. Я не знаю, как это происходит. Есть редкая способность в человеке — удивляться и удивлять других. Это сложно — ежедневно воспринимать мир по-новому, да и себя тоже, но ведь такие люди есть на Земле. К этому надо стремиться, стараться соответствовать.

Как этому научиться?

Если был бы ответ-рецепт на этот вопрос, то его бы уже давно запатентовали.

Актер должен быть открытым человеком?

Блестящий актер на съемочной площадке или на сцене — обязательно открытый и искренний человек в жизни.

Вы верите в непознаваемое — талант, гениальность?

Безусловно. Талант, гений человека постичь невозможно. Составляющее не понятно никому... Это то, чему невозможно научить и научиться. Гениальных личностей во всех отраслях можно перечислить, но как понять? Я очень люблю художников-импрессионистов, Лотрек, Ван Гог, Писсаро... В них во всех есть детскость, причем граничащая с безумием. Глядя на их полотна, не очень понимаю — это он рисует или Бог?

Не знаю почему, но они мне нравятся. Талант Пушкина... Я ощущаю его гений. Обожаю его поэзию, люблю «Графа Нулина», его прозу. Но есть огромное количество творцов, как, например, Эйнштейн, Ньютон — эти великие люди мне, человеку-гуманитарии, они вообще не понятны, но крайне интересны. Я ими восхищаюсь.

Агриппина, моноспектакль «Жизнь с императором» представляет для вас профессиональный интерес?

Постановка необычна. Это не театр в чистом виде, а своеобразный театр в музее. Это действо. Режиссер Андрей Беркутов и директор музея

~ лицо с обложки

Нельзя принимать
позицию
слабого человека.

Могу устоять перед
искушением и соблазном.

Я чувствую
дыхание времени.

Евгений Богатырев предложили мне сыграть роль Анны Федоровны Тютчевой, которая была тринадцать лет фрейлиной при дворе двух императоров: Николая Первого и Александра Второго. На протяжении всей жизни она — умная, проникательная, наблюдательная, образованная женщина вела дневник. Ее блистательные мемуары считаются одним из памятников девятнадцатого века. Мне самой Тютчева невероятно интересна как яркая личность. Сложный, но красивейший текст...

Когда мне поступило предложение создать ее образ, не скрою, я загорелась сразу, но и страшно мне было жутко!

...потому что это первый моноспектакль в вашей жизни?

В течение часа я не схожу со сцены и одна должна держать зал. Это, как вы понимаете, непросто. А тем более играть на своеобразной сцене — в музее. Фантастической красоты платья из шелка, тафты, муара, прибегнув к работе по старинной технологии, создал Александр Васильев — известный художник, историк моды. Реконструировал дамские туалеты той эпохи по подлинным лекалам! Мне очень нравятся. Роскошные туалеты меняю четыре раза и, они мне сказать, прямо на глазах у публики. А какие красивые аксессуары!

Что чувствуете, когда играете в музейном интерьере той эпохи, середины девятнадцатого века?

Дыхание времени. Поначалу к этой изысканной, раритетной мебели я боялась даже прикоснуться! Сейчас сама удивляюсь, как мне стало среди нее даже свободно, что ли... Кстати, каждый предмет интерьера бесценен и описан в программке. Васильев — художник спектакля, консультировал и сам помогал правильно расставить мебель. Все сделано досконально точно. Невероятно интересно работать, когда ты видишь такой высокий профессионализм.

Кто из ваших героинь особенно вам близок?

Очень люблю Анну Тютчеву, леди Макбет, Глорию из антрепризы «Жестокие танцы», Регану из «Короля Лира» (*задумчиво*), да я сейчас, наверное, перечислю всех своих персонажей... Все они — чуть-чуть «я» и все они — совсем не «я».

Себя сыграть я не могу, во-первых, это неправильно, во-вторых, ну, зачем мне раскрывать себя на все сто? Должна быть тайна. Героинь всех «черпаю» из себя, и поэтому они мне близки и очень любимы.

Вы учились в ГИТИСе пять лет на экспериментальном курсе, мастерская Марка Захарова, и после четвертого курса показывались в театры, чтобы проверить свои силы. Почему выбрали именно «Сатирикон»?

Это первый театр, куда нас, студентов, сразу допустили к показу и великолепно приняли — от зав. группой до худрука. После отсевов начали репетировать. Учились и уже играли в знаменитом театре. Помню, как Константин Аркадьевич Райкин тогда мне сказал: «Ты будешь у меня играть. Очень много. У меня нет такой индивидуальности, как актриса ты мне очень любопытна».

РАПОРТ «СМЕНЫ»

~ лицо с обложки

Героинь
«черпаю» из себя.

Не скрою, что приглашали еще в пару хороших московских театров. Но я сделала ставку на «Сатирикон». Почему? Может быть, юношеский максимализм... Не знаю. Интуитивно почувствовала. На мой взгляд, «Сатирикон» — одна из самых сильных трупп Москвы. Первый выход на сцену этого театра был в «Трехгрошовой опере», в постановке Владимира Машкова, сыграла эпизодик, а первую роль — в спектакле Константина Райкина «Къеджинские перепалки». Она стала заметной.

Был «Жак и его господин», а потом пришел в театр питерский режиссер Юрий Бутусов и поставил для нас «Макбета» по Эжену Ионеско. Первая постановка Бутусова в Москве и первый спектакль не Райкина, и где он сам, маэстро, не занят. Это и не хорошо, и не плохо, это — данность. В «Макбете» мы, артисты, очень сильно «рванули» вперед. У всех главные и первые роли.

Благодаря Бутусову у меня несколько поменялось отношение к профессии. Начинаешь думать, почему надо делать вот так, а не иначе. Тяжело было нам, артистам, беру на себя смелость сказать это за своих партнеров по сцене, друзей.

Вам ближе театр или кино?

Театр. Даже не сравниваю! У меня и в дипломе «пророчески» написано — «артистка театра» (*улыбается*). Если бы позволяли финансовые возможности, то в кино бы не снималась. Не потому, что не хочу. А снималась бы там, где мне очень нравится, или там, где меня хотят видеть на площадке хорошие режиссеры, в авторском кино. В сериалах не работаю. Я могу устоять перед искушением и соблазном.

Сегодня фантом денег и практицизма поглощает совсем юные сердца. Что для вас значат «деньги»?

Ничего. Если ты здоров, то деньги можно тратить на образование и путешествия. Это самое главное, на мой взгляд.

У вас древнеримское имя. Вам оно всегда нравилось?

Все детство я была «рыжая-бесстыжая», «Груня», «Груша» и очень расстраивалась из-за этого... Представляясь, произносила свое имя тихо, «съедая» первую букву, и слышалось не Граня, а Аня. Но с возрастом убедилась — то, что казалось мне недостатками раньше: имя, цвет волос — достоинства. Близкие зовут меня Граней. Ну, а потом начинаются вариации: друзья меня зовут Гранёк, родные — Гранюша, мама — Гранечка, папа — Агриппишка. Ну еще и Гранька (*смеется*).

У вас семья артистов. Творческая ревность знакома?

Мне это не понятно. Правда. Здоровая конкуренция, разве плохо? Муж востребован, первая реакция — радость. Потом — мозговой штурм, ты должна ему соответствовать. Владимир Большов — мой первый советчик, первый читатель моих сценариев, пьес. Ни папа, ни мама, а Володя. Иначе, как? Я не представляю. Он всегда даст здравомыслящий совет, подскажет и всегда искренне за меня порадует.

Ваш сын, Данила, продолжит династию?

Лелею надежду, что изменит свой выбор, но пока Данила твердо намерен стать артистом. Стоит намертво! Не смею препятствовать, могу влиять только словом. К своим детям я объективна. Сын хорошо пишет, талантливо, мог бы на сценарный факультет пойти. Дочка, Маша, творческая личность, будет, наверное, дизайнером. Гуманитарные дети.

Одна знаменитая актриса сказала, что никогда в жизни не плачет, ну, разве только от физической боли.

Да?! Никогда?

Я довольно сентиментальна. А вот болевой порог у меня занижен.

Признайтесь, а хотели бы вы иметь волшебную палочку?

Не надо мне ее! (*смеется*). Зачем мне такое искушение? В первую очередь я бы подумала о близких, о себе, а это уже неправильно. Надо накормить голодных детей во всем мире...

Я вам расскажу историю. У мужа есть двое старших детей, сегодня они уже взрослые люди. В детстве они, будучи в Израиле, поехали к Стене Плача. В Иерусалим. Аняте было лет семь.

Написала записку с просьбой и выронила ее. Володя, отец, прочел. Там было написано: «Очень хочу мира, чтобы никогда не было войны».

Что категорически не приемлете в людях?

Глупость. Жадность. Мелочность. Неискренность.

Сегодня что вас не радует?

Мне не нравится положение наших стариков. Больно оттого, что ты не в состоянии ничего изменить...да и ничего не делаешь для этого. Жизнь движется, ты поглощен собой, своей семьей, своими заботами. Пожилые актеры, легенды театра и кино живут в нищете. За чертой бедности. Да разве только актеры...

Меня раздражает, когда мои современники, артисты, сетуют на свою жизнь, выражают неудовольствие. Если ты не доволен театром, где ты служишь, своей зарплатой, тогда ты должен что-то изменить. Уходи. Меняй профессию.

Жестко!

Может быть. Но нельзя принимать позицию слабого человека. Погибнешь. Сам себя изнутри «съешь», погубишь. Моя мама ради семьи переехала в Москву, простившись с профессией. Сегодня она нашла себе в другой и абсолютно самодостаточна. А ведь поначалу ей было очень тяжело. Я восхищена своей мамой! Она продолжает расти как профессионал.

В вашей жизни был сказочный город?

Венеция. Попадаешь в него и кажется, что так в действительности не может быть. А ведь бывает! Такая театральность во всем его дивном облике. Люди, подплывающие на лодках к своим подъездам, повсюду немислимой красоты старинные здания. Невероятно. Хочу еще туда вернуться...

Елена Воробьева

АЗОВ:

как это было

В самом конце года ушедшего летопись Керченского пролива дополнилась трагедией природной и человеческой – небывалым штормом на море, которое не считалось штормовым, и небывалым кораблекрушением, когда сели на мель и утонули восемь различных судов. В числе прочих ко дну пошли два сухогруза с серой и один танкер, ставший причиной грандиозной экологической катастрофы...

Многие из тех, кто впервые приезжают на таманский берег Керченского пролива, недоумевают: а где здесь море? Кругом суша. Тут – пологие сопки грязевых вулканов, невысокие деревца, ровные квадраты виноградников вдалеке. Там, за узенькой полоской серо-зеленой воды, – голые и с виду абсолютно безжизненные холмы. Тысячи лет узенький пролив разрывал и сталкивал между собой целые народы, культуры и цивилизации. Его волны помнят меотов и скифов, древнерусские ладьи и генуэзские галеры, османских янычар и немецко-фашистских захватчиков.

11 ноября. Первая жертва

Еще с вечера со стороны Крыма потянуло влажным ветерком, который всего за несколько часов превратился в довольно крепкий «южак». И хотя накануне диспетчерская служба Керченского порта разослала радиogramмы о надвигающемся шторме и рекомендовала судам, находившимся в акватории пролива и прилегающий район Азовского и Черного морей, отстояться в защищенной гавани. Однако ни один из десятка судов, ожидавших погрузки-разгрузки на рейде открытого всем ветрам российского нефтеперевалочного порта «Кавказ», не стронулся с места.

Обычно в это время года погодный тон задают западные и южные ветра, нагоняющие в пролив черноморскую воду, но редко ко-

гда волна здесь поднимается выше двух метров – глубина не та, что в открытом море, да и до берегов рукой подать. Стихии просто негде разгуляться. В этот раз она разгулялась.

Танкер «Волгонефть-139», получивший, как потом выяснилось, девять штормовых предупреждений от украинских диспетчеров и, как и остальные корабли, не покинувший пределы 451-й якорной стоянки порта «Кавказ», стал первой – и самой печальной ее жертвой. Ближе к полуночи ураган снова сменил направление, и теперь его порывы задували с юго-запада. Ветер стал нагонять в пролив черноморскую воду, и волны, разгулявшиеся в акватории порта, быстро перевалили за критическую для плоскодонных танкеров «река-море» двухметровую отметку. На сильное волнение эти суда

нии безопасности движения и эксплуатации судов, потерпевших крушение в Керченском проливе. Ему грозит до 5 лет тюрьмы. Между тем, по мнению координатора Экологической Вахты по Северному Кавказу Андрея Рудомыхи, основная вина и ответственность за случившееся лежит на компаниях, которые организовали перевалку опасных грузов в таком уязвимом месте. ...Российские ученые считают, что последствия этой катастрофы скажутся на экосистеме независимо от того, насколько оперативно очистят акваторию.

просто не рассчитаны.

Где-то после полуночи команда танкера, в чреве которого находились четыре тысячи тонн мазута, дожидавшихся перегрузки на другой танкер, была поднята по тревоге. Уснуть в эту ночь никто из 13 членов экипажа так и не смог.

Представьте себе: 100-метровая стальная машина с абсолютно плоским килем, больше подходящим для плавания по Волге, Дону, впервые попала в условия экстремальной качки: амплитуда колебаний танкера превышала 100 градусов! Ближе к утру качка усилилась –

вода гуляла по палубе. Затем в стальных недрах судна раздался страшный скрежет.

В 4 часа 40 минут утра по московскому времени волна запрокинула стальную машину вверх и по его борту пробежала трещина. Более тяжелая носовая часть судна, в которой располагались танки с мазутом, с грохотом опрокинулась в море. По счастливому стечению обстоятельств, все 13 членов экипажа в этот момент были на корме, в рулевой рубке и жилком отсеке.

Оказавшуюся без якорей корму со всей силой ветра и волн понес-

Интернет-СМИ «Кавказский узел»

Следствие обнародовало основные версии причин многочисленных кораблекрушений 11 ноября в Керченском проливе. Ими признаны нарушения в действиях капитанов портов «Кавказ» и «Ростов», судовладельцев и капитанов разрушенных стихией кораблей. ...Южная транспортная прокуратура уже возбудила уголовное дело по статье «халатность» в отношении капитана порта «Кавказ» Андрея Иовлева, который обвиняется в необеспече-

The New York Times

...По утверждению российских властей, капитаны судов не обратили внимания на штормовое предупреждение, однако выжившие рассказывают, что море разбушевалось внезапно и вряд ли что-то можно было сделать. «Волны были слишком высокие, и мы не смогли поднять якорь, – печально рассказал один из спасенных моряков в интервью телекомпании РТР с большой койки в городе Тамань на юге России. – Все случилось в один миг». ...Однако Всемирный фонд дикой природы в сво-

ем заявлении подчеркивает, что виноваты не только ошибочные решения капитанов – корни проблемы лежат глубже. Организация указывает, что в России существует практика использования речных танкеров, аналогичных «Волганефти», в неспокойных водах в открытом море. ...«Это общая проблема системы, – заявила организация. – Большинство речных танкеров не приспособлено для подобных штормов, а морские суда не могут ходить по Дону и Волге»...

ло в море. Радиоэфир огласился первым за это утро сигналом SOS. Из носовой части бывшего танкера уже сочился мазут...

Роковая коса

Вот что увидел я, прибыв на косу. Под холодным проливным дождем и штормовым ветром, от которого до того немели щеки, что даже разговаривать было трудно, несколько сот мужчин, выстроившись цепочкой у полосы прибоя, всю орудовали садовыми вилами. Только что прибывших новичков можно было распознать по еще не запачканным армейским химзащитным костюмам: те, кто начал работу, простояли в них в воде несколько часов кряду.

— Выкинем потом эту «химзу», никуда не годная она уже, — кричал мне в ухо, стараясь перекричать дождь и ветер, замначальника темрюкского филиала краснодарской аварийно-спасательной организации «Кубаньспас» Виктор Клименко. — Этот мазут — страшное дело, разъедает резину на раз. — И уже своим подчиненным: — Ну-ка, ребята, навались! Раз, два, взяли!..

Десяток спасателей дружно навалились на кучу, бывшую когда-то сплетением водорослей. Теперь

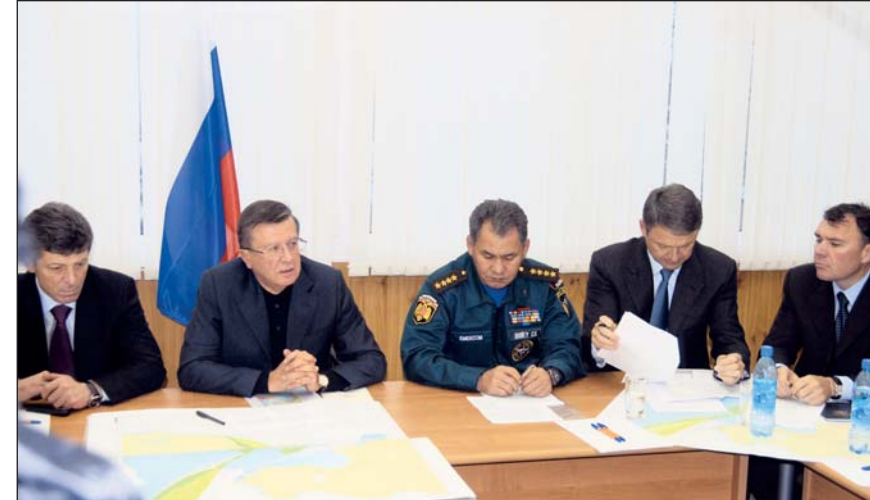
эта масса больше походила на паклю, пропитанную техническим маслом. С помощью вилок и лопат мазутно-растительную массу извлекали из зоны прибоя и сгребали в кучи. Тут же по пляжу сновали автопогрузчики, захватывая ковшем пласты водорослей, и перегружали их в КамАЗы...

...Команду танкера, оставшуюся на дрейфующей корме, сняли через несколько часов после начала ЧП — обломок судна успел отдрейфовать на несколько километров от места трагедии и сесть на песчаный грунт. За это время акватория якорной стоянки порта «Кавказ» превратилась в черную, как деготь, вспененную смесь взбаламученной воды и мазута. Нефтепродукты из поврежденных танков-отсеков понесло в открытое море. Как потом установили эксперты МЧС, уже в первые минуты кораблекрушения в море попало больше тысячи тонн мазута.

Поначалу нефтепродукты понесло к крымским берегам.

В ночь на понедельник ветер в очередной раз сменил направление и стал дуть с юго-запада. Ракушечные пляжи на косах Тузла и Чушка всего за пару часов покрылись черной маслянистой

По поручению Президента В. В. Путина, на место трагедии срочно вылетел премьер-министр В.А. Зубков.

пленкой.

Дальше ликвидаторы аварии считали время не по часам, а по количеству поступившего в море мазута. Тысяча тонн, две... Три, три с половиной...

Во вторник, ближе к концу дня, в штабе МЧС констатировали, что из расколовшегося танкера вытек весь мазут, который в нем был. Хотя за три дня усилиями более тысячи спасателей, солдат подразделений морской пехоты и добровольцев удалось собрать с берега лишь 300 тонн загрязненной водорослей и песчано-ракушечной смеси. Вся эта титаническая работа под ураганным ветром и ледяным дождем больше походила на мартышкин труд: не успевали расчищать какой-нибудь участок пляжа, как волны вновь выбрасывали на него сли-

пующую водорослевую массу, а песок опять покрывался маслянистой пленкой. Приходилось все начинать заново — стоило лишь ненадолго пустить процесс на самотек, как пляж, словно губка, пропитывался мазутом, и извлечь его из двух-трехметрового слоя песчаных наносов уже не представлялось бы возможным.

Человеческий фактор. Или политический?

По иронии судьбы, скандално известная коса Тузла снова оказалась в центре внимания всей страны: именно ее искусственно отсыпанные берега приняли на себя больше всего мазута. Три года назад из-за этого кусочка суши, серпом вдающегося в Керченский пролив, чуть было не разгорелся конфликт между Рос-

Керченский пролив:

*Мы обратились в специальные службы, непосредственно участвовавшие в ликвидации аварии. 16 декабря мы беседовали со спасателем **Андреем Воронченко**, руководителем Центрального аварийно-спасательного отряда «Экоспас», на днях вернувшегося с места катастрофы.*

сделано все, чтобы последствия были минимальны

Аварии сначала локализируются — уже сделано в полном объеме, затем ликвидируются — практически законченный этап работ, после проводится рекультивация — этот этап работ начался. Он, безусловно, потребует длительного времени и определенных погодных и временных условий. Вокруг Керченского пролива еще не стихла паника. Ноябрьская катастрофа с разливом большого объема нефтепродуктов, гибелью людей и судов породила множество версий и слухов —

от самых невероятных до вполне правдоподобных, — связанных с причинами и последствиями аварии.

— Что явилось причиной аварии в Керченском проливе?

— О причинах аварии односторонне говорить сложно. Безусловно, основная причина — природная. Это небывало сильный шторм в проливе. Наука, наверняка, скажет что-то вразуми-

сией и Украиной. Тогда власти Краснодарского края вознамерились было восстановить песчаную косу размытую штормами от которой оставался лишь небольшой островок, принадлежащий Украине. Воссоединить тогда этот клочок суши с искусственной насыпью так и не пришлось, а вот поскандалили с соседним государством изрядно.

Именно в этот двухкилометровый разрыв между украинским островком и российской дамбой устремилась основная часть мазута из резервуаров «Волгонепти-139». Пятно нефтепродуктов наследило вначале на самой Тузле, дальше понеслось к косе Чушка и к выходу в Азовское море. Через двое суток после аварии темные маслянистые пятна поя-

тельное по этому поводу. Однако техническое состояние судов должно быть проверено соответствующими структурами на предмет их соответствия предъявляемым требованиям по безопасности судоходства и мореплавания.

Потребуется проверка, на мой взгляд, и влияние человеческого фактора на произошедшее.

– Почему, несмотря на штормовые предупреждения, «ни один из десятка судов, ожидавших погрузки-разгрузки на рейде российского нефтеперевалочного порта «Кавказ», не тронулся с места»?

– Сложно сказать, почему. Это вопрос к портфолоту, ведь суда стояли на номерных якорных стоянках.

– Кто должен нести ответственность за произошедшее?

– Меру и степень виновности и ответственности, наверняка, определят и Следственный комитет Генеральной прокуратуры, и Гостехнадзор, и Минтранс. Думаю, версий сейчас будет много... Пока рано окончательно определять виновных, поэтому давайте не опережать события.

вились на Азовском побережье...

Дискуссия о гуманности

Такой странной дискуссии о гуманности я еще никогда не слышал. Спорили представитель Всемирного фонда охраны дикой природы и районный охотовед:

– Птицу уже не спасти. Самое гуманное, что мы можем для нее сделать – забить. Зачем ей мучиться? – спрашивал охотовед.

– Мы должны сделать все, что в наших силах. Не получится – пусть умирают, но только не от наших рук, – возражал «зеленый».

Этот диалог происходил на обочине узенькой полоски асфальта, дороги, ведущей в Порт-Кавказ. Кругом – трехметровые камыши, болота. Чуть поодаль – море. Как раз оттуда в этот момент шествовал страшный караван. Даже не караван, а хаотично бредущее стадо, бывшее день назад стайей: птицы, птицы, птицы... Все они, независимо от видовой принадлежности, были похожи, как братья-близнецы: все, от клюва до лап, были вымазаны мазутом. Совершенно игнорируя людей, пернатые бродили по пляжу, где туда-сюда сновали грузовики и

бульдозеры, кишмя кишели в тростниковых зарослях, забредали на дорогу, попадая под колеса машин.

Десятки тысяч бакланов, чаек, уток-лысух попали в зону загрязнения. Их отяжелевшее слипшееся оперение обрекало их на мучительную смерть от голода и холода. Лишь по предварительным оценкам, за несколько ноябрьских дней на берегах Керченского пролива погибло порядка пятидесяти тысяч пернатых, не считая тех, кому все же удалось улететь из района аварии.

Спасение

В первый же день катастрофы российские и украинские «зеленые» бросили клич волонтерам: помогите спасти птиц! На косах Чушка и Тузла были развернуты экологические полевые лагеря. Добровольцы собирали птиц на пляже и в болотах, тут же отмывали при помощи специальных растворов, кормили кусками рыбы и выпускали на волю.

Так продолжалась эта странная спасательная операция: здесь спасали птицу, здесь же уже в который раз очищали пляж от мазута, приносившего все новых перна-

– «Почему-то целый сонм общественных и экологических организаций, не особенно надеясь на справедливость отечественной правоохранительной системы, намерен готовить иски и жалобы в международные суды и организации.

«Будем создавать прецедент и добиваться полного запрета перевалки в Керченском проливе нефтепродуктов и опасной химии, а не привлечения к ответственности назначенных «стрелочников». Насколько это адекватное предложение?»

– Что касается стрелочников – их все равно

найдут. В остальном же – чистой воды популизм. Порт Кавказ – это экономика и далеко не только Темрюкского района. Другой вопрос, его соответствие стандартам безопасности, в том числе и безопасности экологической.

– Каковы экологические последствия, воздействие на окружающую среду?

– Катастрофа в Керченском проливе оценивается как одна из самых крупных и серьезных за последнее время. Поэтому негативных последствий не может не быть. Но я могу с уве-

тых инвалидов, здесь же пограничники искали тела пропавших без вести моряков с затонувшего сухогруза «Нахичевань».

Печальный список

В то роковое утро 11 ноября, вслед за танкером «Волгонефть-139», один за другим ко дну пошли три сухогруза с гранулированной серой, и на одном из них не обошлось без жертв — погибли все восемь членов экипажа «Нахичевани».

Аккурат к выборам в Госдуму администрация Краснодарского края заявила, что с ликвидацией последствий аварии покончено. Дескать, за три недели удалось собрать и вывести большую часть попавшего в море мазута. А транспортная прокуратура даже возбудила уголовные дела по фактам загрязнения окружающей среды и нарушений правил судоходства. Сомневаться в том, что кому-то в результате этих событий придется отправиться на нары, не приходится. Но почему-то целый сонм общественных и экологических организаций, не особенно надеясь на справедливость отечественной правоохранительной системы, намерены готовить иски и жалобы в международные суды и организа-

ции. Вот что заявляют Андрей Рудомеха, координатор «Экологической Вахты по Северному Кавказу» и Игорь Голубенков, сопредседатель общественной организации «За спасение Тамани»: «Будем создавать прецедент и добиваться полного запрета нефтепродуктов и опасной химии, а не привлечения к ответственности назначенных «стрелочников».

В любом случае, ставить точку во всей этой истории не придется еще долгие годы. Как недавно установили ученые Кубанской устьевой станции, далеко не весь мазут был выброшен прибоем на берег. Значительная его часть «законсервировалась» — осела на дно. Но очень быстро расконсервируется весной, когда морская вода начнет прогреваться солнцем. Тогда на берега Керченского пролива придется снова сгонять технику, вызывать спасателей, добровольцев, экологов-энтузиастов. Плюс ко всему акватория будет потихоньку отравляться той серой, что лежит в трюмах затонувших сухогрузов.

*Дмитрий Шевченко, Краснодар.
Фотографии Михаила Потапова*

ренностью заверить, сделано все возможное, чтобы такие последствия были минимальны. Безусловно, временно вводились некоторые ограничения. Но это было не везде и не всегда и было вызвано исключительно крайней необходимостью.

— По утверждению нашего очевидца, «ракушечные пляжи на косах Тузла и Чушка всего за пару часов покрылись черной маслянистой пленкой»...

— Ну, не было такого! Водоросли с мазутными вкраплениями выбрасывало, куски застывшего

мазута тоже... Но «маслянистой пленки на ракушечных пляжах» — это явно перебор. Не стоит преувеличивать.

— Кто участвует в ликвидации аварии?

— Весь период ликвидации были задействованы достаточные силы в соответствии с решениями КЧС Краснодарского края. Это и добровольцы, и местные жители, и подразделения МЧС РФ и Министерства обороны. Все работы проводились и проводятся в напряженном, но плановом режиме.

Мнение P.S. Загрязнение побережья Азовского и Черного морей нефтепродуктами из-за разлива мазута в Керченском проливе будет ощущаться еще долго, считают ученые. На ликвидацию этой непростительной ошибки человека уйдет не менее полугода. «Нефтепродукты остаются в воде обычно не более шести месяцев — в течение этого времени они растворяются, испаряются, оседают на дно и так далее», — сообщил в свою очередь ведущий научный сотрудник Института глобального климата и экологии (ИКГЭ) Росгидромета РАН Александр Минин. Минин также отметил, что циклон, вызвавший шторм в районе Керченского пролива, проходит в этом регионе ежегодно, но с каждым годом его путь проходит все севернее. «То, что на Земле растет частота и сила подобных природных явлений, безусловно, связано с процессом изменения климата», — сказал эксперт. Тем не менее эта экологическая катастрофа еще раз доказывает халатное отношение человека к природе, в этом мнении сошлись все исследователи.

Наталья Смагина

— Действительно ли работа «под ураганным ветром и ледяным дождем больше напоминала мартишкин труд»?

— Да, это очень близко к тому, что происходило на самом деле.

— Какая часть работ завершена, а какую часть еще нужно будет выполнить?

— Аварии сначала локализируются — уже сделано в полном объеме, затем ликвидируются — практически законченный этап работ, после проводится ре-

культивация — этот этап работ начался. Он, безусловно, потребует длительного времени и определенных погодных и временных условий.

— А правда ли то, что значительное количество мазута засело на дно? И что сера с затонувших сухогрузов может постепенно отравить акваторию этого региона.

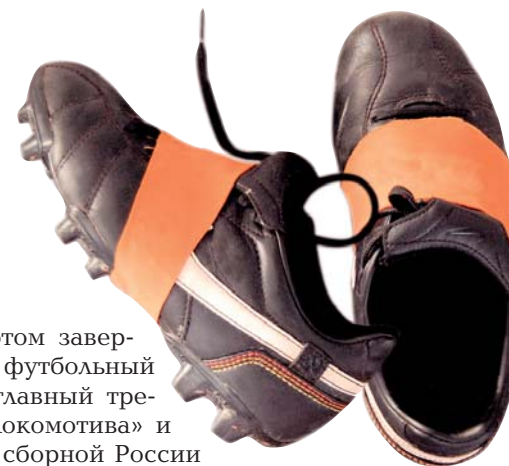
— Мазут, действительно, частично осел на глубину. Но далеко не большая его часть. Что касается серы — так это еще нужно разобраться, где и сколько ее затонуло. И тонула ли она вообще.

Ч у д е с а
р о с с и й с к о г о ф у т б о -

Алексей Кузнецов

ПОЧТИ анекдотом завершился российский футбольный сезон — бывший главный тренер московских «Локомотива» и «Динамо», а также сборной России Юрий Семин назначен главным тренером «Динамо»... киевского! Практически одновременно бывший наставник футбольной сборной Украины Олег Блохин назначен главным тренером ФК «Москва». Увы, это напоминает анекдот о смене белья, когда первый барак меняется со вторым...

Пусть, конечно, в Киеве решают, отчего в клубе, где работал супертренер Валерий Лобановский, нет практически ни одного тренера, хотя бы приблизительно равного ему по мастерству. Для нас, конечно, куда важнее свои, российские проблемы. Когда тренер калибра Семина не находит работы в России, это уже похоже на системные нарушения.

В российском футболе не так давно был уже период, когда с нашими командами работали сразу несколько иностранных тренеров, причем далеко не самых слабых. Помнится, ЦСКА возглавлял португалец Артур Жоржи, «Спартак» — итальянец Невио Скала, «Аланию» — француз Ролан Курбис, «Зенит» — чех Властимил Петржела, а Курбан Бердыев из Узбекистана — «Рубин». В общем-то, ничего плохого в этом не было, если не считать, что

кто-то из этих специалистов не прижился, не смог «вписаться» в российские реалии (Скала и Курбис), кому-то просто не дали довести до конца очень перспективные реформы (Жоржи), а кто-то со своими коллективами добивался неплохих результатов (Бердыев и Петржела). Но в любой национальной футбольной федерации сразу же забьют тревогу по поводу того, что в классных

На всех фронтах российские клубы и сборная вперед не продвигались — скорее, вели затяжные оборонительные бои.

клубах работает так мало своих тренеров. Начнут проверять, а как же идет подготовка своих тренерских кадров? А почему это перспективные молодые тренеры так мало работают в клубах элитного дивизиона своей страны?..

Вот сейчас наверняка похожая работа идет в Англии. В самом деле: «Арсенал» возглавляет француз Бенитес. «Ливерпулем» командует испанец Бенитес. «Манчестер Юнайтед» уже долго играет под началом шотландца Фергюссона (он, конечно, поданный Ее Величества, но футбол английский и шотландский — «две большие разницы», как говорят в Одессе). «Челси»... ну, что говорить, когда команду долго тренировали то голландец Гуллит, то итальянцы Виалли и Раньери, то португалец Моуриньо. А теперь вот Моуриньо вполне может возглавить и сборную Англии — после того, как с

главной командой страны неплохо справлялся швед Эрикссон, а потом свой, английский тренер Макларен провалил отборочный цикл чемпионата Европы 2008 года...

Вопрос этот, конечно, важен и для России, несмотря на то, что именно российская сборная попала на Евро-2008 — практически вместо Англии. Причем раньше у нас долго стонали по поводу якобы невезения, мешающего российскому футболу, а то и придумывали «антироссийские футбольные заговоры». А сейчас все радуются везению и на полном серьезе считают, что его принес нам голландец Гуус Хиддинк, тренирующий сборную России.

Нам, конечно, в отличие от Англии, не привыкать, когда голландцы приходят в Россию, слышат волшебные слова: «Земля наша богата, порядка в ней лишь нет» — и после этого наводят у нас желаемый порядок. Так, кажется, было во времена Петра Первого, после чего в Москве осталось Лефортово, а в Санкт-Петербурге — Новая Голландия. Нечто подобное произошло и в российском футболе: к достижению Хиддинка прибавил свой триумф и другой гол-

Как только в футбол потянулись большие деньги — качество зрелища мгновенно перестало играть главенствующую роль.

ландец, Дик Адвокаат, под руководством которого титул чемпиона России завоевал питерский «Зенит».

Спору нет, Адвокаат и Хиддинк — отличные специалисты. Но давайте все же вспомним, что «Зенит» едва не упустил победу на последних секундах последнего матча чемпионата России. А также и то, КАК российская сборная «вкарбалась» в финал Евро-2008! И что бы мы говорили, если бы чемпионом России стал «Спартак» — хвалили бы очень перспективного и молодого тренера Станислава Черчесова? А если бы Англия с Хорватией сыграли в Лондоне вничью, и Россия бы на Евро-2008 не поехала — что бы тогда сказали аналитики? Что уровень российского футбола не дает возможности даже самому классному тренеру проявить свои способности?

Между прочим, такая точка зрения вовсе не так далека от истины, как это кажется записным оптимистам и ура-патриотам российского футбола. Определить этот уровень легко — он заметен невооруженным глазом во встречах российской сборной и российских клубов с зарубежными

командами. К тому же есть еще такая замечательная вещь, как рейтинг. А он оказался у российской сборной самым низким среди всех участников финального турнира чемпионата Европы 2008 года, участвовавших в отборочных соревнованиях. Да и клубы российские, прямо скажем, в европейском кубковом сезоне не особо отличились, исключая «Спартак». «Локомотив» сезон катастрофически провалил (о нем — отдельный разговор). «Зенит» тоже не блистал, ЦСКА в Лиге чемпионов смотрелся просто беспомощно. То есть на всех фронтах российские клубы и сборная вперед не продвигались — скорее, вели затяжные оборонительные бои, полностью утратив, продолжая военную терминологию, «стратегическую инициативу».

И это при том, что очень скоро может случиться так, что Россия получит право выставить два клуба напрямую в групповой этап Лиги чемпионов, один клуб — в квалификационный раунд Лиги чемпионов и еще три клуба — в Кубок УЕФА! Таковы рейтинговые парадоксы, и нам останется только гадать, когда же эти клубы провалят очередной еврокубковый сезон...

Что же происходит сегодня с нашим футболом? Некоторые мои молодые знакомые порой удивляются, когда я в ответ на их

слова о том, что Россия в футболе никогда ничем толком не выигрывала (недавний Кубок УЕФА, завоеванный ЦСКА, скорее, исключение из правила), рассказываю им о некоторых достижениях футбола советского. Итак: сборная СССР была первым обладателем Кубка Европы (так раньше назывался чемпионат континента), а потом три раза (!) играла в финалах этого турнира, то есть становилась серебряным призером чемпионата Европы. Далее: сборная СССР дважды была олимпийским чемпионом и еще дважды — бронзовым призером. В 1966 году сборная СССР на чемпионате мира в Англии заняла четвертое место — это в мировом футболе почетнейший результат. А клубы трижды побеждали в Кубке обладателей Кубков (дважды киевское и еще раз — тбилисское «Динамо»), московские динамовцы играли в финале этого еврокубкового турнира, а киевское «Динамо» завоевало в двух матчах против знаменитой мюнхенской «Баварии» Суперкубок Европы.

Я не хочу кричать на всех углах, что это — великие достижения. Нет, это не самый высокий, но очень достойный результат очень крепкой в футбольном отношении европейской страны, которую привыкли уважать во всем мире и приглашать ее игроков

на товарищеские матчи в сборную мира. И это — наше великолепное футбольное прошлое. А сегодня накануне жеребьевки Евро-2008 все без исключения европейские журналисты считают сборную России самым удобным соперником для своих команд. И представители Испании, Греции и Швеции, наши соперники по групповому турниру, не скрывают удовлетворения от предстоящих встреч с россиянами — даже если нашу команду будут возглавлять аж три Хиддинка.

Я — не сторонник того, чтобы в поисках причин кризиса валить все на 90-е годы. Хотя именно тогда, после разрушения советской системы организации спорта, новая система получилась далеко не самой эффективной. Скажу больше: и советская система не была идеальной, и при ней много чего было плохого. Однако нарушилась преемственность, пропала высочайшая конкуренция — и этого оказалось достаточно, чтобы качество нашего футбола покатилося под откос.

Отчего пропала конкуренция? Оттого, что после выхода из чемпионата СССР команд из союзных республик места их заняли посредственные российские клубы, которым в прежние времена никогда бы не попасть в элиту нашего футбола. И не лучшие команды «потянули» за собой худших, а наоборот, лучшие быстро скатились в «болото», где хорошо лишь всем середнячкам. А как только в футбол потянулись большие деньги — качество зрелища мгновенно перестало играть главенствующую роль. Огромное количество средних иностранных игроков-«легионеров» мгновенно отняло у перспективной молодежи шансы на попадание в основной состав своего клуба. Правда, сейчас принимаются меры, чтобы совсем уж слабые игроки в Россию не попадали, а те, кто играет, порой успешно защищают честь флага своих стран в разных сборных, даже сборной Бразилии,

как Вагнер Лав из ЦСКА. Справедливости ради следует сказать, что молодежь постепенно пробивается, но — не благодаря системе, а вопреки.

Большие деньги, которые, теоретически, должны были бы идти на развитие нашего футбола, на деле уходят на громкие продажи и перепродажи игроков и тренеров да на высочайшие зарплаты футболистам. Между тем по уровню мастерства и по результатам эти игроки совершенно не заслуживают высоких зарплат. Об этом пишется и говорится в течение нескольких последних лет. Чувствуя себя миллионерами, эти игроки постепенно теряют чувство реальности,

Чувствуя себя миллионерами, игроки постепенно теряют чувство реальности, и даже позорные поражения в Европе их на грешную землю не опускают.

и даже позорные поражения в Европе их на грешную землю не опускают. Дома-то они — короли футбола, все поголовно! Для чего же совершенствоваться в мастерстве? В Европу-то сейчас если и возьмут, то там пахать придется, а на поле толком и не выйдешь, на скамейке запасных «мариновать» будут, как одного из сильнейших в России нападающих Александра Кержакова в «Севилье». Там таких, как Кержаков — человек шесть, и каждый рвется в состав. А в России и играть спокойнее, и денег побольше платят, чем в иной европейской стране. Эх, менталитет...

Судьба московского «Локомотива» в нынешнем сезоне — как говорится, «другим наука». Была хорошая команда, Юрий Семин руководил ею долго, сам рос как специалист и команду вырастил отличную. А потом ушел в сборную — и началась в «Локомотиве» чехарда с тренерами и игроками. В сезоне 2007 года пришел в команду новый главный тренер — Анатолий Бышовец. В 1988 году на Олимпиаде в Сеуле сборная СССР выиграла под его руководством золотые медали. И это — слава для тренера. Но с тех пор никогда ему не удавалось добиться чего-то столь же выдающегося. Вот и сейчас, выиграв в начале сезона Кубок России, «Локомотив» покатилося вниз,

пошла череда скандалов, увольнения заслуженных игроков, и в результате — полный провал и в чемпионате страны, и в Кубке УЕФА. Мораль — неоригинальная: ломать — не строить...

Ну, а сборная России нынешнего года — странная. Конечно, Хиддинк — большой мастер. Конечно, он обновил состав, и порой команда показывала яркую игру. Но, в целом, не заслужила она царского подарка от хорватов, чья победа в Лондоне только и втащила Россию за уши на Евро-2008. Безвольное поражение в гостях от Израиля и безвольная домашняя победа на Андоррой — два последних результата отборочной европейской кампании, и они катастрофически смазали в целом неплохое впечатление от работы Хиддинка в России. Либо россияне утратили всякую веру в свои возможности, и Хиддинк не мог их научить работать по-европейски, либо сам Хиддинк проникся российским менталитетом и даже

не пытался повлиять на своих игроков. Какой из вариантов лучше? «Оба хуже», как говаривал классик. Многие верят в команду Хиддинка и сейчас, но, мне кажется, на чемпионате Европы она звезд с неба не ухватит, в лучшем случае, сумеет выйти из группы. Потому что для общего успеха надо, чтобы вся организация футбола и спорта в стране работала качественно по-иному. А пока этого не наблюдается, любой, даже сверхталантливый и везучий тренер будет творить чудеса, наподобие того, как это проделывалось в давней советской кинокомедии «Праздник святого Йоргена»...

P.S. Свой первый матч на чемпионате Европы 2008 года российская команда сыграет с Испанией 10 июня в Инсбруке. Следующий матч — с греками — российские футболисты проведут 14 июня в Зальцбурге, а завершат групповой турнир 18 июня матчем со шведами — вновь в Инсбруке.

Авторский проект Евгения Стецко

Пророчество Луначарского

«...Но как каждый передовой товарищ должен иметь часы, так он должен уметь владеть фотографической камерой. И это со временем будет. В СССР будет как всеобщая грамотность вообще, так и фотографическая грамотность в частности».

*А. В. Луначарский,
нарком просвещения РСФСР, 1926 г.*

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

~ просто люди

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

~ просто люди

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

— просто люди.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

~ просто люди

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

— просто люди

КРЕАТИВНОСТЬ: мифы и реальность

Дарья Самородова

Ромен Роллан писал: «Живет лишь тот, кто творит. Остальные — это тени, блуждающие по земле, чуждые жизни. Все радости жизни — радости творчества: любовь, гений, действия — это разряды силы, родившиеся в пламени единого костра». Действительно, каждый из нас рожден творить. Почему же столь огромная часть человечества безмолвно соглашается с ролью «теней, блуждающих по жизни»?

В современной жизни интерес к проблеме творчества и личности творца как никогда актуален. Запросы на креативное решение задач практически в любой области постоянно растут. В последние годы мы часто слышим слово «креативность», но, употребляя его, до конца не вникаем в его истинное значение. А ведь есть люди, которые профессионально занимаются этим вопросом. Завесу «тайны» над популярным сегодня понятием «креативность» приоткрывает автор методики развития креативности, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГУКИ (Московского государственного университета культуры и искусств), практический психолог — Захарова Ольга Юрьевна.

— Ольга Юрьевна, слово «креативность» употребляется сегодня во многих сферах деятельности. А что оно, в сущности, означает?

— Я часто спрашиваю своих студентов, какие понятия, по их мнению, являются синонимами слова «креативный». Они приводят следующие примеры: «классный», «необыкновенный», «творческий», «свободный». Лично для меня «креативность» — очень конкретная категория. Изначально данное понятие происходит от английского слова «creative» — творчество. В западной психологической культуре эти два термина были взаимозаменяемы. В нашей же стране до недавнего времени было принято употреблять термин «творчество». Однако на сегодняшний день наши ученые разделили эти два понятия, и в научном мире развернулась полемика: кто-то говорит, что данные понятия синонимичны, кто-то их разделяет.

— Если у нас эти два понятия вызывают такие бурные споры, что же тогда подразумевается под «творчеством»?

— В античности творчество понимали как созерцание вечного бытия, которое выше любого вида деятельности, чуть позже оно рассматривалось как проявление природы, еще позже — как проявление способностей человека. Сегодня «творчество» понимается как создание объективно или субъективно нового. Некий процесс, имеющий свои определенные стадии: замысел, осмысление, инсайт, сам продукт.

— А что же тогда «креативность»?

— Сам термин появился в 60-х годах XX века в исследованиях американских психологов для обозначения способности личности создавать новые понятия, формировать новые навыки.

ПОНЯТИЯ КРЕАТИВНОСТИ

Сплав восприятий, осуществленных новым способом. Перевод знаний и идей в новую форму, которая является ответом на поставленную проблему.

Способность приносить нечто новое в опыт.

Способность находить новые связи.

Форма мышления, превосходящая обычное логическое мышление.

Готовность к решению новых проблем, преобразованию действительности.

И так далее...

Лично я рассматриваю креативность как способность к нестандартному мышлению, умение продуцировать неожиданно новые решения. Меня интересует возможность работы со стереотипами восприятия, мышления, деятельности.

– Бытует мнение, что стереотипы – это «плохо»...

– Плохо тогда, когда стереотипы превращаются в предрассудки. В переводе с греческого стереотип – это твердый отпечаток, копия чего-либо. На самом деле, стереотипы – это очень хорошо, ведь они являются основой опыта. И чем их больше, тем лучше. Стереотипы полезны даже в том случае, когда мы выполняем какой-либо конкретный вид деятельности, например, чистим картошку. Задумайтесь! Если бы мы каждый раз изобретали новый вариант очистки, мы бы тратили на это занятие уйму времени. С другой стороны, если нам предстоит освоить новое орудие труда: например, современную овощерезку, до появления которой на кухне

– Креативность – это нечто врожденное, или ее можно развить?

– Конечно, можно. Однако у человека всегда должно быть право выбора – развиваться или оставаться на том уровне развития, на котором он в данный момент находится.

– Всем ли полезно развивать свою креативность? Существуют ли какие-либо ограничения для определенных людей?

– Проблема в том, что данный процесс удаляет человека от состояния равновесия, пусть относительной, но стабильности. Ученым хорошо известен закон гомеостаза – любая система стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Согласно данному закону, любое развитие будет встречать некую точку сопротивления.

Креативность подразумевает нарушение этой пусть, порой, хрупкой, но системы. В постижении данной «науки» существует некая точка потери равновесия: система будет стремиться вернуться назад или замрет на достигнутой точке, или вообще не захочет двигаться дальше, или какое-то время подождет, а потом начнет развиваться. Встречаются и такие варианты, когда во время прохождения тренинга мы можем наблюдать резкое падение уровня креативности, а лишь после этого – заметный рост. Реакция на развитие креативности может быть разной, и проблема состоит в том, что потеря равновесия приводит некоторых людей к неврозам. Ролам Эй, американский психолог, писал: «Творчество – это большой подвиг для человека, потому что требует очень больших волевых усилий и большой смелости». Это действительно так. Точку потери равновесия надо уметь преодолеть, перешагнуть через свой страх перед неизведанным и довериться ему. В самой методике «ка-

ляк» (рисование беспорядочных замкнутых или открытых линий, в которых впоследствии нужно воспроизвести определенный образ) заложена тренировка пластичности мозга, его возможностей по-новому смотреть на ситуацию. Креативность – это дорога в неизведанное, конца которой мы никогда не увидим. Мы ведь не знаем, что там, за линией горизонта. Ощущение страха рождается как следствие – стоит ли вообще к этой линии двигаться... Конечно, все описанные выше процессы происходят на бессознательном уровне. Поэтому, скажу откровенно, людей, легко развивающих свою креативность, я не видела.

Однако не секрет, что креативность ощутимо улучшает качество жизни. Преодоление психологических барьеров зависит от воли конкретного человека, его психических качеств, сопротивляемости нервной перегрузке. Поэтому, возможно, есть люди, которым не стоит развивать креативность, чтобы не расшатывать свою эмоциональную сферу. Человек должен очень хорошо подумать, прежде чем отправиться в подобное «путешествие». Нужно учиться адекватно воспринимать момент сопротивления. В случае, если ощущение равновесия теряется очень мощно, стоит остановиться, прекратить тренинги. Возможно, пройдет какое-то время, и вы захотите снова к этому вернуться, но уже с другой позиции, с другой ступеньки. Креативность с наскока не берут. Хочу отметить, что данное понятие ни в коем случае нельзя фальсифицировать, использовать как бытовое, к нему надо относиться уважительно. Оно не должно стать сленговым словом, которым на сегодняшний день, оно, все-таки, стало, потеряв свою значимость.

– Да, мы видим, что сегодня действительно много креативных людей в самых разнообразных сферах деятельности. А как к ним относятся окружающие?

– Неоднозначно. В любой фирме, рекламе, на производстве звучит девиз: «Больше креативности!». Запрос очень высок, однако стоит только появиться креативной личности, как общество начинает от нее дистанцироваться. Такая личность нестандартна не только в своих идеях, но и в способах поведения, подачи себя – она не такая, как все. Большая

Когда малыш с рисунком подходит к маме и говорит: «Мама, смотри, что я нарисовал», и та спрашивает: «А что это?», он отвечает: «Это зайка». «Какой же это зайка? Это киска! Смотри, как рисуют зайку!» И мама рисует зайку, обучая ребенка шаблонному стереотипу, так же, как учили ее родители. А ребенок при этом продолжает находиться в состоянии непонимания, потому что он видел в рисунке свое, а его не оценили и не поняли.

проблема креативных людей в том, что им необходимо социализироваться. Если креативный человек не социализирован, это большая беда для него и огромная потеря для общества. Ведь творчество бывает продуктивным и непродуктивным, то есть «псевдотворчеством». Можно выдавать много идей, ни одна из которых не воплотится в жизнь. С креативными трудно. С людьми более стандартными проще договориться, они легче подчиняются общеприня-

Надо учиться видеть оригинальный продукт в пока не оригинальной упаковке.

мы работали ножом, в таком случае нам потребуются изобрести новый механизм стереотипности. Вообще, человеческий мозг всегда старается закрепить более стереотипные варианты, снижая, таким образом, затраты своей деятельности. С одной стороны, это «плюс». С другой – «минус» наступает тогда, когда ситуация касается творчества, или в случае, если нам приходится выбирать – тогда очень трудно прорваться через привычные стереотипные решения. Именно поэтому в область творчества стереотипы вносят некоторую сложность. Чем больше у человека наработанных стереотипов, тем ему легче, тем большим их количеством он может пользоваться. Великолепно, когда человеческая психика пластична и может выбрать варианты поведения, адекватные конкретной ситуации, а при необходимости и выработать новые.

тым условиям, креативная же личность не признает стандарты, действуя по ситуации и выходя за их рамки. Это рыбы не той среды. Им нужна реализация вне времени, пространства и жестких договоренностей.

– **Существуют ли особые условия, в которых могут развиваться креативные качества?**

– Существуют. О них полезно знать родителям, которые хотят развить в своих детях креативность. Назову некоторые из них:

– **А вы лично на тренингах занимаетесь этим?**

– Я разработала тренинг, исходя из гипотезы, что креативность – это способность к нестандартному мышлению, которая напрямую связана с возможностью преодоления стереотипов, и пришла к выводу, что тренировка пластичности мозга приносит потрясающие результаты. Это легко можно сделать на безопасном способе. Какой вид деятельности самый безопасный? Тот, что известен человеку с раннего детства – изобразительная деятельность. Учеными доказано, что до восьмилетнего возраста мы набираем максимум стереотипов в изобразительной деятельности. Суть вопроса состоит в том, что участники тренинга должны пройти весь этап так называемого онтогенеза (процесса развития) рисунка, но повторно. Это называется «замещающий онтогенез». В нем есть свои этапы, которые начинаются с первых точек, закорючек, «каляк».

Заниматься по данной методике могут люди любого возраста, по группам, конечно, начиная с пятилетнего, когда ребенок уже способен выполнять целенаправленные задания. Мы возвращаемся к тому моменту жизни, когда, будучи малышом, человек начал рисовать «каляки». Думаю, родителям полезно будет знать, что в изобразительной деятельности ребенка есть этап, когда он рисует просто «каляку», в которой может увидеть и зайчика, и кистку, и белочку. Причем самое интересное, что сегодня он видит одно животное, а завтра – совершенно другое, потому что у ребенка очень высокая образность восприятия. Когда малыш с рисунком подходит к маме и говорит: «Мама, смотри, что я нарисовал», и та спрашивает: «А что это?», он отвечает: «Это зайка». «Какой же это зайка? Это киска! Смотри, как рисуют зай-

ку!» И мама рисует зайку, обучая ребенка шаблонному стереотипу, так же, как учили ее родители.

А ребенок при этом продолжает находиться в состоянии непонимания, потому что он видел в рисунке свое, а его не оценили и не поняли. В подобные моменты надо не просто ограничиться фразой: «Ой, как здорово!», а подробно расспросить: «А где у зайки глазки, где хвостик?», пожить, поиграть с этим образом вместе с малышом. Возможно, вы узнаете, что изображенный на бумаге зайка отвернулся и поскакал в лес. Надо учиться видеть оригинальный продукт в пока не оригинальной упаковке. Нужно верить в способность ребенка быть творцом, еще когда у него нет мышечной ловкости. Потому что если учить, как правильно рисовать зайку, зачеркнув его творение, можно сказать, что именно с этого самого момента начнется стереотипизация. В случае, если мы хотим креативного развития ребенка, надо оказывать ему искреннюю эмоциональную поддержку. На тренингах мы учимся видеть в одной «каляке» тысячу изображений, развиваем пластичность мозга. Подобные тренинги очень полезны для людей, ра-

ботающих в области рекламы, дизайна, других творческих профессий, а также для учителей.

– **Вы замечали видимые изменения в восприятии или в жизни участников тренинга?**

– Конечно. И у каждого они свои. Некоторые смогли безболезненно изменить профессию, сферу деятельности. То, о чем раньше человек лишь мечтал, но по той или иной причине не реализовал, сбывается. Например, много лет проработал по одной специальности, а после тренинга смог преодолеть свой страх перед открытием нового рубежа. Не все выдерживают целенаправленную реализацию лишь в одном виде деятельности, многие люди жаждут перемен. Люди творческих профессий совершили громадный рывок вперед, представители руководящих должностей стали находить новые нестандартные решения в управлении компанией и установлении новых связей, некоторые открыли для себя новые хобби. Например, одна дама, которая занималась научной деятельностью, неожиданно увлеклась вокалом, а потом начала брать уроки живописи...

- 1 общение вашего ребенка с разными людьми — различных взглядов, профессий, культур, путешествия, разностороннее культурное развитие;
- 1 низкая степень регламентации поведения — например, отсутствие требований к ребенку там, где они, например, нужны исключительно для вашего удобства, заметьте, что в обществе мы можем наблюдать совершенно обратную картину — сверхрегламентация поведения;
- 1 минимальная представленность поведенческих стереотипов в окружающей человека среде;
- 1 демократический стиль отношений;
- 1 предметная, информационная обогащенность;
- 1 эмоциональная поддержка творческой личности и социальное подкрепление творческого поведения.

Можно сказать, что любой ребенок максимально креативен – ведь он все делает впервые. Но со временем окружающая среда как бы «затаптывает» эту способность, и возрождение затоптанной первичной креативности происходит в разряд актуальных проблем.

Результаты тренинга впечатляющие! С нами и поделились двое его участников.

Дмитрий, 38 лет
управляющий крупной компанией:

«Я получал удовольствие от самого процесса. Понял, что многие шаблоны, существующие в моем восприятии, можно преодолеть. Тренинг помог мне выработать новые неожиданные подходы к решению конкретных задач в бизнесе, такие, до которых я бы раньше просто не додумался. Почувствовал, что стал мыслить шире, видеть новое там, где не видел раньше, например, картинки и образы на кафельной плитке или в трещинах коры деревьев. Те-

перь стараюсь применять этот опыт в общении с сотрудниками, при знакомствах с новыми людьми. Я увлекаюсь восточной философией и в процессе занятий не раз думал о том, что с буддистской точки зрения, вынесение оценок чему бы то ни было, в том числе акту собственной креативности, означает шаг на пути к незнанию. Хочу поделиться с вами новой информацией: в интернете я нашел «фразы, убивающие креативность». Думаю, это хорошая пища для размышлений:

У нас другой случай.
Мы уже это пробовали.

Это обойдется слишком дорого.
 Это не моя обязанность.
 У нас нет времени.
 Недостаточно поддержки.
 Это не наша проблема.
 Это не укладывается в бюджет.
 Опять? Только не это.
 Перемены приведут к большим неприятностям.
 Я знаю человека, который это сделал, и его уволили.
 Не раскачивайте лодку.
 Кто-нибудь другой пробовал это?
 Мы несем ответственность перед акционерами.
 Работает — не трогай».

Мария, 24 года

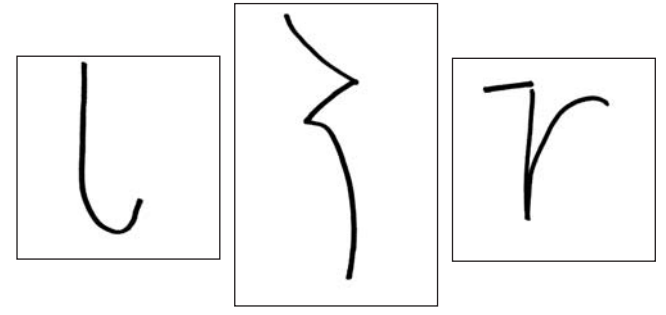
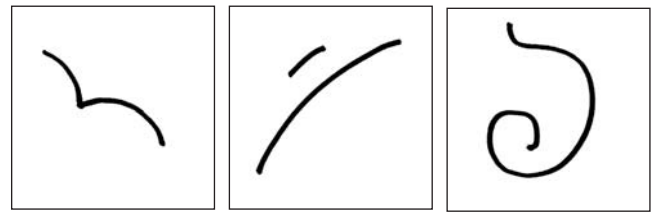
специалист отдела закупок ведущей фармацевтической компании:

«**П**ойти на тренинг меня заставил внутренний импульс, который «включил-

ся» в момент, когда я услышала о нем. Я «прилетела» на первое занятие и поняла, что зов моей интуиции был верным. До начала прохождения тренинга слово «креативность» ассоциировалось у меня исключительно с работой, а по окончании курса я поняла, что перемены выводят человека на уровень творчества жизни, безграничных возможностей, а не только принятия оригинальных решений в рамках отдельного сектора. Основная сложность заключалась лишь в том, что прохождение этапов тренинга совпало с написанием моей дипломной работы. В тот момент я начала замечать, как сильно меняется моя система ценностей. Все то, к чему я шла в течение многих лет, потеряло для меня актуальность. Гораздо большую ценность стали представлять для меня рисунки и работы, которые я выполняла на

тренинге и в перерывах между занятиями. Благодаря им я развивалась, повернулась «лицом к себе». Обычный лист, «заяпанный» яркими цветами, стал для меня дороже, чем вкладыш диплома. Тяжело приходилось, когда мама просила показать ей новую главу диплома, а в ответ я демонстрировала очередных «креативных» кошек. Можно сказать, что благодаря тренингу я осознала свои истинные желания, стала смелее подходить к созданию своего внешнего образа, не бояться носить яркие, необычные вещи. Добавлю, что признание в себе таланта — это сложная работа, которая началась тогда и длится по сей день. Я начала верить в свою незаурядность, потому что с детства мне было намного ближе чувство долга, нежели чувство собственной независимости и неординарности. Честно скажу, что дви-

гаться в этом направлении страшно, трудно выделяться из толпы». Итак, креативная личность — это особая разновидность человека, а не просто человек, приобретший некое новое умение, вроде умения кататься на коньках.
 Креативность есть высшая свобода. Проблема в том, каким образом человек может доверить себе подавление собственной свободы.
 Чтобы быть креативным, человеку не обязательно писать книги, сочинять музыку или создавать живописные полотна. Говоря о своей теще, величайший мастер психологии Абрахам Маслоу, указывал, что хотя его теща не обладает талантами писателя или актера, она в высшей степени творчески подходит к приготовлению супа. Маслоу замечал, что в первоклассном супе всегда больше творчества, чем во второсортной поэзии!

Ольга Юрьевна и ее студенты предложили читателям несколько «безопасных» упражнений для самостоятельной работы. Прежде, чем приступать, помните что «правильных» и «неправильных» ответов не существует.

Тест Торренса (завершение картинок). Очень хорошо развивает воображение. Лист А4 делится на шесть квадратиков, в которых рисуются следующие закорючки. Ваша цель — завершить картинку. По окончании работы вы берете следующий лист и поступаете с ним точно так же, но на этот раз те же самые закорючки должны стать основой для создания совершенно новых изображений. После возьмите новый лист и повторите шесть раз лишь одну из шести закорючек и теперь попробуйте создать новый образ на основе одного и того же изображения в каждом квадратике.
 Для тех, у кого хорошо пошло предыдущее задание, можно взять эти же шесть линий и, используя только шесть линий, нарисовать кошку, дерево, птицу.

Нарисуйте как можно большее количество разнообразных линий. Когда вы остановитесь?
 А теперь отложите этот лист и нарисуйте в пять раз больше линий, но чтобы они не были похожи на эти. Не читайте пока что дальше.
 (Вы поймете, что наибольшее количество линий заключено в одной «каляке».)
 Нарисуйте одновременно двумя руками два симметричных, а потом два асимметричных рисунка. Именно одновременно, нельзя, чтобы одна рука остановилась, а другая продолжала рисовать.
 Нарисуйте замкнутую линию, повторите ее несколько раз на других листах, чтобы «увидеть» разные образы — лица, предметы, формы.

МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ

В свои 47 лет он оформил 115 спектаклей в 25 странах мира, собрал лучшую в мире коллекцию исторических костюмов. Он дружит с королевскими особами и потомками русских аристократов — эмигрантов всех волн, с кинодеятелями и театральными звездами, с кутюрье мировой величины. Саму Майю Михайловну Плисецкую называет «очень близкой подругой». Посмеиваясь, рассказывает, явно не страдая от излишней скромности, как Зайцев и Юдашкин «позаимствовали» у него моду на мужские шарфики, и не скрывает, что он не рубль, чтобы всем нравиться.

Александр Васильев, историк моды, декоратор интерьеров, сценограф и коллекционер, профессор. Человек, который знает о моде все и больше, чем все. Например, как одеться на сто долларов, а выглядеть на миллион.

Александр Васильев:

«Мода — манера ЖИТЬ В ДАННУЮ ЭПОХУ»

Моя коллекция начиналась с арбатских помоек

▀ Александр, расскажите, как «мальчик из советской эпохи», которого обзывали франтом и стилигой, стал культовым персонажем московской и парижской художественной жизни?

— Началось все с детской коллекции, которая в свое время наделала много шума. Журнал «Юность» еще в 1974 году опубликовал обо мне большую статью как о необычном коллекционере антиквариата. Она называлась «Никуда не деться от Сани Васильева».

▀ Саня Васильев был уже известен?

— Конечно. Известность пришла в 8-милетнем возрасте, когда я стал... телезвез-

дой. Я тогда был единственным ребенком в стране, который вел передачу. Она называлась «Будильник» и начиналась с того, что в кадре появлялся мальчик с циферблатом и стрелками на животе и с золотой шапочкой в виде звонка на голове. Тот «мальчик» сейчас перед вами...

▀ Мы остановились на коллекционировании... Как все же появилась эта коллекция?

— Мой отец, Александр Павлович Васильев, был знаменитым театральным художником-декоратором, академиком, народным художником России, а мама — выпускницей первого набора школы-студии МХАТ. Она четверть века проработала актрисой в Центральном детском театре, а затем преподавала сценическую речь в школе-студии МХАТ. Будучи сыном ху-

дожника и актрисы, я просто «пошел по их стопам», серьезно увлекся стариной. Поскольку тогда в Москве было всего три магазина антиквариата, но ни один из них не торговал, например, кружевами, старинными туфлями, зонтиками или лорнетками, которые меня безумно интересовали, я стал собирать многие вещи на... помойках.

▀ ?!

— В то время расселяли коммунальные квартиры на Арбате, Пречистенке и Остоженке. Люди переезжали в новые жилища и выкидывали на помойки старье. А я каждый день после школы с большой сумкой обходил дворы и находил груды редчайших вещей — мебель из карельской березы, коллекции книг, старинные сундуки, зонтики, бисерные сумки. Дома чистил, отмывал, кое-что даже старался отрестав-

рировать. Мне помогала мама — кипятила вещи, гладила. Она считала, что подобное увлечение гораздо лучше, чем, скажем, пиво в подворотне или всякие слова на стенах и заборах.

▀ А первый свой экспонат помните?

— А как же. Я нашел его в восьмилетнем возрасте во дворе Нащекинского переулка в Москве. Это был образ Николая-чудотворца XVII века.

Сегодня в моей парижской коллекции приблизительно десять тысяч предметов туалета — костюмы, платья и их аксессуары, шляпы, обувь, зонты, сумки, корсеты, веера. Это самая большая частная коллекция русских и западноевропейских костюмов, она охватывает три века европейской моды. Я обычно так и называю свои выставки — «Три века европейской моды».

Афганистану я предпочел Париж

▀ **Кстати, как вы решились эмигрировать в 1982 году? Ведь ваша собственная карьера театрального художника складывалась весьма успешно...**

— Влюбился в одну француженку, ее звали Маша. У нас сложились доверительные, а впоследствии любовные отношения, что вылилось в предложение, которое я ей сделал. Она отучилась в МГУ, возвращалась во Францию и сказала, что если я хочу быть с ней, то надо обязательно найти возможность уехать вместе. Любовь была первой причиной, а второй... В стране — эпоха Брежнева, застой во всех сферах жизни, а я только что закончил постановочный факультет школы-студии МХАТ, и как художник-постановщик хотел свободы, мечтал о путешествиях, стремился учиться искусству, профессионально заниматься историей моды. И во Франции у меня было для этого больше возможностей... Останься я в СССР — сколько еще лет мне пришлось бы ждать шанса посмотреть Италию, замки Франции и Испании, остатки древних цивилизаций Южной Америки или старый Китай? Это сейчас каждый студент может поехать на летние каникулы собирать клубнику в Голландии или красить дома в Швеции. А тогда мы и помыслить об этом не могли.

Но жениться мне долго не разрешали под разными предлогами. Вызывали в КГБ, склоняли к стукачеству на свою будущую супругу и ее знакомых.

Разумеется, я отказался. Да и сообщать-то было нечего... Мне чинили всяческие препятствия, пришлось долго добиваться разрешения на выезд... По гостевой визе — к законной жене. Маразм! Я взял с собой только коллекцию диапозитивов, летние вещи, матрешку в подарок и улетел.

▀ **И с тех пор стали невозвращенцем...**

— Выбора не было, в качестве альтернативы — повестка на службу, скорее всего, в Афганистан. И это не шутка — об этом мне прямо сказали в нашем консульстве. А так

мне как мужу француженки через полгода выдали французский паспорт и еще через полгода — гражданство. Я очень тосковал по родителям, по Родине, но невозвращенцем себя не считаю — меня сделали таким. Не разрешали даже встречаться с близкими. Матери трижды отказывали в выезде во Францию, отца сместили с должности секретаря правления Союза художников, не дали ему звание народного художника СССР, довели до инсульта... Мстили за сына, который стал жить во Франции.

▀ **Расскажите самые яркие моменты «взятия Парижа».**

— Я начинал с нуля. Пришлось испытывать разные способы зарабатывания на жизнь. Например, пел в кафе русские романсы. У меня был шикарный репертуар — «Ехали на тройке с бубенцами», «Дорогой длиною», «Я иду, шагаю по Москве», «Ивушка зеленая, над рекой склоненная»... Мыл окна одной миллионерше, пылесосил ей ковры, стирал занавески, не скрываю. Клеил афиши, мыл посуду и пек блинчики на Монпарнасе, правда, недолго — они у меня получились ужасные... Заработанных денег едва хватало на еду и оплату квартиры. Но в молодости все это нестрашно.

Свой первый контракт в театре города Пуатье я получил через два месяца после эмиграции. Так что, мытье посуды на Монпарнасе пришлось забросить. А после премьеры в Пуатье пошли контракты с французскими театрами.

▀ **А как языковой барьер? Вы свободно говорили по-французски?**

— Нет, французский знал плохо, зато хорошо владел английским и польским. Но главное, что очень быстро и совершенно случайно я нашел работу в ведущей французской школе моды «Эсмод», куда меня пригласили читать лекции по истории костюма и истории моды, потому что, как оказалось, специалистов в этой области во Франции не было. Сразу же дали трехлетний контракт профессора — во Франции так называют преподавателей.

▀ **А как к вам относились французы — ведь вы были человеком из Советской России?**

— Я не выглядел как советский человек: всегда хорошо одевался, умел пользоваться столовыми приборами.

▀ **Почему именно приборами? Это что, так важно?**

— Да, это очень важно. Умение вести себя за столом — самое главное во Франции, именно так проверяется, светский вы человек или не светский. Как вы держите вилку, что вы пьете — это очень важно для них. Французы знакомятся только за столом... В 85-м я получил первый зарубежный контракт — в Рейкьявике. Потом меня пригласили в Королевскую академию моды в Антверпене, в Высшую школу Ля Камбр в Брюсселе и вскоре — в Англию, в лондонский Королевский колледж искусств. Стал ездить в Италию, Испанию, Португалию, США, Китай, Сингапур. Мне это подарило очень много и, прежде всего, возможность учиться. Во Франции я поступил в школу Лувра — это школа, которая готовит историков искусств, я учился там на отделении «дизайн интерьеров больших дворцов». Представьте, мне приходилось даже оформлять театр Пиночета в Чили, во времена хунты. Его дочка была моей ученицей...

А в 90-м году произошло очень приятное для меня событие: пришла открытка из советского консульства в Париже с предло-

жением получить новый советский паспорт, а вместе с ним и возможность приехать на Родину. Что я незамедлительно и сделал.

▀ **Возвращение получилось триумфальным?**

— Нет, меня ведь никто не знал. Это теперь я стал модным: езжу по стране с лекциями, вожу наших дам из числа «новых русских» за границу — они учатся в Париже, Милане, Венеции, Черногорье, Стамбуле. Консультирую, делаю интерьеры в старинном стиле для элитных заказчиков. Мне многие подражают. Я, например, ввел в России моду на шарфы у мужчин. Все, кому не лень, начали ходить с шарфиками — тот же Слава Зайцев, Юдашкин, Зверев, Михалков и многие другие. Цепная реакция... Они понимают, что шарф в определенном возрасте корректирует фигуру, вертикальная линия создает объем, к тому же он очень идет людям с животиком... Надо дать толчок, импульс, и я знаю этот механизм. Очень, очень доволен, что Россия сегодня открыта этим знаниям, моде, искусству. Жизнь моя прекрасна тем, что я могу жить в Париже, где у меня квартира и коллекция, и в собственном фамильном имении «Кривой Погурек» в Литве, и в Москве. Я получаю удовольствие от каждого прожитого дня.

Говорят, вы водите дружбу с королевами. С какими еще незаурядными личностями вам посчастливилось познакомиться на Западе?

— Я близко знал Эрте, самого знаменитого русского иллюстратора в стиле арт-деко в пресе 1920-х годов в Париже и Америке. Он родился в Петербурге, настоящее его имя Роман Тыртов. Еще я очень близко дружил, например, с последней любовью Маяковского — Татьяной Яковлевой, которая жила в Нью-Йорке. В числе моих знакомых — русские манекенщицы волны 20-30-х годов, артисты из труппы Дягилева, в том числе такие знаменитые балерины, как Александра Данилова, Татьяна Рябушинская, Ирина Баронова, Наталья Красовская, чьи имена, к сожалению, советскому и постсоветскому читателю ничего не говорят, потому что мы были отрезаны от этой части российской культуры.

Российские модельеры — диверсанты по отношению к женщинам

Классическими российскими бедами считаются известно кто и что. А мода — тоже беда в России?

— Нет. Я считаю, что у нас есть очень талантливые стилисты с очень интересными идеями, но, на мой взгляд, главная их ошибка, что они недооценивают российский климат и предлагают женщинам ходить с голым животом и в прозрачных платьях при тридцатиградусном морозе. «Мода на голый животик» — это просто диверсия модельеров, потому что она ведет к простуживанию почек и неизлечимым женским

болезням. А вообще, о нашей моде в мире, конечно, знают очень мало.

Почему-то на Западе Россия до сих пор ассоциируется с лаптями и сарафанами. Это обидно для нас?

— Нет, не обидно. А что мы, сегодняшние, можем предложить именно свое? PR-компания царской России была гораздо умнее, чем советского и постсоветского периодов. Потому что они смогли прорекламировать уникальный русский стиль в лап-

тях и косоворотках, а мы не сумели создать альтернативы.

Восьмидесятилетний период СССР, на ваш взгляд историка, погубил отечественную моду?

— Абсолютно. Он уничтожил индивидуальных создателей моды. Потому что все должны были работать на государственные ателье или городские Дома мод, которые существовали в то время. Модели были безликие, отличались бедностью ткани и отделок. Сograждане могли выбирать из небольшого количества частных портных, которые работали в коммунальных квартирах и скрывали свою деятельность. Наталья Фатеева, будучи моей подругой, рассказывала, что спекулянтки продавали ей из-под полы отрезы французского шелка или сирийской парчи, из которых ей на Мосфильме шили платья. И она, даже будучи звездой, не могла в 60-70-е годы купить себе одежду известных модельеров. А Клара Степановна Лучко вообще одевалась в комиссионном магазине. И только в 90-е годы, когда ее дочка вышла замуж за югослава и эмигрировала в Канаду (где даже имела свой бутик готовой одежды), актриса смогла приобрести с помощью дочери фирменные вещи Карла Лагерфельда и «Эскады».

Но, тем не менее, мы не можем сказать, что Россия была неодета и неумыта — к нам многое доходило из-за границы даже через «железный занавес». И я в своей книге «150 лет русской моды в фотографиях», которая недавно вышла, как раз объясняю, каким образом мировая мода просачивалась в СССР. К сожалению, мы все равно всегда отставали — если не на десять лет, но на пять-то уж точно.

Считается, что во Франции все пристально следят за модой. Это правда?

— Во Франции модой не интересуются. Там ее придумывают и продают. Француженки думают о моде в период распродаж, в остальное время они работают. Кстати, в отличие от русских женщин, которые всю жизнь ждут принца на белом коне. И зря, потому что всех принцев — вместе с конями — расстреляли в семнадцатом году!

Хочу, чтобы после меня остался Музей моды Александра Васильева

Возвращаясь к вашей коллекции, можете назвать самый любимый, самый ценный экспонат?

— Я бы мог сказать, что это, например, гардероб русской миллионерши Татьяны Налбандовой, хозяйки завода петровской водки, эмигрировавшей в Париж с полным гардеробом, который был распакован только в... 1992 году. Или уникальная коллекция вееров рококо 1750 — 1760-х годов, которые я собирал по всему миру, или костюмы, сделанные по эскизам Бакста в мастерской Ламановой. Но не скажу... Самый ценный и любимый мой экспонат — это я сам! Хотя бы потому, что все мои пла-

тья — это мои дети, а вы ведь не можете сказать о своих детях, что вы любите кого-то больше, а кого-то меньше.

Моя коллекция стоит больших денег, и на все появляющиеся у меня средства, все гонорары я без конца покупаю новые экспонаты. Хотя часто получаю ценные вещи и в дар. Моими дарителями были представительницы первой русской эмиграции, наши аристократки. Очень много платьев от Пьера Кардена мне подарила Майя Плисецкая, моя близкая подруга. Я не даю это никому носить и сохраняю экспонаты для потомства. Хочу, чтобы после меня остался Музей моды Александра Васильева. В великой России, к слову, до сих пор нет Музея моды.

Веру в победу коммунизма подорвала... мини-юбка

Александр, вы часто в своих интервью говорите, что мода — это манера жить в данную эпоху. Расшифруйте, что это такое...

— Только глупый думает, что мода — это две рюшки, три пуговицы и бантик. Мода не начинается и не заканчивается на одежде, она включает в себя

весь комплекс поведения в обществе. Это и манера ходить, отдыхать, путешествовать. Это то, какую музыку вы слушаете, на какой мебели сидите, какие носите украшения, какие цветы у вас на окне, как вы разговариваете и какие танцы танцуете. Мода — это все, что вас окружает: запахи, автомобили, собаки, интерьеры, цветы. Мода тотальна, мы все живем под ее диктатом, и вырваться из ее когтей, показать свою эксцентричность и

экстравагантность — удел избранных. Бернард Шоу сказал очень мудрую фразу: «Следить за модой смешно, а не следовать — глупо». Нужно находиться между двумя этими полюсами.

▣ **Как вы считаете, политика влияет на моду?**

— На моду влияет все, и она всегда идет вслед за политическими событиями. На нее влияет и климат, и экология, и искусство — живопись, кино, архитектура, балет, современная музыка... Тайфуны, крах доллара или подъем евро. Терракты, военные действия, покорение космоса, СПИД... Да, да, именно СПИД. Его влияние проявилось в моде на несексуальные формы белья в 90-е годы, когда эпидемия была очень значительна а лекарств не существовало. Отразилось это также на цветовой гамме в эпоху мрачного желания не соблазнять, очень характерного для первой половины 90-х годов.

На моду, конечно, влияют видные личности современности. Скажем, певица Мадонна, или принцесса Диана Уэльская, или Жаклин Кеннеди. Помните костюмы с подкладными плечиками Маргарет Тэтчер? И у нас были свои звезды кино и эстрады, свои кумиры.

Люди подражали тому, как одета

Эдита Пьеха, интересовались нарядами Майи Плисецкой, заглядывались на Светлану Светличную, Майю Кристалинскую и Ирину Скобцеву. Некоторым нравилась прическа «раиска», которую носила Раиса Горбачева.

Также на моду влияют открытия — новые технологии в производстве тканей, новые красители и т.д. Она меняется и накладывает существенный отпечаток на нашу жизнь. Если говорить более емко, то мода — это коллективное сумасшествие...

▣ **Вы не скрываете, что следовать моде — это чересчур дорогое удовольствие. А как быть тем, кто богат только духовно? Как обычная российская женщина может выглядеть всегда стильной и хорошо одетой?**

— Искать свой стиль — вот что самое важное. Коко Шанель сказала одну очень важную фразу: «Мода выходит из моды, а стиль никогда». Старайтесь найти свой цвета, свой образ и в интерьере, и в одежде. Старайтесь быть в мире со своей душой, и тогда ваша внешность будет всегда прекрасна. И еще — не будьте памятником самому себе или какому-то отдельному периоду. Самое ужасное, когда женщина застывает на прическе 1973 или 1986 года, потому что ей это тогда шло. Если вы не меняете стиль в одежде и цветах, меняйте хотя бы свои прически. Экспериментируйте и будьте в них современными. И меньше пластических операций, потому что нет ничего смешнее, чем женщина с губами карпа и нарастанными пластиковыми ногтями. Старайтесь не выглядеть смешной, потому что это убивает женщину.

▣ **А что «убивает» мужчину?**

— Мужчине нужно следить за собой, за своей фигурой, быть подтянутым. Сегодня не обязательно тратить много денег, чтобы выглядеть элегантно. Не скрою, что, например, я на свой личный гардероб никогда не трачу много денег. Готов купить себе костюм за три тысячи рублей, ходить в нем и выглядеть на миллион. Самое важное не то, что вы носите, а как вы это носите, есть ли у вас свой стиль и свой силуэт. И ни в коем случае нельзя становиться рабом желудка, потому что рабство желудка приводит к тому, что не все вам идет.

▣ **Как историк моды вы можете назвать самые революционные события в моде за последние 150 лет?**

— Охотно. 20 век. Отмена корсета Полем Пуаре в 1905 году... Короткие женские стрижки в 1914 году... Это было связано с Первой мировой войной. Война привела к укорачиванию причесок — не было денег на шампуни, укладки, да и сами средства ухода за волосами были в дефиците. Далее — мода на голые спины у женщин и короткие платья в 1924 году. После войн конкуренция между женщинами всегда обостряется, и побеждает самая сексуальная, обаятельная и привлекательная.

Следующий революционный виток — появление платформ на женской обуви в 1937-м. Причина? На съемочной площадке в Голливуде вышел из моды поцелуй, когда партнерша встает на цыпочки, и чтобы быть ближе к губам партнера, актрисы стали носить платформы и каблуки...

В 1946 году появляется бикини. В 1947 — «new look» Кристиана Диора, опять мода на корсеты и широкие юбки. Причина снова сексуальная — солдаты пришли с фронта, и надо их обольщать. 1955-й год — мода на «узкую линию» платьев у женщин в связи с тем, что широкие весили много, а для провоза в самолете багажа был лимит — 20 кг.

▣ **Неужели все так тесно взаимосвязано?**

— Конечно! Мода же — зеркало истории... В свое время изобретение колготок и противозачаточной таблетки перевернуло мир. Затем джинсовая мода, унисекс... И так далее.

▣ **А какое самое главное событие в моде XX века?**

— Мини-юбка. Именно с ее появлением началась сексуальная революция. Кстати, не радиостанция «Свобода», не

труды Солженицына, не «Доктор Живаго» подорвали в советском человеке веру в победу коммунизма. Это сделали мини-юбка, югославские сапоги, корейские парики и американские джинсы.

▣ **Мы прошли по моде прошлого. А каковы ваши предсказания по поводу моды будущего?**

— Думаю, будет очень много унисекса и домашней одежды. Люди начнут все больше времени проводить дома у компьютера. Мода обязательно откликнется на клонирование.

Одной из тенденций станет изменение формы человеческого тела. Если раньше мы стремились к идеальной красоте, то в XXI веке будем стремиться к идеальному уродству. Мы уже сейчас это видим, например, увлечение пирсингом. Не понимаю, почему нужно носить гайку в носу? Вероятно, чтобы показать, что ваше лицо уникально, и вы отличаетесь от других.

А потом нас накроет «китайская волна», которая выразится в моде на китайский эталон красоты — на плоских бровях, раскосые карие глаза и короткие ноги, косоворотки и прочие атрибуты китайской культуры. Это будущее нашей моды.

▣ **Не правда ли, это все как-то грустно?**

— Увы, это реальность... Остается только надеяться, что все будет не так.

▣ **И последний вопрос, который мы еще не затрагивали. А как же любовь?**

— Я думаю, что Любовь будет всегда. Что бы ни происходило, она все равно будет продираться сквозь асфальтовые джунгли...

Беседовал Андрей Колобаев.

В оформлении использованы материалы из личной коллекции Александра Васильева.

ПРАКТИКА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Жертвенный героизм

Домохозяйка, с остервенением надраивающая полы и виртуозно исполняющая партию повара у плиты, изобретает все новые способы удивления домочадцев, а вечером валится на диван, демонстрируя усталость и требуя покоя. Мать, приобретающая очередную дорогостоящую модную юбку для дочери-школьницы, уже не первый год появляется на собраниях в одном и том же ветхом поистрепанном пальто. Супруг, составляющий до полуночи на работе бухгалтерскую отчетность, придя домой, обрушивается криком на сына, супругу, кошку, трущуюся под ногами и настойчиво требующую ласки. И все это со словами: я же вас люблю, я же для вас стараюсь, не для себя.

Как важно чувствовать себя необходимым. Ощущение заброшенности еще никого не сделало счастливым. Но необходимость бывает разного толка.

Геройство, смешанное с жертвенностью, обнаруживает нездоровую потребность навязывать себя другим. Рядом с другими собственная значимость становится очевидней.

Есть такой синдром «свободных ушей»: потребность посвящать подчас незаинтересованных слушателей в события жизни общих знакомых. Не важно кому, важно посвящать. Отделиться сложно: совестно и боязно потерять даже такого «друга».

Между потребностью в общении и зависимостью от общения граница едва различимая. Есть ли смысл безудержного сопротивления в этой лампе накаливания, если потребность в слушателе, в общении, в необходимости присутствия другого рядом равновелика потребности в уединении?

Сложно отвергнуть предложение назойливого знакомого пропустить стаканчик-другой за болтовней, называемой в кругу не близких и не доро-

гих «дружеской беседой». Чувство невнятной обязанности и нежелание обидеть берут верх над собственным предпочтением времяпрепровождения. Довод: «Я лучше домой» вызывает искреннее недоумение: «Что ты будешь делать там ОДИН?» Вопреки себе, уступаешь. Не покидает лишь абсурдное осознание неловкости, сходное с чувством любителя часами просиживать в туалете, отвечающего на нескромный вопрос: «Что ты там делаешь?», – интимно: «Думаю».

Беседа – не вызов, одиночество – не кара

Общение, как и одиночество, бывает в радость, а бывает и в тягость. Не всякое общение вызывает желание его продолжить. Агрессия и грубое посягательство на территорию личности недопустимы, за ними следует оправданный бунт. Так раздражает секундомер в руках начальника, отсчитывающего минуты опоздания на работу или внезапно открывающееся окно на экране монитора, сообщающее, что в данную минуту за вашей деятельностью на рабочем месте наблюдают. Психологическое насилие недопустимо.

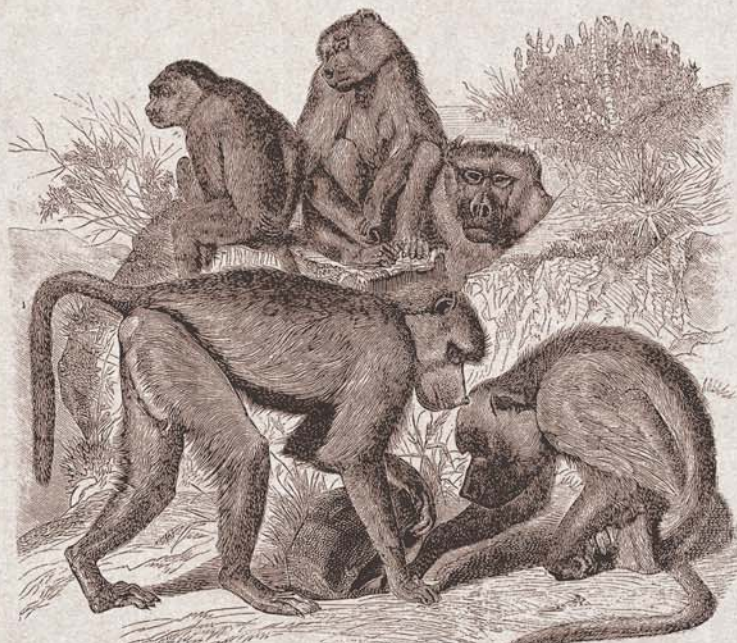
У Даля слова один, единый, единичный уравнивают важность братско-общинного с частным, личным, твоим. Без иерархии. Потому общество и одиночество – понятия не взаимоисключающие, как и вдумчивая беседа – не вызов, и одиночество – не кара.

Мне было 8 лет, или около того, когда, отправляясь, по просьбе мамы, в булочную, я не могла не спуститься этажом ниже – к Кате, или подняться этажом выше – к Наташе, в надежде, что кто-нибудь из них составит мне компанию. Если их семьи в хлебобулочной продукции не нуждались, в ход шли уговоры с непременным обещанием: «В другой раз я с тобой

схожу». Данное обещание строго выполнялось. Невыполнение могло стать поводом к крупной ссоре. Подобные походы в магазин были чем-то вроде ритуала, подкрепляющего дружбу, и критерием дружеских предпочтений. Мне нравилось ходить в магазин с Катей, Наташа же никогда не выполняла данных обе-

Первоначально наших предков-собираателей толкало к групповой организации очень долгое детство их потомства. Половое созревание – в возрасте 14–16 лет. Первый ребенок – в возрасте 15–17 лет. Диета собирателей такова, что дети могут ее усваивать в возрасте 4 лет. Четыре года мать кормила ребенка молоком и в это время забеременеть не могла. Следующие роды, следовательно, в 20–21 год. А средняя продолжительность жизни матери – 26 лет. «Среднестатистические матери» не доживали до совершеннолетия своих детей. Кто мог заботиться о них? Родственники и все другие члены группы. Но, чтобы такой путь воспитания был эффективным, во-первых, требуется более тесное объединение большого числа особей в стадо, а во-вторых, чтобы инстинкт заботы о потомстве распространялся на всех детей и проявлялся в раннем возрасте – еще до родов своего ребенка. Все это есть и у нас.

В.Р. Дольник. «Непослушное дитя биосферы»

Наедине со всеми

Надежда Болгова

Непреодолимое влечение к общению, понимаемое как непременно присутствие любого другого рядом, уже включено в список зависимостей.

Всегда что-то оказывается под рукой, но не ты сам.

Едва оказавшись дома, включаем телевизор. Забыв мобильный телефон, весь день чувствуем себя, как без рук. То же – в отсутствие интернета. Это не «болезнь века». В советских коммуналках и квартирах с сервантом «хельга» (а там, за стеклянными дверцами, чешский хрусталь) ВСЕГДА играло радио, и дети вырастали под муштру железного чередования передач «Пионерская зорька», «Вести с полей»...

Это не телезависимость, а непереносимость бытового одиночества. Часто на включенный телевизор только поглядывают, не смотря. Главное: кто-то рядом.

щаний. Но когда идти за хлебом или молоком одной было совсем тоскливо, я все же поднималась к Наташе. Так повторялось из раза в раз.

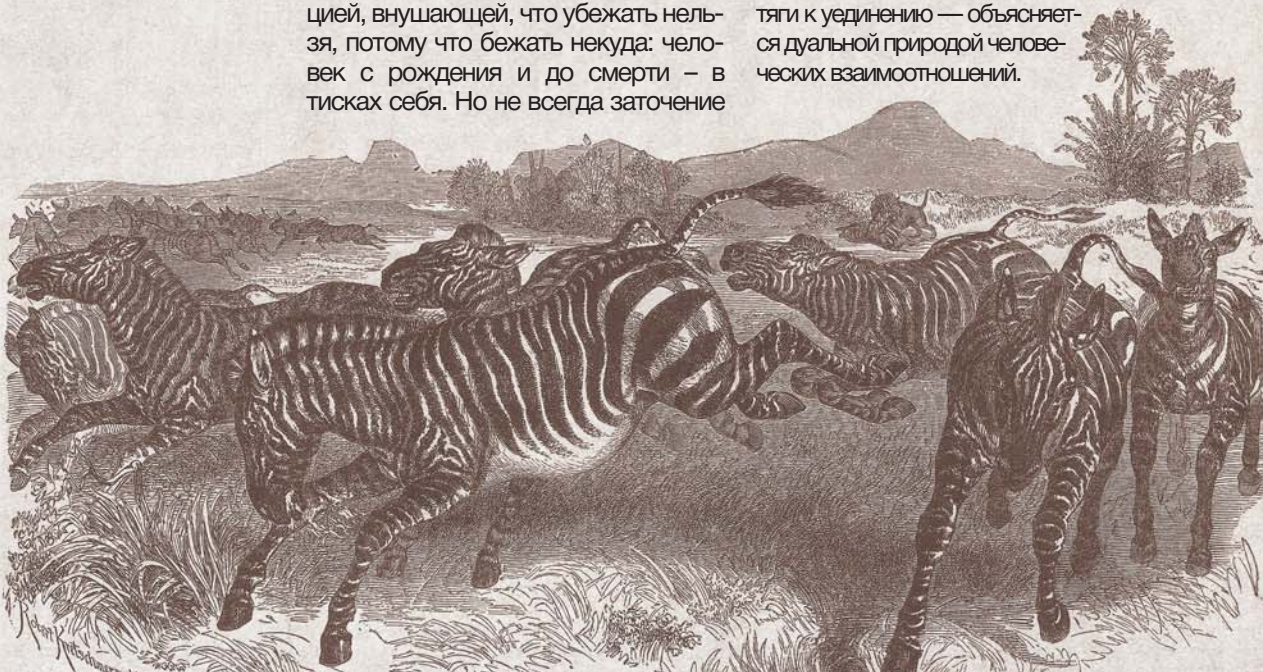
Среди друзей, сестер, братьев есть те, что могут хваткой Железного человека держать подле себя. Если играешь, то в игры, которые нравятся им, и с теми, кого они считают своими друзьями. Если идешь в кино, то на фильм, выбранный ими. Интерес к ребятам «не из нашей песочницы», «не из нашего двора», «не из нашего круга» грозит изгнанием, осмеянием, нежелательным одиночеством. С возрастом страх остаться в стороне становится изощреннее, привязанность к другому приобретает социальный статус: страх безработицы, страх не успеть урвать внезапно «выброшенную» ветчину, страх не выйти замуж, страх остаться матерью-одиночкой. Ужас одиночества связан с первобытным страхом изгнания из стаи. Представление о мире, четко разделенном на «свой» и «чужой», со временем сменилось разочаровывающей децентрализацией, внушающей, что убежать нельзя, потому что бежать некуда: человек с рождения и до смерти – в тисках себя. Но не всегда заточение

физическое оказывается темницей духовной, бывают тюрьмы без решеток, а кандалы без оков.

Власть Советов с ее призывом к всеобщности и желанием нивелировать личность, с порицанием частной собственности и бескомпромиссным решением «единогласно» убеждала нас, и мы почти уверились, что желать одиночества, как и отдельной квартиры, стыдно. Но в ночной тишине общаги или коммуналки тысячи молодых и партийных мечтали, что когда-нибудь у них будут и своя кухня, и своя спальня. Из этого расчета на долгожданное уединение, спустя время на свет появлялась я и тысячи моих сверстников, похожих на меня лишь тем, что уже в три года мечтали об отдельной комнате и возможности пригласить в гости друзей, чтобы не было стыдно за тесноту.

Инстинкт к уединению

Наличие двух противоборствующих инстинктов – необходимости в общении и тяги к уединению — объясняется дуальной природой человеческих взаимоотношений.

Ментальность, в особенности русского человека, зиждется на дуальных структурах, которые очень точно описал известный литературовед Ю. М. Лотман: «В Европейской культуре есть Ад, Чистилище и Рай, что предполагает три типа поведения: безусловно святое, безусловно грешное и нейтральное – согрешение с возможностью искупления грехов. Эта нейтральная зона становится структурным резервуаром, из которого развивается система завтрашнего дня. В русской жизни все либо святое, либо греховное, и эти церковные понятия переносятся на жизнь вокруг. Согласно этому, новое возникает не из структурно неиспользованного резерва, а является результатом трансформации старого, так сказать, выворачиванием его наизнанку». То же и в общении: сначала взалхлеб, потом «уход в подполье»: никого не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу. Вся сфера общения протекает в балансировании на острие ножа, в борьбе между личными пристрастиями и общественным долгом. Исключение одного из необходимых «пристрастий» приводит к ощущению катастрофы, словно сломался механизм удобного, привычного, понятного.

Творчество, как и общение – забег не на скорость. Но кто-то скажет: «Выносливость превыше всего: сработаемся – не сработаемся, подружмся – не подружмся. Главное – не сорваться в фальстарт».

В усталости ищем спасение от круговерти дня, мечтаем переступить порог дома и, наконец-то, остаться с собою наедине. Как раздражает в эти долгожданные минуты тревожный звонок телефона, хоть и звонит милый сердцу друг, но сетует на что-то и ожидает поддержки. Не до него сейчас, с собой бы разобраться. Но инстинктивно ведомый чувством долга, сочувствуешь, и... в этих словах утешения, в этом несвоевременном звон-

Эволюционная линия людей со своей гораздо большей ставкой на интеллект миллионы лет влачила жалкое существование, и все ее виды вымирали один за другим, невзирая на увеличение объема мозга. Слишком долго и слишком многому каждая особь должна была учиться самостоятельно и путем подражания. Успех пришел только к человеку разумному. Его спасла речь. Она позволила быстро обучаться, накапливать знания и передавать их следующим поколениям во все возрастающем объеме. Внегенетическая передача информации стала значить больше, чем генетическая. Оказалось, что язык речевых символов много более удобен для мозга, чем внеречевое мышление, общее с животными. Речи как системы, обслуживающей отвлеченное мышление, нет ни у кого, кроме человека.

В.Р. Дольник. «Непослушное дитя биосферы»

ке вдруг находишь и для себя долгожданную отдушину...

Живое человеческое участие необходимо. Его никогда не заменит ни интернет, ни телевизор, ни радио. Дело же не в потреблении информации. Но есть удивительная магия запечатления слова произнесенного, и она никогда не заменит чувства единения с собой и до банальности простой необходимости остаться, хотя бы на пару часов, одному...

МИРА ЗДАНИЕ

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

С наступившим
2015-м или с наступающим
7518-м годом...

Сергей
Каленикин

В какие именно конкретные времена род людской вдруг стал помечать определенный день, считая его началом Нового года, о том науке доподлинно ничего не известно. Похоже, фиксированной даты этого праздника в древнейшие эпохи вообще никогда не было и быть не могло.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО счет дней и ночей определялся по пальцам. Удобно, да и понятно. С ходом времен человек смекнул: для измерения времени можно использовать знаки Небес — знаковые, периодические явления Природы. Как то: смена дня и ночи, времен года, меняющийся лик Луны... Так возникли зачатки календарных представлений, а потом уж и они сами. А вот с Новогодием как-то не клеилось. Похоже, оно как явление есть самое запутанное торжество землян.

Надо добавить, что и тут Россия стоит особняком. Помимо Нового, имеется еще и Старый Новый год. Ровно 90 лет назад у всех нас «отняли» 13 дней жизни...

Пляски и — никаких тяжб...

В разное время у разных народов появлялись различные календари, но одинаковые формы хозяйственной жизни приво-

дили к образованию сходных календарных систем. О глубокой древности календаря можно судить хотя бы по тому, что уже примерно за 3000 лет до нашей эры, или за 5000 лет до нашего времени, у древних египтян существовала относительно совершенная календарная система. Их год имел 12 месяцев по 30 дней каждый, а сверх того пять дополнительных дней — всего 365. Но только примерно. Ошибка в длине года в таком календаре составляла 0,25 суток, или — около четверти земного оборота. Эти «четвертушки» в годовом календаре не учитывались. Но они накапливались и превращались в лишние дни и недели. Древние египтяне предпочитали временных излишков не замечать, а фараоны к тому же давали своеобразную клятву год не удлинять. Он делился на 12 месяцев по 30 дней, плюс пять дней праздничных.

Древний Египет праздновал Новый год во второй половине сентября — во время разлива Нила. Дело важное: коли вода в пустыне — будет зерно.

В Древнем же Вавилоне Новый год отмечали весной, по случаю подъема вод Тигра и Евфрата. В праздник царь величественно и непременно покидал город. В его отсутствие народ веселился как мог. Но по возвращении главы государства и его свиты трудоспособные граждане дружно принимались за привычную работу. Погуляли — и хватит.

С середины VIII в. до н. э. Римская республика пользовалась календарем, состоявшим из 10 месяцев. Первый месяц, с которого в те времена начинался год, был назван Мартиусом — в честь бога войны Марса. Название второго месяца — Априлис, происходит от слова «аперио», что значит «раскрывать», «открывать»: в этом месяце раскрываются на деревьях почки. Третий месяц был назван в честь богини Майи (символизирующей цветение растений, матери бога Меркурия), четвертый — в честь богини Юноны, супруги Юпитера. Последующие месяцы назывались порядковыми номерами, начиная с пятого. В таком календаре четыре месяца года имели по 31 дню, а остальные шесть — по 30 дней, поэтому первоначально римский календарный год составлял 304 дня.

В VII веке до н. э. были добавлены два месяца — одиннадцатый, названный «януариус» в честь двуликого бога Януса — покровителя земледелия, и двенадцатый, название которого происходит от латинского слова «февруариус» — очищение, связанное с соответствующим религиозным обрядом.

Римляне встречали Новый год в начале марта, но времена года, определенные по их календарю, не соответствовали явлениям природы. Чтобы удержать их на своих местах и справиться с

несоизмеримостью солнечного года, римляне стали вставлять в свой календарь дополнительный месяц, имевший 22 или 23 дня.

В календарном году стало 355 дней... Когда наступит Новый год, и какой он будет продолжительности, решали

понтифики — особые жрецы. В конце концов,

они так запутали календарную «бухгалтерию», что сами не могли в ней разобраться, и, в итоге, задолжали календарю 80

суток. Очень меткую характеристику состояния римского календаря того

времени дал Ф. Вольтер: «Римские полководцы всегда побеждали, но никогда не знали, в какой день это случилось».

В 46 году до н. э. Юлий Цезарь решил прекратить запутанность и неразбериху в счете дней. Он вызвал из Александрии астронома Созигена, поручив тому усовершенствовать римский календарь. Сущность проведенной реформы состояла в том, что в основу его было положено годовое обращение Земли вокруг Солнца. Средняя продолжительность года

устанавливалась в 365,25 суток, что почти соответствовало известной в то время длине

тропического года. Месяцы, по решению Цезаря,

поочередно насчитывали 31 и 30 дней. Исключение

составлял только февраль: 30 дням он равнялся только раз в четыре года, а в остальное время — 29 дням, високосными

Цезарь объявил годы, кратные четырем: ими стали, например, 48 год или 52 год до н.э. За первый месяц года был принят

январь, так как в Риме издавна существовал обычай с первого января избирать должностных лиц, и в это время

упорядочивалась государственная жизнь. Но месяц январь был обозначен и в честь (двуликого) римского бога Януса.

Один лик Януса был якобы обращен назад, к прошлому году, а другой — вперед, к новому. Встреча Нового года называлась «календы». Во время праздника люди украшали дома и

дарили друг другу подарки и монеты с изображением двуликого Януса. И рабы, и их владельцы веселились вместе... Говорят, одному из своих рабов Юлий Цезарь дал в новогодний

вечер свободу за то, что тот пожелал ему пожить в новом году

дольше, чем в старом.

После усовершенствования календаря Юлием Цезарем понтифики, продолжая вести счет дней, каким-то образом опять

сбились с установленного порядка и стали назначать високосные годы не через три года на четвертый, а через два на третий.

Календарный счет вновь запутался. Их ошибку обнаружили только в 8 г. до н. э. — во времена императора Августа, который и исправил накопившуюся ошибку.

Тогда же Сенат Рима принял решение переименовать восьмой месяц года «секстилис» в «август» — в

честь императора Августа, благодаря его таким образом за исправление юлианского календаря и

большие военные победы, одержанные им в этом месяце. Но и эти меры не сделали юлианский календарь

идеально точным: год в нем остался равным 365 суткам и 6 часам, в то время как длина тропического

года составляет, в среднем, 365 суток 5 часов 48 минут и 46,1 секунды, то есть год в юлианском календаре на 11 минут и 13,9 секунды длиннее, чем в действительности, поэтому он отстает от тропического

года. Хотя 11 минут — величина небольшая, но за каждые 128 лет и 68 дней эти минуты, накапливаясь, образуют целые сутки. Из-за этого к концу XVI в.

весеннее равноденствие, например, приходилось уже не на 21, а на 11 марта, то есть погрешность календаря достигала 10 суток, и, в частности, праздник

Пасхи сдвигался с весны на лето.

Римский папа Григорий XIII решил устранить эти досадные неточности и несколько усовершенствовать изобретение Юлия Цезаря. Он распорядился

вычеркнуть из календаря 10 дней. В результате, люди легли спать 4 октября 1582 года, а проснулись... 14 октября. Католические страны

быстро переняли новый календарь, получивший название григорианского. Некоторые государства

священной Римской империи им стали пользоваться уже в 1583 году, а последние перешли на него в 1700 году. В Англии же и ее колониях Новый

год по-прежнему начинался в марте. Решение парламента перенести Новый год на 1 января 1752 года натолкнулось на женскую оппозицию. Делегация возмущенных англичанок заявила

спикеру: парламент не имеет права сделать женщин на много дней старше, на что спикер ответил: «Вот классический образец женской логики!» В странах, не перешедших своевременно на новый стиль, перемещение астрономических моментов в

датах юлианского календаря продолжалось в прежнем темпе, и к началу XX века расхождение юлианского календаря с григорианским достигло 13 дней.

Григорий XIII к тому же постановил: год на рубеже веков только в том случае становится високосным, если он делится на 400 — скажем, 1600, 2000 годы. Соответственно, 1700, 1800, 1900 годы високосными не были. Это решение Папы существенно усовершенствовало календарь. Следующая крупная его корректировка потребует

через многие сотни лет.

«С сего числа перестать дуриль головы людям»...

А что у нас? В середине прошлого века на Волыни было обнаружено языческое святилище II-IV веков н. э. Среди многих предметов в алтаре святилища найдены два больших глиняных сосуда для воды, разукрашенных массой значков и рисунков. Это были «черты» и «резы» — с их помощью древние славяне, не знавшие письменности, читали и гадали. И на кувшинах был отнюдь не орнамент, а сам календарь. Одна из «рез» изображала «рало» (плуг): так обозначался апрель, месяц пахоты. Следующая — ростки растений: май. Далее знак Солнца — июнь, месяц летнего солнцестоятия. Колосья — август. В украинском языке сохранилось древнее название «серпень», месяц колосьев, месяц жатвы. Следующая «реза» — сети для ловли птиц. Именно в сентябре древние славяне ловили сетями перелетных птиц. Октябрь был изображен пучком пряхи. До сих пор по-белорусски октябрь называется «кострычник» — месяц обработки льна и конопли. Еще два знака Солнца (огня) соответствовали декабрю — месяцу зимнего солнцестоятия и марту — месяцу весеннего равноденствия.

Праздник весны. Он дошел до нас как «Троицын день», а древние славяне изображали его молодым деревцем. В следующем рисунке — знак Купалы. Языческий летний праздник Купалы тоже сохранился на многие века. Над одним из «резов» был изображен символ молнии — знак бога Перуна. После утверждения христианства праздник Перуна (20 июля) стал «Ильиним днем». На древнем глиняном календаре «мудрых и смысленых» полян была развернута вся жизнь наших далеких предков. По замечанию академика Б. Рыбакова, «... Когда и что делать, когда пахать, сеять; ждать дождя и молить о нем богов... Когда жать, когда пряхть, когда охотиться — все помечено на этом календаре».

И вот мнение историка, исследователя мифологии Александра Афанасьева: «Деление года у древних славян определялось теми естественными, для всех наглядными знаменами, какие даются самой природою. Год распадался на две половины: летнюю и зимнюю, и начинался с первого весеннего месяца — марта, так как именно с этой поры природа пробуждается от мертвенного сна к жизни, и светлые боги приступают к созиданию своего благодатного царства. Апокрифы и народные поверья относят сотворение мира и первого человека к марту месяцу. Водворение христианства на Руси не скоро изменило старинный обычай начинать новолетие мартом»...

С 1492 года начало гражданского и церковного Новогодья великий князь Иоанн III перенес с 1 марта на 1 сентября. Почему имен-

но этот месяц? Окончание лета — уже торжество, праздник. Сентябрь знаменателен и многими библейскими событиями: в этом месяце у горы Арарат остановился Ноев ковчег; пророк Моисей вторично сходил с горы Синай с новыми скрижалями закона, воздвигнута скиния Господня, и Архиерей великий приносит во Святаго Святыя Иерусалимского храма бескровную жертву, люди каются в грехах, изнуряя себя постом и смирением перед Богом...

При этом не учитывалось, что акцентирование Библией сентября, естественное и нормальное в климатических условиях местностей формирования «священного писания», не соответствовало условиям жизни в среднерусской полосе. Для русской деревни сроки окончания полевых работ приходились не на конец августа, а на конец сентября. Соответственно этому начало нового (зимнего) периода в годовой жизни крестьянина приходилось на октябрь и отличалось датой христианского праздника — Покрова. Реформа системы календаря проводилась в XIV веке на Руси без учета трудовой жизни народа и без установления связи с сельскохозяйственными работами.

Иоанн III велел всем имеющим жалобу являться «на судный срок» в Москву в день Симеона-летопроводца. 1 сентября было велено платить дань, пошлины, различные оброки... А для того, чтобы придать большую торжественность этому дню, сам царь накануне являлся в Кремль. И каждый, будь то простолюдин или знатный боярин, мог подойти к нему — искать у него правды и милости. Уличенному в преступлении объявлялся приговор выражением: «Пойман ты есть Богом и государем Великим», отчего вошло в поговорку: «Ведает Бог да Государь». Не явившиеся к ответу в срок признавались виновными, и давалось знать о том воеводам, наместникам и прочим правительственным лицам для приведения в исполнение наказания. Тому, кого по великой милости оправдывали в преступлении, давалась правая грамота. Для явления на суд определялось три срока в году: Рождество Христово, Троицын и Семенов день. Тех же правил придерживался Иоанн IV...

В целом, ничего больше не менялось более двух столетий. Последний раз Новый год 1-го сентября на Руси был отпразднован с царской пышностью в 1698 году. Одевая яблоком, Петр I называл каждого братом, поздравлял с Новым годом, очередным счастьем. И — каждый заздравный кубок царя Петра Великого сопровождался выстрелом из 25 орудий. Но этот праздник был не его праздником.

Проведение в жизнь реформы Великого царя, имевшей столь важное значение, началось с того, что было запрещено праздновать каким бы то ни было образом 1 сентября, а 15 декабря 1699

года барабанный бой возвестил о чем-то важном народу, который толпами хлынул на Красную площадь. Здесь установили высокий помост, на котором царский дьяк громко читал указ о том, что в 1699 году Великий государь Петр Алексеевич, возвратившись из путешествия по Европе, установил Юлианский календарь, подписав именной указ «О писании впредь генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от Сотворения мира».

«Ныне от Рождества Христова доходит тысяча шестисот девяносто девятый год, а с будущего января с 1-го числа настанет новый 1700 год купно и новый столетний век... Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с первого января. А в знак доброго начинания и веселья поздравить друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия и в семье благоденствия. В честь Нового года учинить украшения из елей, детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять — на то других дней хватает».

По велению Петра Великого, 1 января 1700 год стал 1700 годом — по «впредь лета числяти в приказах и во всех делах и крепостях писать с 1 генваря от Рождества Христова». Но, определяя временные перспективы Руси, Петр I совершил календарную ошибку в определении рубежа эпох. Он считал, что с 1 января 1700 г. начинается «новый столетний век» — XVIII-й.

Но ведь: 1700 год — последний год XVII века. XVIII век наступил 1 января 1701 года. Точно так же XIX век начался не с 1800, а с 1 января 1801 года. XX век — с 1 января 1901 года, а XXI — с 2001 года.

Первый день нового 1700 года начался парадом на Красной площади в Москве. А вечером небо озарилось яркими огнями праздничного фейерверка. «Настоящий» Новый год в столице прошел шумно и весело, как и велел государь. Но едва завершились празднества, и народ пришел в себя после новогоднего шума, в Москве поднялся ропот по поводу перемены летосчисления. Народ и московская знать зароптали: как мог государь изменить солнечное течение? Куда что девалось? И откуда что взялось? Реформу Петр объяснил так: «А

то указали Мы, Великий государь, учинить для того, что во многих христианских окрестных народах, которые православную христианскую восточную веру держат с нами согласо, лета пишут числом от Рождества Христова».

Верую, что Бог сотворил Свет в сентябре, многие остались при своих старых привычках: новогодний праздник опять встречали дважды — сначала 1 сентября, как было заведено исстари, а потом 31 декабря, как повелел Петр Великий. Он неуклонно следил, чтобы Новый год на Руси справлялся не хуже и не беднее, чем в европейских странах.

Только после Октябрьской революции сам вопрос о реформе календаря в нашей стране был решен. Совет народных комиссаров РСФСР принял 24 января 1918 г. «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря», вступившего в силу с 1 февраля 1918 г. по старому стилю. В декрете заявлено: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени Совет Народных Комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданский обиход новый календарь. В силу этого:

... Первой день после 31 января сего года считать не 1-мъ февралемъ, а 14-мъ февралемъ, второй день считать 15-мъ и т.д.»... Февраль 1918 года в России был самым коротким месяцем. Он состоял только из 15 дней, так как после 31 января сразу наступало 14 февраля.

Тринадцать дней сократили, чтобы уничтожить разницу между старым и новым стилями. Первым после замены юлианского календаря в Советской России был опубликован настольный календарь ВЦИК РСФСР. А далее начали издаваться настольные, карманные и настенные календари. Декрет декретом, а «упраздненные» 13 дней — еще один повод гульнуть: по двум календарям: по новому — григорианскому, и по старому — юлианскому. Мы заработали еще один необычный и уникальный праздник — Старый Новый год. И не надо забывать, что 14 января (1 января по старому стилю) — Васильев день, весьма чтимый нашими предками. Для девиц Васильев день был весьма важным, считалось, что гадания на Васильев день всегда сбываются, и что по гаданию выйдет — то и произойдет...

Попразднуем и проводим Новый и, конечно, Старый год! Вот такая антимония календарного творчества.

Так и рвется из глубин души: «Хвала тебе, Господи, что этот неясный праздник, наконец-то, закончится». Одна проблема — в каком месяце эту молитву озвучить и перед кем...

Начало учебного года — отнюдь не произвольная дата, если вспомнить, что школа вплоть до ленинского декрета была в ведении церкви.

ДУХ ЛЕОНАРДО

К 100-летию
со дня рождения
Р.Л. Бартини

Юрий САВИНСКИЙ

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕПРЕОДОЛИМОГО

Внебрачный сын барона, вице-губернатора австро-венгерского города Фиуме, а в дальнейшем государственного секретаря Итальянского королевства, Роберт Людовигович Бартини (Roberto Oros di Bartini) принадлежит к плеяде личностей, роль и значение которых проявляются только со временем. Он родился 14 мая 1897 г., почти полвека своей жизни отдал авиации России. При жизни он был мало известен, и

относились к нему неоднозначно. Одни считали его неудачником — разработав более 60-и проектов самолетов, до серийного производства он довел только один. Другие, такие, как С.П.Королев, А.Н.Туполев, О.К.Антонов, считали его своим учителем, Мастером, подарившим конструкторам несчетное количество оригинальных, новаторских идей и решений. Слова Королева — «Без Бартини не было бы спутника».

Бартини посвятил свою жизнь авиации, выполнению данной еще в молодости клятвы: «Чтобы красные самолеты летали быстрее черных». После прихода к власти Муссолини, по решению ЦК коммунистической партии Италии (КПИ), он в 1923 году нелегально эмигрирует в Россию. Уже через год он — комбриг (соответствует современному званию генерал-майора). В 1936 году на авиационной выставке в Париже с успехом демонстрируется спроектированный Бартини самолет Сталь-6 с рекордной на то время скоростью полета 420 км/ч. В 1939 году спроектированный им самолет Сталь-7 установил международный рекорд скорости полета на дальности 5000 км. Через два года, в сентябре грозного 1941-го, военный вариант этого самолета, взлетов с подмосковного аэродрома, бомбил столицу Рейха — убедительный ответ на заявление Геббельса о том, что «ни один камень не содрогнется в Берлине от постороннего взрыва — советская авиация уничтожена».

Проекты Бартини отличала изобретательность, которая базировалась на глубоких знаниях в области аэродинамики и прочности, на собственных исследованиях и экспериментах. Одно из его изобретений — «винт в кольце» — позволило на четверть повысить тягу винта и к тому же снизить лобовое сопротивление конструкции — аэродинамики назвали этот феномен «эффектом Бартини». Общеизвестно «крыло Бартини» — переменной стреловидности, с геометрической круткой по размаху и сверхкритическим профилем.

Убирающееся велосипедное шасси, паровое испарительное охлаждение двигателя, оригинальные профили крыла, уникальная технология изготовления стального крыла с использованием точечной электросварки, монопланная схема истребителя, механизм переменной передаточного отношения в проводке управления рулем высоты — все эти и многие другие изобретения Бартини были реализованы им в самых разнообразных, опережающих время проектах самолетов, таких, как истребитель «Сталь-8»

с фюзеляжем в виде монокока на точечной и роликовой сварке, дальний арктический разведчик «ДАР» в виде летающей лодки с корпусом из нержавеющей стали, реак-

Бартини посвятил свою жизнь авиации, выполнению данной еще в молодости клятвы: «Чтобы красные самолеты летали быстрее черных».

тивный истребитель-перехватчик «Р-114» с проектной скоростью в два раза превышающей скорость звука, первый широкофюзеляжный самолет Т-117 многоцелевого назначения, пассажирский самолет Т-107 с двухэтажным герметизированным фюзеляжем, тяжелый военно-транспортный самолет Т-200, в котором было предусмотрено управление пограничным слоем крыла.

Сталин отметил заслуги главного конструктора в присущей ему манере — еще до начала войны, в 1937 году, его отправили в тюрьму, и Бартини отбыл свои 10 лет от звонка до звонка.

Роберту Людовиговичу повезло — в заключении ему дали возможность заниматься любимым делом. По выходе на свободу он сумел собраться, организовывал и возглавлял конструкторские бюро, Он по-прежнему создавал удивительные, опережавшие время, зачастую фантастические проекты. Однако тяжелые переживания не прошли для Бартини без последствий. И здоровье подкачало, и какая-то невидимая струнка в душе надломилась. Он уже не так настойчиво стремился воплотить свои проекты в жизнь, довести самолеты до серийного производства и эксплуатации. Казалось, что теперь главное для него — высказать идею, показать ее реальность и осуществимость. А дальше — новые идеи, новые конструктивные решения, которые зачастую он дарил своим коллегам, авиационным конструкторам.

Его профессиональную деятельность питали не только специальные знания. Он занимался философией, вопросами космогонии, рисовал картины, чем-то напоминающие творчество М.К.Чюрлениса — вообще, жил в своем, особом мире, в который не допускал самых близких — ни жену, ни детей. Видимой приметой этого мира, был, может быть, только вид его квартиры: одну комнату он попросил маляров выкрасить в красный цвет, другую разрисовал сам, изобразив на голубом потолке тусклое солнце, на стенах — поверх-

Он занимался философией, вопросами космогонии, рисовал картины, чем-то напоминающие творчество М.К.Чюрлениса — вообще, жил в своем, особом мире, в который не допускал самых близких — ни жену, ни детей.

ность моря с волнами в белых барашках, темнеющая по мере приближения к полу — дну моря. И повсюду, на столах, стульях и даже на полу — книги, чертежи, записки, фотографии — в известном только хозяину порядке.

Одной из его удивительных работ стало доказательство (3+3)-х мерности пространства-времени. Некоторые ученые, и среди них немало очень авторитетных, восприняли публикацию статьи Бартини «Некоторые соотношения между физическими константами» в «Докладах Академии наук» за 1965 год как неудачный розыгрыш и возмущались. Даже такой симпатизирующий автору ученый, как академик Н.Н.Боголюбов, в защиту публикации указал лишь на то, что независимо от вопросов обоснования, результат интересен тем, что представляет простую формулу для вычисления с любой точностью всех физических постоянных — Зоммерфельда, гравитации, кос-

мического радиуса, масс, зарядов и радиусов элементарных частиц. Идет время, предложенная Бартини конструкция Вселенной не опровергнута, все более убедительно звучат голоса в ее подтверждение.

В жизни Бартини было всякое. В юности он увлекался фехтованием и на дуэли отрубил ухо заслужившему это наказание офицеру. Сын одного из богатейших людей государства, он начал свою трудовую деятельность на итальянском заводе «Изотта-Фраскини» в качестве разнорабочего, разметчика, шофера. В 1921 году он поступил в Римскую летную школу. В одном из предвыпускных полетов на гидросамолете «Юнкерс», который он пилотировал, отказал мотор. Полет проходил над Черным морем, которое сильно штормило. Бартини удалось дотянуть до берега, но врачам пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранить ему жизнь. В начале Первой мировой войны кадет Бартини был направлен на русский фронт в пехоту. «Почему не отдаете честь?» — спросил лейтенант, по вине которого несколькими днями ранее был повешен неопытный солдат. «Свою надо иметь», — ответил Бартини. От скорого военно-полевого суда его спасли идущие лавой в атаку казаки генерала Брусилова, которые для начала чуть не зарубили кадета шашкой. Так Бартини оказался в лагерях для военнопленных под Хабаровском и Владивостоком. В те времена российские военные не заставляли пленных офицеров работать, и за четыре года Бартини изучил русский язык, познакомился с трудами Ленина. Возвратившись в Италию, он вступил в коммунистическую партию — 21 января 1921 года — в день ее образования — и вскоре передал КПИ доставшиеся ему в качестве наследства от отца 10 миллионов долларов. Когда реально замаячили 20 лет обещанной Муссолини тюрьмы, итальянские коммунисты решили отправить Бартини в Советскую Россию. Путь в Россию оказался нелегким — фашистские ищейки шли по следу. В Берлине на него совершили покушение, и местные врачи буквально вытащили Бартини с того света. На новой родине он сменил много мест работы,

но всегда был главным конструктором — меньшая роль его не устраивала. Чего он точно не умел, так это улаживать начальство, изменять своим убеждениям. При всей своей мягкости, обходительности с любым человеком — в вопросах принципиальных он был негибко тверд. Чиновники его не любили. Насмешливо говорили: «Что это за главный конструктор? Не может ногами открыть дверь заместителя министра». Действительно, при всех своих талантах Бартини не способен был быть бесцеремонным, невежливым или предателем.

Отличала его от коллег еще одна черта — удивительная скромность и неприязнательность. Обедал он в общей столовой и обязательно становился в очередь. Инженеры и рабочие искренне его уважали и всегда просили пройти вперед, но Роберт Людовигович отстаивал всю очередь, какой бы длинной она ни была. Одевался неподходяще своему статусу — рыжая потертая куртка, галстук с приспущенным узлом, расстегнутый ворот. Однажды некий высокий начальник прямо в своем кабинете распорядился снять с него мерку и одеть в новый костюм. Притом Бартини не был лишен простых человеческих радостей — с удовольствием проводил время в обществе друзей и хороших женщин, любил пошутить, поговорить о жизни, о своей науч-

но-фантастической повести «Цепь», помучивать. Его любимая поговорка: «Помоги нам, Аллах, избежать непреодолимое и преодолеть неизбежное».

Один из последних проектов главного конструктора — самолет-амфибия вертикального взлета и посадки ВВА-14, который предназначался для борьбы с ядерными подводными лодками США. Выполненный по схеме высокоплана аппарат с взлетной массой 52 т. должен был быть оснащен двенадцатью подъемными турбовентиляторными двигателями РД-36-35 ПР с тягой 4,4 т. каждый, и двумя маршевыми двигателями Д-30М с тягой по 6,8 т. Амфибия должна была развивать скорость полета до 760 км/ч, иметь дальность 2450 км и практический потолок до 10 км. Бартини продвигал проект в условиях, когда роль министерства авиационной промышленности сводилась, зачастую, к действию, обратному действию «эффекта Бартини»: вместо дополнительной тяги — повышенное сопротивление. Впервые ВВА-14, оснащенный только маршевыми двигателями, совершил полет 4 сентября 1972 года. Главный конструктор умер 6 декабря 1974 года. Никто не смог завершить его дело.

Весь свой архив Роберт Бартини завещал запаять в цинковом ящике и не вскрывать до 2197 года.

Экспериментальный вертикально взлетающий самолет-амфибия ВВА-14.

Захар Радов

ДРЕВНИЕ ЗНАЛИ СЕКРЕТЫ ЛЕВИТАЦИИ

По всему земному шару разбросаны огромные каменные сооружения, тайна возведения которых до сих пор не известна современной науке.

Отличительной чертой всех мегалитов является то, что они построены из очень тяжелых каменных глыб.

Ответ на закономерный вопрос: почему древние строители пользовались огромными, а не маленькими камнями, похожими, скажем, на современные кирпичи, очевиден – создателям мегалитов было все равно, из чего строить свои гигантские постройки.

Мегалиты прошлого

Особое впечатление на арабского историка произвели египетские пирамиды. Он интересовался процессом их строительства и оставил после себя любопытное описание. Сначала, писал Альмасуди, под огромный камень подкладывали «волшебный папирус». После того, как до камня дотрагивались металлическим стержнем, он отрывался от земли и перемещался по воздуху вдоль вымощенной камнями и огороженной металлическими столбами дороги. Пролетев около 50 метров, блок опускался на землю. Такие полеты повторялись до тех пор, пока камень не занимал нужное место.

Учитывая то, что пирамиды были построены за три тысячи лет до рождения Альмасуди, логичен вопрос: откуда он узнал эти подробности? Дошли ли они до него от египтян, которые передавали их из поколения в поколение, или рассказ является плодом богатого воображения средневекового ученого, который, как и многие сейчас, считал, что при строительстве пирамид невозможно было обойтись обычными средствами?

Египетские пирамиды — не единственные мегалиты на нашей планете. В основании храма Юпитера в Баальбеке (Ливан) лежат три самых больших камня, которые когда-либо использовал человек. Каждый из них весит не меньше тысячи тонн! Ни один из современных суперкранов не в состоянии поднять такие глыбы, не говоря уже о том, чтобы уложить их рядом друг с другом. Причем с такой точностью, что в швы не удается засунуть даже иголку.

Недалеко от храма в Каенломе лежит еще более крупная глыба, Хажар эль хибла, Камень беременной женщины, который весит 1200 тонн! Ученые подсчитали: для того, чтобы сдвинуть эту прямоугольную глыбу с места всего лишь на миллиметр, понадобилось бы не менее 16 тысяч человек.

На боливийском плато Тиахуанако на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря стоит Пуэрта дель соль или Солнечные ворота. Каким образом индей-

цы подняли на такую высоту эти гигантские ворота, украшенные богатой резьбой и весящие 10 тонн, до сих пор остается загадкой.

Нан Мадоль («то, что лежит между», по микронезийски) иногда называют Мачу Пикчу Тихого океана. Речь идет о развалинах древнего города, построенного на микронезийском острове Понапе примерно за двести лет до нашей эры из громадных каменных колонн шестиметровой длины. В диаметре они имели больше метра и весили 2,5 тонны. Древние строители укладывали их друг на друга, как бревна, и строили стены высотой 12 метров и толщиной 5,5 метров.

Акустическое строительство

Наиболее распространенной до сих пор считается теория, согласно которой мегалиты строили десятки тысяч рабов при помощи простейших орудий и своей мускульной силы. Тем не менее почти у всех народов, предки которых возводили гигантские сооружения, есть легенды о том, как они перемещали огромные каменные глыбы при помощи акустики. Это и чудесные песни, и прикосновения волшебной палочки или металлического стержня, в результате которых возникали акустические колебания, и трубы, и гонги, и лиры, и цимбалы, и даже свистки.

В своей книге «Мост в вечность» Брюс Кати пересказывает удивительную историю, прочитанную в одном немецком журнале и рассказывающую о том, как тибетские монахи «металы» по воздуху тяжелые камни. В древних легендах тибетских народов можно часто встретить такие чудеса, но первым и, похоже, последним (по крайней мере, пока) европейцем, видевшим это собственными глазами, был в 1939 году шведский профессор Джарл.

Высоко в Гималаях в окрестностях монастыря расположен пологий луг, со всех сторон окруженный почти отвесными скалами. На одной из скал на высоте примерно

250 метров перед входом в пещеру имеется каменный выступ-платформа, попасть на который можно только с вершины скалы по веревке.

Джарл видел, как монахи сооружают на этом выступе стену из огромных каменных глыб прямоугольной формы метровой ширины и полуметровой длины. На лугу, примерно в 250 метрах от скалы с выступом, лежал огромный отполированный до блеска камень. В его центре имелась похожая на чашу выемка метровой диаметра и 15-сантиметровой глубины. Монахи подвозили на яках глыбы и укладывали их строго над этой выемкой. На расстоянии ровно 63 метров от камня были установлены 19 музыкальных инструментов: 13 барабанов и 6 труб. Они образовывали круг, в центре которого и находился камень с выемкой.

Около каждого инструмента стояли несколько десятков монахов. Как только прямоугольная глыба занимала нужное положение, монах, дежуривший около маленького барабана, давал сигнал к началу концерта. Звук от этого барабана был настолько резкий и пронзительный, что его легко можно было услышать в грохоте, производимом другими барабанами и трубами. Одни монахи играли на трубах и стучали в барабаны, постепенно увеличивая громкость и ритм, другие читали нараспев молитвы. Примерно через четыре минуты, когда грохот, по словам Джарла, стал совсем невыносимым, глыба начала раскачиваться из стороны в сторону, потом неожиданно поднялась в воздух и, с каждой секундой набирая скорость, направилась к выступу-платформе перед входом в пещеру. Весь подъем глыбы занял около трех минут. Таким способом монахи за час поднимали на высоту 250 метров пять-шесть огромных каменных блоков.

Жалко, что древние секреты левитации, если их, конечно, знали наши предки, сейчас потеряны. Впрочем, есть основание полагать, что, если они потеряны, то не безвозвратно.

Тайны кораллового замка

Бытует мнение, что настоящий мужчина должен в своей жизни сделать три главных дела: построить дом, посадить дерево и родить сына. В этом случае Эдвард Лидскальнинша можно считать суперменом, потому что он построил собственными руками не просто дом, а целый замок. Причем настолько прочный, что перед ним оказался бессилён даже знаменитый ураган Эндрю, опустошивший в 1992 году окрестности.

Эдвард Лидскальнинш родился 10 августа 1887 года в деревушке Страмринс под Ригой. Он был безумно влюблен в Агнессу Скаффс. В 1913 году, всего за день до торжества, Агнесса отменила свадьбу по причине его возраста (она была на 10 лет моложе) и бедности.

Сердце влюбленного было разбито. Он отправился за океан. Первые пять лет Эдвард отработал в Канаде на лесопилке. Заболев туберкулезом, он решил перебраться на юг.

В 1918 году Эдвард Лидскальнинш купил за 12 долларов акр земли в нескольких километрах от городка Флорида Сити, а в 24-м начал дело всей своей жизни. Без посторонней помощи, и практически без каких бы то ни было строительных механизмов, он соорудил целый комплекс огромных сооружений, который назвал парком «Рок Гейт». Сейчас он называется Коралловым замком, потому что все в нем изготовлено из кораллов.

В 1936 году, когда строительство Замка было почти закончено, латыш узнал, что городские власти разрешили строительство новостроек в непосредственной близости от его жилища. Помешанный на уединении, Эдвард решает... переехать. Он покупает участок земли площадью 10 акров в окрестностях городка Хоумстед, разбирает свой Замок, в течение трех лет перевозит его по Дикси хайвею и на новом месте собирает его снова.

Во время переезда Эдвард единственный раз воспользовался помощью. Коралловые

глыбы перевозились трактором на специальной платформе, поставленной на салазки. Тракторист приходил к 9 утра, когда груз уже был готов. Он перевозил коралловые блоки на 10 миль (16 километров) и шел обедать, а когда возвращался, платформа была уже разгружена!

На постройку этого удивительного сооружения ушло больше тысячи тонн кораллов, еще 100 тонн понадобились на изготовление мебели, скульптур и украшений. Самая тяжелая глыба, гигантский полумесяц, весит около 35 тонн, некоторые камни по размерам и весу как минимум вдвое превышают глыбы, из которых сделана пирамида Хеопса.

Коралловый замок окружает стена высотой 2,5 метра. Она сложена из коралловых блоков длиной 2,5 метра, шириной 1,6 м и толщиной 1 м. Каждый такой «кирпичик» весит около 5,5 тонн.

Ворота, весом 9 тонн, подогнаны с такой точностью, что их легко может открыть одним пальцем даже ребенок. Для того, чтобы снять ворота, потребовался мощный подъемный кран и несколько десятков рабочих. Когда их сняли, выяснилось, что они крепились на одной ржавой подвеске от грузовика, которая тут же рассыпалась от старости. Вешать ворота на место пришлось при помощи опытных инженеров и самых современных компьютерных технологий.

Вторые ворота, треугольные по форме, расположены в противоположной стене и весят «всего» 3 тонны. Лет десять назад они слегка перекошились и перестали закрываться. На исправление дефекта у 6 рабочих, вооруженных краном и лебедками, ушло двое суток.

Никто не знает причину, по которой Эдвард Лидскальнинш взялся за грандиозное строительство. Сам он, отвечая на вопросы соседей, объяснял, что Коралловый замок нечто вроде Тадж-Махала, память его вечной любви к Агнессе. Не удивительно, что даже гигантский банкетный стол весом 2,5 тонны, высеченный, конечно, как и все остальное в Замке, из коралла, имеет форму сердца.

Стол — не единственный предмет мебели в Коралловом замке. Есть еще 25 огромных

коралловых кресел, каждое из которых весит полтонны. Это не простые кресла, а кресла-качалки. Сделаны они с такой точностью, что продолжают долго еще раскачиваться после самого легкого толчка. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, говорят, они очень удобны для отдыха.

Часть кресел расставлена вокруг гигантского кораллового телескопа высотой 7,5 метров и весом 20 тонн, наведенного на Полярную звезду. Многие полагают, что Лидскальнинш хотел создать какое-то подобие древней обсерватории. Поэтому в Замке много коралловых планет, звезд и солнц. Есть здесь и солнечные часы, показывающие время с точностью до двух минут.

Часы расположены против бассейна, вырезанного из гигантской глыбы коралла. Он тоже имеет астрономический «подтекст» и изображает лунный цикл. Круглая форма символизирует полный цикл спутника нашей планеты, а полумесяцы — его фазы.

Коралловый замок служил для Эдварда Лидскальнинша домом. Жил он в небольшой комнате, расположенной наверху квадратной башни. Башня весит около 250 тонн и сложена из глыб весом от 4 до 9 тонн. Крыша состоит из 30 однотонных блоков, подогнанных друг к другу с такой точностью, что она не пропускает воду даже во время самых сильных ливней.

Спал латыш в гамаке, работал за грубо сколоченным столом, который до сих пор завален самыми примитивными механическими приспособлениями и инструментами: цепями, блоками, молотками, клиньями, зубилами, сверлами, ломом и пилами.

В быту Эдвард был неприспособлен. В Коралловом замке до сих пор нет электричества, нет здесь и других современных удобств. Воду он брал из колодца, питался сардинами, крекерами, яйцами и молоком, которые покупал в городе, куда ездил на стареньком велосипеде. Свой скудный рацион Лидскальнинш дополнял овощами и фруктами с маленького огорода и сада, да изредка мясом пойманного в силки кролика.

Латыш работал от рассвета до заката. Все свободное время он читал. Эдвард увлекался

Коралловый замок (фрагмент).

эзотерикой и египтологией. Кстати, по одной из теорий, Коралловый замок является не гимном вечной любви, а храмом египетским богам.

После окончания строительства Эдвард Лидскальнинш начал изредка проводить короткие экскурсии по своему удивительному жилью. С любителей диковинок он брал «по-божески» — всего 25 центов.

В декабре 1951 года желающие поглазеть на Коралловый замок увидели на воротах объявление: «Заболел, поехал в больницу».

Через три дня Эдварда Лидскальнинша не стало. Он умер во сне в майамской Мемориальной больнице Джексона на 65-м году жизни. Вскрытие установило, что смерть наступила в результате недоедания и оттока почек.

Коралловый замок достался единственному родственнику Лидскальнинша Гарри,

жившему в Мичигане. Незадолго до своей смерти, в 1953 году, он продал его чикагским знакомым, которые и переименовали парк «Рок гейт» в Коралловый замок. Через тридцать лет Коралловый замок был внесен в Национальный регистр исторических памятников США. Сейчас Замок является одной из главных достопримечательностей Флориды и открыт для всех желающих с 7 утра до 9 вечера. Взрослый билет за полвека подорожал почти в 40 раз и стоит сейчас 9 долларов 75 центов.

Среди туристов немало инженеров и ученых. Они безуспешно пытаются понять, как маленький Эдвард, за свой рост (153 сантиметра) прозванный «мальшом», сумел соорудить это уникальное сооружение. Конечно, ни о какой мускульной силе речи идти не может, потому что вес Лидскальнинша был под стать его росту — 45 килограммов.

Наиболее распространенной до сих пор считается теория, согласно которой мегалиты строили десятки тысяч рабов при помощи простейших орудий и своей мускульной силы. Тем не менее почти у всех народов, предки которых возводили гигантские сооружения, есть легенды о том, как они перемещали огромные каменные глыбы при помощи акустики.

Каменные истуканы острова Пасхи.

Мачу Пикчу.

Пуэрта дель соль (Солнечные ворота).

Пирамида ацтеков.

Коралловый замок (фрагмент).

Поскольку Лидскальнинш работал только по ночам (за нелюдимость его нередко называли «нелюдимым Эдом»), никто, кроме местных ребятишек, не видел, как он передвигал и поднимал камни. Впрочем, рассказам любопытных подростков тоже мало кто верил. В этом нет ничего удивительного, потому что они утверждали, будто видели летающие, словно воздушные шары, огромные коралловые блоки.

Однажды любовь к одиночеству едва не стоила Эду жизни. Шайка местных хулиганов избивала его до полусмерти, пытаясь узнать, где находится якобы спрятанный в Коралловом замке клад. Что-то вроде клада действительно существовало. После смерти латыша нашли 3,5 тысячи долларов — все его сбережения.

Конечно, находились любопытные и среди взрослых. Но Эдвард всякий раз, заведя посторонних, прекращал работать и подходил поболтать. Он отвечал на любые вопросы, за исключением главного, интересующего всех, и мог болтать часами, пока разочарованный собеседник не уходил.

Маленький латыш «проболтался» лишь раз. «Я открыл тайну пирамид, — как-то заявил он в неожиданном порыве откровенности. — Я знаю, как египтяне и древ-

ние строители, которые были вооружены самыми примитивными орудиями, поднимали и устанавливали на место многотонные камни».

Рассказы тех немногочисленных счастличиков, кому все же удалось заставить Эдварда Лидскальнинша врасплох и заглянуть через забор, звучали еще неправдоподобнее, чем истории мальчишек. Они видели, как он передвигал огромные глыбы, слегка подталкивая их своими худыми руками.

Ученые безуспешно бьются над разгадкой Кораллового замка, которому больше подошло бы название «Замок великанов»: гигантские коралловые глыбы, образующие странные геометрические фигуры, причудливые орнаменты и огромный полумесяц, указывающий точно на Полярную звезду... И все это сделал один тщедушный и большой человек, вооруженный парой ржавых лебедок и старых автомобильных амортизаторов! Причем, по одной из теорий, все примитивные приспособления, имевшиеся в его распоряжении, были ему нужны лишь для отвода глаз. Он не без оснований опасался, что, если раскроет свою тайну, им заинтересуются люди из правительства, со всеми вытекающими отрицательными последствиями.

Один латыш, живущий в Америке и более четверти века бьющийся над разгадкой тайны Кораллового замка, утверждает, что раскрыл секрет. Он говорит, что соорудил напоминающую треногу сложную систему блоков, которая может поднять груз весом до 10 тонн. На нескольких снимках Эдвард Лидскальнинш действительно стоит около какой-то треноги. Но поднятие груза было хотя и трудной, но не самой трудной задачей. Еще важнее — переместить его и установить на нужное место!

Эдвард Лидскальнинш, возможно, сам наметнул на разгадку — магнетизм. Он написал несколько брошюр и не без успеха продавал их туристам, приходившим поглазеть на его скромный «домик». Вот что, к примеру, пишет Эд в одной из них, «Магнитном потоке», о результатах двухлетних экспериментов с магнитами: «Магнит — это субстанция, которая постоянно циркулирует в металлах. Но и каждая частица в этой субстанции сама является крошечным магнитом. Они настолько малы, что для них не существует преград. Пройти через металл им даже легче, чем через воздух. Магниты находятся в постоянном движении. Если это движение направить в нужное русло, можно получить источник огромной энергии...»

Самую распространенную теорию, объясняющую строительство Кораллового замка, лучше всех выразил Рэй Стонер, автор книги о флоридском чуде. Он полагает, что Лидскальнинш, так же, как и строители пирамид, владел секретом управления антигравитацией. По его теории, Земля покрыта гигантской энергетической сеткой. В местах пересечения «силовых линий» возникает колоссальная концентрация внутренней энергии планеты, позволяющая перемещать в пространстве любые предметы, независимо от их веса и размеров. Одно из таких мест, по мнению Стонера, как раз и расположено на юге Флориды, где латыш возвел свой замок.

Кстати, Рэй Стонер считает, что переезд Лидскальнинша из Флорида-сити в Хоумстед был вызван не опасениями, что его одиночество потревожат, а оплошностью геодезистов и землемеров, из-за которой Лидскальнинш ошибся с определением места пересечения силовых линий на 16 километров.

Теория силовых линий звучит довольно убедительно, но никто не может объяснить, почему никому, несмотря на все старания, так больше и не удалось овладеть секретом управления антигравитацией!

ПЛАНЕТА UNLIMITED
СВОЁМЫСЛИЕ

А у тебя есть время
остановиться?

Он опять в Москве...

Он опять в Москве, опять его номер не отобразился на телефоне – так всегда бывает, когда звонит абонент иностранного оператора мобильной связи: «Привет, Тань, я в Москве, ну, как ты? Хотел увидеться, посмотреть на тебя».

Я замолкаю, пауза – напряженная нить, вот-вот лопнет, мне трудно как-то сглотнуть эту внезапную немоту, кажется, это «рак речи», но дальше, пытаюсь «выдавить из тубика» немного своего голоса, вдруг слышу: «Да, я тоже... рада... конечно... где остановился?... надолго? Встретимся, да давай, сегодня? Улетаешь завтра, ну, да, конечно... Во сколько подъехать? О'кей, буду в семь».

В семь часов я буду на площади у Киевского вокзала, поставлю на стоянку мою «нексию», первый взнос за которую оплатил он. Сделаю 500 шагов в направлении «Рэдиссон Славянская», за стеклянными дверя-

ми в холле будет он стоять и ждать меня, как всегда, в безупречной рубашке – результат стараний любящей жены, которая выписывает ему одежду из каталогов, все в одной цветовой гамме.

Сегодня он в чем-то серо-холодном, меня не видит. Набирая сообщение на телефоне, сосредоточенно тычет пальцем в кнопки. Кожаные кресла, как разъевшиеся негры, заключили иноязычных седоков в свои объятия, и те с упоением дымят свой вишневый табак. Интуристам здесь хорошо, все их достойно: синий ковролин, улыбочивые ресепшионистки в фирменных галстучках, Moscow Times на стойках, сосредоточенный на протираании бокалов для коктейлей бармен и тихий джаз, дурманом разливающийся в воздухе. За стеклянными дверьми – снежная «раша», пропахшая медвежьей шкурой и водкой, но она не страшна, когда ты гостишь «ин'э хотел слав'янская».

Если бы я не знала, что человек в сером – мой отец, я бы ни за что не выделила его из этой булькающей нечленораздельным английским тусовки, хотя, пожалуй, его бы выдали всегда немного усталые глаза. Он научился у них улыбаться – так же открыто-фальшиво и произносить «как дела?» на манер «how do you do?», т. е. так, чтобы не закралось и мысли ответить что-либо содержательное.

– Ну, здравствуй! – бойко приветствую его я. – Будем здесь тратить твои евро, или ты меня повезешь в место поприличней?

– Чем я на этот раз провинился? – шутливым тоном ответил он, пряча мобильный в задний карман.

– Прости...

– Как работа?

– Неплохо, мечтаю об увольнении.

– Что так?

– Достало...

Он немного нахмурился, взглянул на меня, потом посмотрел в точку прямо перед собой, силясь, чтобы ни один мускул не посмел двинуться, и спросил:

– Мама здорова?

– А мне вот о-о-о-чень интересно, как поживает Катрин, куда вы ездили на эти выходные?

– Неплохо, она заканчивает диссертацию, хотели смотаться в Брюссель, но пришлось отложить...

– Ааа, говорят в Брюсселе делают прелестные кружева, ей очень пойдет, сделай ей подарок.

– Спасибо за совет, я подумаю об этом...

Терпеть я не могу его терпения!!! Его спокойной уверенности в своей правоте. Ему давно и я, и мама безразличны, зачем же спрашивать... как здоровье мамы, она ведь твоя жена, как бы между прочим, «была» на протяжении 18 лет, а потом, видите ли, тебя не хватило, и потянуло, и ты поверил в возможность... просто земного счастья. Как мама? Как брошенная жена, вот как.

– Нужны ли тебе деньги?

– А ты как думаешь?

– Думаю, нужны, но я бы хотел, чтобы...

– Отчиталась, куда я их трачу? Не покупаю ли я дозы для своих друзей-наркоманов? Не покупаю. Плачу исправно кредитные взносы за машину, подумываю о ноутбуке, ну, и так, шпильки-булавки разные, ты понимаешь...

– Да, конечно... Как на личном фронте?

– Без изменений, идут бои, о победах я тебе, не сомневайся, сообщу первому.

– Ладно, Тань, ну, что ты опять за свое, я же... ты же делаешь мне больно.

– Прости, я что-то устала просто. Я лучше пойду...

– А как же ужин, я так хотел... там в ресторане столик у окна, я заказал, как ты любишь, чтоб видно было, как падает снег, помнишь нашу игру? Мы ловили с тобой снег...

– Пап, я прошу, давай не будем, мне правда надо идти..

– Хорошо, возьми хотя бы тогда, – сказал он и робко протянул конверт. Я выхватила его и побежала вон.

Ну, как так можно, Господи ты Боже мой, он что, совсем очумел, старый дурак, помню ли я, как мы ловили снег... Да пошел ты со своим снегом!

Я хотела только одного – поскорее убраться из этого дурацкого «хотеля», убежать, чтобы эти испуганные сытые глазки в золотых оправках не видели, как боль размазывается тушью по всему лицу. Ну, где, ёлки-палки, здесь двери???

Помню ли я, как мы ловили снег? Слишком хорошо помню. Надо было расставить пошире ноги, вытянуть в стороны руки и ловить снежинки ртом, раскачиваясь, как звезды. Мы любили зимой ходить с ним на каток, никто так не завязывал коньки, как это умудрялся делать он – не перетягивая и не ослабляя шнуровку. А летом все в тех же Сокольниках мы покупали сладкую вату. Когда она прилипала к точеному маминному носу, он нежно целовал ее, приговаривая: «mmm, какая сладкая!». Мама когда-то была задумчиво-улыбчивая и смеялась вместе с нами, папе так нравилось ее смешить, это была награда за его старания. У него не всегда получалось угадать ее, но иногда все же бывало хорошо всем вместе... Потом случилось это. Он ушел из нашей жизни.

Мой отец – физик, сейчас ведет космическую программу в Германии, запускает спутник на Венеру. Он – гордость научной России, «иу-

душкой» зовет его моя мать. Уже почти десять лет он является реальным подтверждением процесса «утечки мозгов», хотя официально он все еще в командировке от своего несчастного НИИ.

Я как раз заканчивала школу, когда отца пригласили поработать за границу, это было так вовремя – с деньгами совсем было туго. Мама, подрядившись работать экскурсоводом, получала в два раза больше него. Помню, она каждый день задавала ему один и тот же вопрос: «Где деньги, Зин?», поэтому, когда он сообщил о грядущей поездке, она сперва не поверила, потом засуетилась, а когда выяснилось, что первые полгода он должен там провести один, сказала: «Все не как у людей. Нормальный человек добился бы нормальных условий для семьи». И он уехал. Вернулся через год – чтобы подать на развод.

В Германии его ждала Катрин, журналистка, она писала о новой космической программе, брала у него интервью и ... Ну, в общем, с первых минут общения поняла, что без ума от него, от «его высокого лба, который вмещает цитаты из Канта и экзотичного Достоевского». Папаше, наверное, подумалось: «Эх, может, и мне можно быть немного счастливым, может, чуть-чуть заживу?» И зажил... После развода он сразу уехал, потом долго пытался переводить деньги для меня. Мать отказывалась: «Нам не нужны его подачки, пусть свою баварскую королеву кормит... сосисками», но потом смирилась, теперь... мы никогда о нем не говорим. Я знаю, ей все еще больно. А мне – тем более, я слишком хорошо еще помню, как мы с ним ловили снег...

Юлиана Годик.

Рисунок Леонида Борисова

В нескольких минутах ходьбы от станции метро «Курская» вплоть до 2000 года располагался Московский винзавод. В год миллениума случилось то, что случилось: Московский комбинат виноградных и десертных вин обанкротился и перешел в руки бизнесменов, среди которых была Софья Троценко, известная и как коллекционер. Действовать привычным способом «под снос» не стали и не только потому, что у 20 тысяч квадратных метров производственных площадей «Винзавода» богатейшая история: сама усадьба принадлежала некогда капитану лейб-гвардии Преображенского полка Мельгунову, затем купцу Мониному, потом Никифору Прокофьеву, открывшему в 1810 году здесь медо-пивоваренную фабрику, позже ставшую собственностью братьев Тарусиных, выпускавших известное на всю Москву пиво... не только поэтому. Мировая практика последних лет подсказывала: парижский вокзал Д' Орсе превратился в Музей импрессионистов, хлебозавод в Берлине – в культурную площадку «Казино–Берлин», бывшая лондонская электростанция преобразилась в знаменитый Tate Modern.

Под снос никак нельзя.

В 2004 году началось обсуждение и одновременное осуществление проекта по размещению на территории «Винзавода» галерей современного искусства. К 2007 году здесь устроились и обустроились галерея Марата Гельмана, галерея «XL», галерея «Айдан», галерея «Победа», галерея «Ателье № 2» – и это еще не все: здесь чувствуешь пульс времени.

Вино – важный фактор, в нем, как известно, истина. Но теперь понятно, что не только та истина, что в бокале игристого, но и та, что зовется столь же оксюморонным, но единственно верным сочетанием – «современное искусство». Теперь на «Винзаводе».

(БЕЗ ВИНА ВИНОВАТЫЕ)

Современное искусство в России, быть может, впервые за всю свою историю перешагнуло полуподвальные помещения, вышло из статуса маргинального и своевременно, как тому и надлежит быть, а не постфактум, в полный голос заявило о себе международному просвещенному сообществу. И тут мнения разделились: одни принялись утверждать, что такое не-искусство позорит нацию, другие – спешно зарабатывать деньги, скупая произведения перспективных, но, как принято говорить, еще не раскрученных авторов. Разобраться в этой шумихе сложно даже специалисту. Подозреваю, что статус «полуподвального творчества» на руку как тем, так и другим. Но – не об этом.

Ведомые благородной идеей не только заявить, что в современной России есть и современное же искусство, но и рассмотреть пристально его лицо и угадать, откуда корни, культурный фонд «АртХроника» совместно с Deutsche Bank учредили соответствующую награду – «Пре-

мию Кандинского», присуждаемую в номинациях «Художник года», «Молодой художник года» и «Медиа-арт проект года». Работы номинантов, выставленные в «Цехе Белого» и «Цехе Красного» на «Винзаводе» с 7 по 27 ноября, могли посмотреть все желающие, и бесплатно.

Чем мне не нравится современное искусство? Тем, что оно дико моему классическому образованию и классическому же восприятию мира, что оно как-то необоснованно будоражит фантазию и производит в мозгах причудливый рисунок, похожий разве на выющуюся от бесконечных узелков веревочку.

Этим же оно мне и нравится.

Современное искусство, на мой взгляд, вообще чрезвычайно лично: оно апеллирует к человеку и ждет от него, отдельного зрителя, умозаключений, понятных только ему. В этом своем сокровенном смысле современное искусство профанно*, то есть искренне, чутко и сердечно. Потому и профаном быть, созерцая произведения номинантов на премию Кандинского на «Винзаводе», не стыдно: тебя не печет ни первое место, ни последнее, но лишь свежесть собственных ощущений, в которых трепещет надежда угадать замысел автора.

Изображенные в слове

Ящички за стеклом. Текст на гаснущем и вновь вспыхивающем рябью экране. Попытка вчитаться. Все написанное кажется бредом. Как будто иноязычный текст загнали в компьютерную автоматическую переводилку навроде translate. Перечитываю, прерываясь на гаснущий экран: пред-

ложения правильно построены и даже несут в себе мысль. Остается понять, какую. Это аллегоричная серия лейтбоксов «Телешум» Марии Суминой. «Ящички за стеклом» разыгрывают тему телемании и словесно пародируют ТВ-шоу, превращая статичного зрителя в смотрящего. Вообще, на этой выставке многие произведения не мыслятся без словесного образа, запечатленного на них же и в них же.

Таковы, например, и картины Константина Латышева из серии «Империя добра». Они добродушны в своей самоиронии над «таинственной русской душой». В некотором смысле, традиционная стилистика поп-арта Латышева вкупе с приписанными художником же репликами и непроизвольно, будто вопреки, рождающимся у зрителя смехом, напоминают комикс или пародию на комикс. Может, таким он и должен быть, русский комикс высокого искусства, большого порыва, такой же, как и все в нашей стране, размашистое, разудалое, притворяющееся имперским и даже апмирским.

Еще один очевидный крен произведений, представленных на выставке — выпад в сторону советской эпохи, иногда переходящий в припадание, отдающее хромотой сегодняшнего момента.

Закат советской эпохи начинается с картин Юрия Шабельникова из серии «Конец эпохи». Изображения пустых кинозальных кресел, мосфильмовской визитной карточки — «Рабочего и колхозницы», занавеса с типичным для голливудских кинолент THE END-ом размыты

темно-чернильными струями дождя. Созданные, словно в нарочитом контрасте, из белого блестящего гипса, в своей натуральной величине и несоразмерно маленькие фотокартинам, на полотна взирают игрушки советских детей — неваляшка, Буратино, медвежонок — зрители уходящей эпохи. И мысль: все, даже история — иллюзия, трибунный миф. Но память, злодейка, вторит другое, услужливо подкидывая образы заполненных зрителями кресел в кинозале, еще лишенном стереосистемы и звука Долби диджитал, и тех, оставшихся за кадром, кому «до шестнадцати», и других, извечно мучимых вопросом: «Лишнего билетика не найдется?». А эти пластмассовые алые с белым неваляшки с широко открытыми глазами? Кто осмелится сказать, что их вовсе не было? Точно так же, как, возможно, никогда не существовало на географической карте никакого СССР, как не было никогда никаких братьев-славян в лице украинцев и белорусов, как не было ничего, что можно было бы приобрести по талонам, так же, как не было и очередей... Не было никакого «совка», товарищи, не было! Увы: был и не исчез, но еле виден, как бывает с трудом различима дорога, если в лобовое стекло хлещет в сумраке мрачно-черный дождь. С тем же напряженным, вглядывающимся в темноту взглядом и сейчас чуть ли не ежедневно натыкаешься на «призраков коммунизма» — гидропирольные лица за прилавками никуда ни пропавших магазинов самооб-

служивания, лишь на западный манер переименованных в супермаркеты. С тем же чувством обманутого покупаешь йогурты с пожизненным сроком годности, а память все подсовывает воспоминания о сметане в канистрах, добродушно разбавляемой всего лишь кефиром... Все, тушите свет, конец фильма. Хотя нет, если свет погашен, значит кино только начинается...

Отдельной строкой

Какое воображение подкидывает оксюморонные образы навряде тех, что на больших, схожих с картинными, полотнищах фотографий Рауфа Мамедова из серии «Ужин в Эммаусе»? Жизнь не за кадром, но перед камерой. Смешанное чувство добра и нищеты, уродства и блаженства, красоты и порока. Бал не уродов, но юродивых. И не бал вовсе, а жизнь, несмотря на то, что кадры постановочные. Но разве наша повседневная игра словами и чувствами других, игра не ведомая нам самим, от того, что тонка и прозрачна, а порой и призрачна, не кажется нам волеизъявлением некоего талантливого постановщика, именуемого многозначительным словом Судьба? Кто тот неведомый, но властный, как хитроумный политик, плетет эту бесконечную игру наших встреч и расставаний, подталкивает нас опоздать на поезд, чтобы не упустить что-то главное, не убежать от того, что обесценено обыденностью словоупотребления: любовь, выбор, воля, свобода, жизнь...

Блаженная девочка с синдромом дауна в пузырящихся «лапшо-

вых» чулках со спущенными подвязками и розовый фламинго на переднем плане. Подвязанная веревкой подошва ветхого ботинка, засаленный пиджак, мокрые от пота и не слишком частого мытья волосы на лысеющей голове, вязаный носок с торчащими пальцами... Среди нищеты и физической неполноценности, будто невпопад, на благородном, потертом стариной не преемственных эпох круглом столе из настоящего дерева появляются изысканные, на тонкой ножке рюмки-тюльпаны с «красненьким», золотистый, сверкающий, словно только что вычищенный, кувшин, и книга, и очки... И как-то все это не дисгармонично, но едино, не вызывает ни отторжения, ни умиления, но известную зависть к Знанию.

«Картины» Рауфа Мамедова из тех, что всеобъемлют мироздание. Они пронизаны аллюзиями, испещрены цитатами уже бывшего. Не вполне очевидно, но первое, что приходит на ум при названии «Ужин в Эммаусе» — это ежегодный рок-фестиваль в Тверской области (во всяком случае, у меня). Вкрадчивое чувство, что это неверный ответ, власть любознания и впечатления обращает в словарь, откуда всплывает вполне соответствующий картине контекст: Эммаус — небольшое селение близ Иерусалима, где Иисус был узан двумя учениками в преломлении хлеба.

Нищета убранства уступает величю духа и ничем не прикрытому личностному миропониманию, настолько нелживому, что

Победители «Премии Кандинского» 2007 года

«Художник года» —

Анатолий Осмоловский.

«Молодой художник года» —

Владлена Громова
(Петрозаводск).

«Медиа-арт проект года» —

Владислав Мамышев-Монро.

Приз зрительских симпатий

присужден художнику

Петру Голощапову.

обывателя внешний облик этой правды невольно пугает, секундой позже вводит в исступление, еще чуть времени и, ужаснувшийся собственному невежеству, созерцатель полотнищ Мамедова в растерянности и потрясении отступает...

**Век назад философ Н. Ф. Федоров высказал мысль, что искусство должно быть ориентировано на простого человека: профана, т. е. человека чуткого, сердечного, непосредственного: между ним и искусством нет теории, чужого мнения. С тех времен тонкое понимание роли искусства утрачено, а само слово «профан» приобрело негативную окраску, стало оскорблением. Желая восстановить историческую справедливость, «Смена» выводит на свои страницы настоящего Профана: анализирующего свои мысли и пытающегося облечь в слова чувства.*

*Профаном себя показала
Надежда Болгова.*

Дарья Новолокова

Радость обмана

А городе повсюду перетяжки. Маленькие плакатики назойливо мелькают в метро. Большие билборды не позволяют себя игнорировать. На них – красивые люди в красивых костюмах и с загадочными улыбками на устах. Слоганы интригуют: узнай, сколько стоит твоя мечта. И невольно хочется узнать, а действительно, сколько? Неважно, что до этого ты мыслил совершенно иначе и думал о том, как бы, например, вовремя сдать курсовую и как бы правильно оформить в ней библиографию. Теперь все иначе – город позвал тебя в кино. Через две минуты, потраченные в кассе кинотеатра, мир расцветится возможными и невозможными красками.

Не успел ты посмотреть и осмыслить один фильм, как прокатчики тут же, перед началом сеанса, намекают тебе в трехминутном трейлере, что неплохо бы повторить, что стоит придти сюда завтра. Завтра будет еще лучше сегодня. Система долби ораунд окончательно отвратит тебя от мира реальности и позовет в волшебный, интригующий, незабываемый и – самое главное – нереальный мир кино.

Удобно устроившись в одном из кресел московского кинотеатра, ты моментально забываешь и о сессии, и о рефератах, и вообще обо всем. Ты занят наблюдением за чужой жизнью. За жизнью, которая настоль интересна, что никогда твоя сравниться с ней не сможет.

Не дай бог, чтобы это был фильм о студенческой жизни. Насмотревшись на то, как в решающей игре за команду школы главный герой (который – какое совпадение – тоже не сдал

реферат) забивает гол, его носят на руках и выпускают с красным дипломом. Невольно ты проецируешь ситуацию на себя. Ты тоже ждешь игры, ты тоже надеешься на гол, ты тоже ждешь того, что в фильме тщательно спланировано режиссером, обдумано и записано сценаристом, озвучено дублером и музыкально оформлено композитором. И совершенно напрасно. Отчислять тебя будут еще до игры, без музыки, в обычной московской учебной части.

Выйдя из темного зала, перед тобой опять встает освещенная солнцем, а не светом прожекторов, действительность. И почему-то она не так прекрасна, как в только что представленной картине. Монтажер не вырезал из твоего поля зрения неживописные участки с ларьками у метро, не отобрал для тебя прекрасные зеленые пейзажи, нашептывающие, что все прекрасно, все совершенно и неотразимо. А люди почему одеты соответственно своему социальному статусу и бюджету, а не в последние коллекции Прадо? Они также остались без внимания костюмера, визажиста и гримера.

Но бог с ними – с тряпками, красивыми домами, блестящими машинами, красивыми ресторанами. Главное в другом! Люди не ведут себя, как киношные герои!!!! О ужас!!! Что же теперь делать тебе? Ты ведь знаешь наизусть ответы на все вопросы, ты знаешь свои реплики блестяще, ты отрепетировал их до зеркального глянца, ты совершенен в своей роли. Когда тебя спросят: «Если люди любят друг друга, но никак не могут быть вместе, когда приходит время расстаться?». Ты медленно посмотришь в пол,

потом поднимешь глаза и ответишь: «Никогда». Все сказано, все проиграно миллион раз, но только реплики тебе почему-то не подают.

Ты ждешь от обычных людей, занятых своими повседневными проблемами, того, чего режиссер добивается от актеров на съемочной площадке часами.

Миллионы долларов США брошены на то, чтобы ты на час-полтора погрузился в ситуацию, с которой ты вряд ли когда-то столкнешься в реальной жизни. Ты видел, как чертовое колесо, сойдя с орбиты, катится по московским улицам, как верхушка Вестмейровского аббатства еле-еле видна из-под воды, как гигантская горилла разрушает дома мирных жителей и еще миллион подобных картин. Ты наблюдал их из своего мягкого кресла в шестом ряду, пожевывая попкорн, а хотел(?) увидеть все подобное из окна своей квартиры – это еще большой вопрос, на который не каждый ответит откровенно.

Но не стоит о катастрофах и о глобальном. В конце концов, не так уж давно в сентябре все видели картинку, достойную кинематографа.

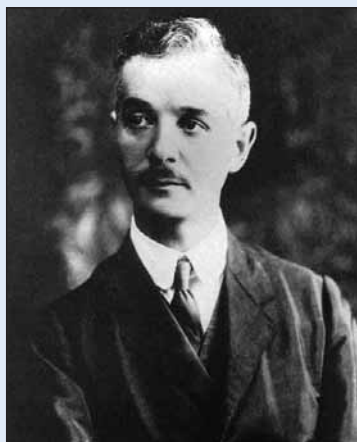
Возьмем ситуацию попроще. Человеческие отношения. Ну, почему у них все так интересно? Почему физик-ядерщик, спасающий мир, прекрасная блондинка, которая, по идее, не должна выходить из тренажерного зала никогда, чтобы оставаться в такой превосходной форме? Почему там, «пока не идут титры, возможно все», а в реальности занавес падает задолго до окончания действия. И дело ведь совершенно не в том, что в жизни так не бывает,

так не может быть или что-то еще. Весь ужас ситуации заключается в том, что в жизни как раз так и бывает, но раз в сто лет. А ты каждый день на экране видишь величайшие драмы человечества.

Непроизвольно ты начинаешь ждать от реальности таких же чудес, причем сиюминутно, незамедлительно, прямо сейчас и в таких же количествах.

Встретившись двадцать лет назад и столкнувшись в метро глазами на две секунды, они поняли, что это любовь на всю жизнь. Но злая воля разлучает их. Несмотря на все жизненные перипетии, они, встретившись снова, тут же узнают друг друга, а любовь разгорается еще более ярким, нетушимым пламенем. Посмотрев такой вот фильм, вечная любовь начинает чудиться за каждым кустом и в каждом лице в очереди. И тут начинаются снова разочарования, недовольство близкими, которые не знают, как отвечать на вопросы с подковыркой.

Преувеличенные ожидания делают жизнь скучнее и серее, чем на самом деле. Так стоит ли стоять рядом с метлой и ждать, что она полетит по твоей команде? Может, стоит взять ее в руки и сотворить вполне реальное чудо, устроить генеральную уборку в комнате, к примеру? Может, стоит оставить людям право отвечать не по чужому тексту, а как велит им сердце, которое не контролирует режиссер-эстет? И жизнь покажется намного интереснее, когда поймешь, что есть вопросы на которые ты пока не знаешь, как и что ответить, но через минуту решишься, и это будет совсем другое кино.

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880 — 1932), пожалуй, самый известный поэт-сатирик России XX века. Хотя полвека назад такого писателя в нашей стране вроде бы и не существовало. Выход большого тома в «Библиотеке поэта» в 1960 году, да еще с обширным предисловием Корнея Чуковского, содержащим живые воспоминания о поэте и эпохе, стал настоящим откровением для читателей: оказывается, не так давно жил и творил очень веселый и остроумный писатель.

Беда в том, что в 1920 году Саша Черный эмигрировал, и за границей написал несколько обличительных рассказов и стихотворений о революции, советской власти и большевиках. С тех пор он стал персоной нон-грата на Родине, так же, как и его книги.

Родился Саша Черный в Одессе, жил в Белой Церкви, Житомире, Петербурге. Учился он в житомирской гимназии, но из-за конфликта с директором был исключен из 6 класса «без права дальнейшего поступления».

В 1904 году Саша Черный дебютировал как фельетонист в газете «Волинский вестник», после чего его имя прочно утвердилось на страницах многих газет и журналов. А с 1905 года его стихи, юморески и проза, напечатанные под псевдонимом Саша Черный, становятся для многих любимым чтением.

С 1908 по 1911 годы Саша Черный тесно сотрудничал с «Сатириконом», и это сотрудничество принесло огромную славу и журналу, и поэту.

Несмотря на сложный характер, он умел дружить по-настоящему и тесно общался со многими известными писателями того времени: Леонидом Андреевым, Максимом Горьким, Александром Куприным, Корнеем Чуковским, Владимиром Набоковым. Его талант очень ценили Николай Гумилев и Владимир Маяковский.

В годы эмиграции Саша Черный начал писать прозу для детей. «Дневник Фокса Микки», «Кошачья санатория», «Детский остров», «Живая азбука», «Чудесное лето» с удовольствием читали те, для кого они были написаны, и эти сказки и повести стали поистине классикой детской литературы.

Если во многих стихотворениях Саша Черный выступает как злой сатирик, клеймящий пороки современного ему общества, то его прозе, наоборот, присущ мягкий юмор, теплота, понимание и сочувствие к простому маленькому человеку, стремление поддержать людей, оторванных от Родины.

Человек с чуть грустными глазами, добрым лицом и широким сердцем, Саша Черный и сегодня остается нашим близким и понятным собеседником.

Колбасный оккультизм

Рассказ делового человека

Человек я несуетный, некогда в эмигрантской жизни таким пустякам предаваться. И, по логике рассуждая, черному коту, либо проезжающему покойнику, либо католическому попу поперек прохаживать передвигаться по Парижу приходится. Не на аэропланах же им перелетать.

Тем не менее с некоторых пор русские объявления за салатом пробегаю, стал я задумываться. Печатают же. Не зря Гутенберг свой наборный шрифт изобрел...

Предсказываю прошедшее, рассказываю настоящее, заглядываю в будущее. Брюнетам скидка. Имеющим свою квартиру — льготные условия платежа. С оккультным приветом. Веранда Брахмапутра.

И личико изображено соответственное.

В скидке я (хотя и бывший брюнет) не нуждаюсь. Подножные франки, слава Богу, не перевелись. Перфектум и презенс меня тоже не интересуют. И даром известно: несла наша курица в прошлом золотые яйца: курицу зарезали, яйца разбились, пух по ветру гуляет... А кто ее зарезал, до сих пор на диспутах спорят. Может, интеллигенция, а может, и неграмотные...

Настоящее наше вроде братской могилы. Что в ней зря ковыряться? Но вот будущее, футурум, как выражались древние греки, — вещь заманчивая. Вроде маяка на неизвестном острове. Может, там финики сами в рот падают, может, там вроде собачьей пещеры близ Неаполя: тварь высокого роста выживает, а низкорослая ноги протянет.

Дела разные наворачиваются. Стоит перед тобой как бы эмигрантский столб, а на столбе написано: пойдешь прямо — последний капитал потеряешь, пойдешь вправо — из Франции вышлют, пойдешь влево — компаньон зарежет... Неразменным рублем, однако, тоже не обзавелся. Ждать нельзя. Мысли, сомнения — как быть, с кем посоветоваться? Вдов я, живу в мебелированных, на манер бесплодной смоковницы... Сын один в Африке фельдшером, неграм пивячки к пупкам ставит; другой в Риге в танцклассе на какой-то собачьей кишке играет. От таких, хоть и по радио, какой же совет.

От французов тоже толку на сантим. «Са-ва, са-ва»... Как, мол,живаете? А чуть ты ему начнешь про ишиас свой рассказывать или что вчера во сне видел, его и звания не осталось. Так, больше для упражнения в вежливости спрашивают.

Со своими земляками тоже разговор короткий. Каждый, как кот в океане, барахтается в неизвестном направлении. Компас — в ломбарде, во рту — горькая соль. Станет тебе такой советовать...

Стал я свое довоенное образование перетряхивать. Окончательным интеллигентом сделаться не успел, пришлось в Рязани после отца переплетное дело разворачивать. Кормился — ничего. Тогда книги переплетали, теперь только зачитывают... Прогимназию успел все-таки кончить: векселя и любовные письма писал без ошибки.

Стал я вспоминать. Верили же классические разные личности в ауспиции, по кишкам-внутренностям гадали. Гороскопы тоже астрологи

составляли: по планете, проходящей через меридиан дня рождения, все штатские и военные операции предсказывали. А уж пифии совсем вроде гадалок были. Только бесплатно работали и серой от них пахло. Да еще сидели не на четвероногом акажу-кресле, а над пропастью на трех ножках. Разница несущественная. Александр Македонский насчет плана кампаний гадал, Клеопатра, может, на внутренностях любовников в будущее заглядывала... Сам Конан Дойл, мировой автор полного собрания походов, у загробных сыщиков насчет подброшенной младенческой ноги неизвестной национальности мнения спрашивал. Ужели я, Иван Трофимов, рязанский переплетчик, скептически вензеля выводить буду? Глупо.

Взял карту Парижа, разложил на сомье. Улицу разыскал, метро красным карандашом обвел. Котелок рукавом навошил, с ботинок мебелированной салфеткой пыль веков смахнул — поехал. Потому подробно все описываю, что случай, действительно, выдающийся...

По дороге все думаю — правильно ли я к ней, к Брахмапутре, в коричневой тройке, как парикмахер на панихиду, заявлюсь. Может, визитку бы рязанскую надеть (она у меня вроде мумии Тутанхамона, без износу!). Случай все же торжественный, все равно что судьбе визит наносишь. Да и дама ведь она, пифия-то эта монмартрская. Доктор оккультных наук, почетный член бабелмандебской теософской академии — пес натошак не выговорит... Про хвост ничего не сказано: с хвостом она, как по Гоголю ведьме полагается, или, так сказать, в уровень с модой — отрубилась...

Выскочил из метровой дырки. Совестно. Будто голый в витрине лежишь, а на груди этикетка: «Вот старый дурак к гадалке собрался». Идти, не идти? Решил положиться на оккультную арифметику: если первый автомобиль на три делится — перст судьбы, надо идти. Гляжу — из-за угла выкатывает, и сзади, так я и ахнул: 567. Четыре раза, подлец, делится! Не пойдешь — рыбьей костью, чего доброго, в наказание за обедом подавишься...

Поднялся я на третий этаж; лестница тухлой консьержкой припахивает. Ткнул я кнопку, дверь как дверь — ничего магнетического.

Отворяет этакая Агаша, домашняя рабыня российского привоза. Глаз голубой, веселый, вся в припухлостях. И румянец естественный — арбуз астраханский в разрезе. Даже отодвинулся я немного. Не затем-с пришел.

— Погадать, батюшка? Пожалуйста в ожидальную, номерок я вам очередной выдам.

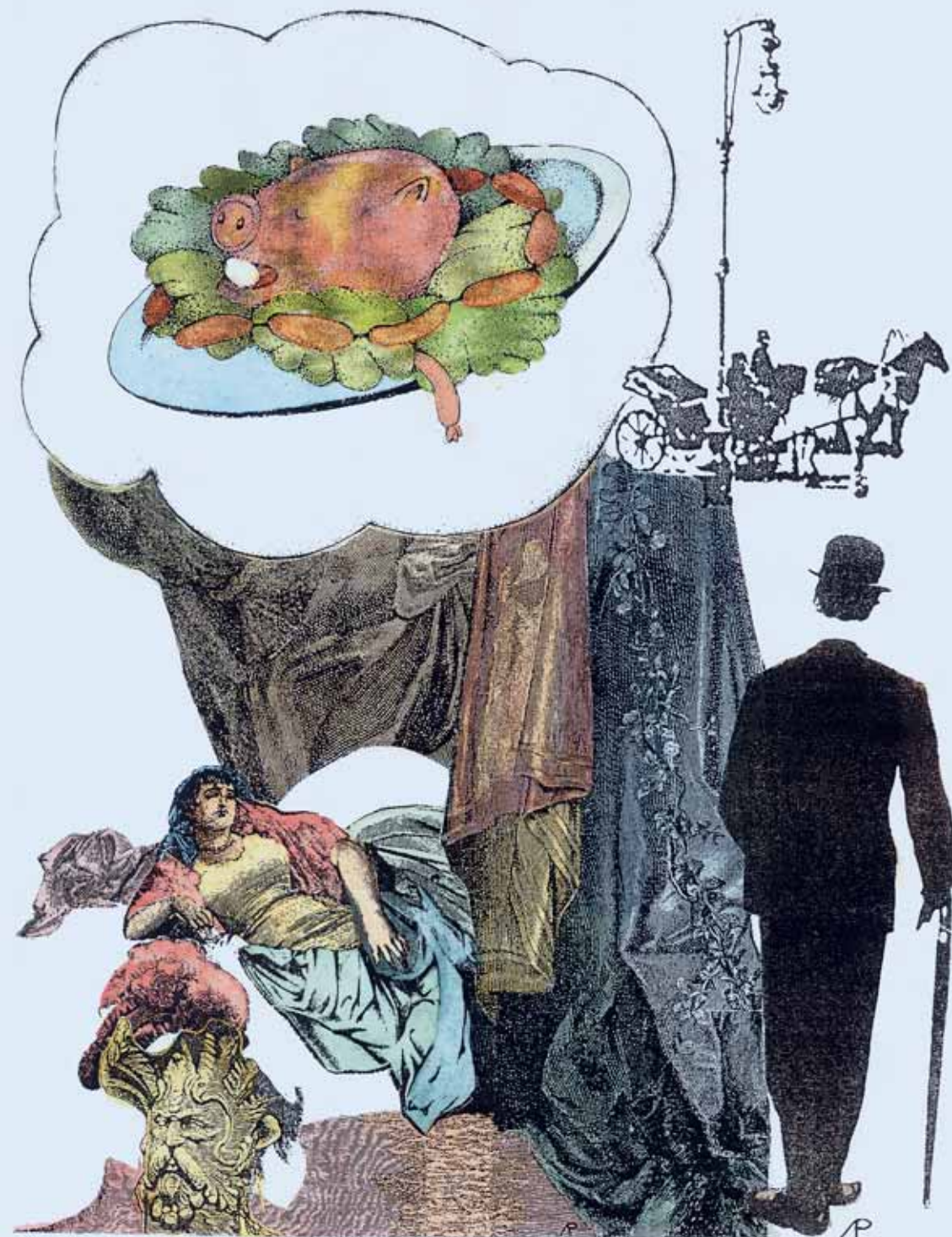
— Да там много народу ли?

— Слава Богу. Табурет дополнительный из кухни принесла.

— Ну, мать моя, я после зайду. Некогда мне в хвосты гадальные у вас становиться...

Конфузно стало. Не предбанник тут, гром их побей... Буду я себя, солидный человек, ножки под табуретом поджавши, на общий позор выводить.

Рабыня, однако, свое дело знала. Дверь за спиной щелк, сама у меня палку и котелок из рук, словно у грудного младенца, берет, голосок под сурдинку перевела:

— У нас, сударь, многие из мужчин стесняются. Не сомневайтесь. Коридорчиком я вас в столовую проведу. Уж вас там и водолаз не найдет. А если вы мне пять монет на сберегательную книжку пожалуете, я вас промеж двух барынь вне очереди втисну.

Втискивай. Что ж поделаешь, если в пятьдесят пять лет сдуру в гадальную мышеловку влетел.

— Занятие ваше, — спрашивает, — какое?

— Тебе зачем?

— Да так... На капитана одного черноморского очень вы в профиль походи.

— Гм... У меня, душа моя, и профиля почти нету: разнесло от мебелированной сидячей жизни. Занятие мое в прошлом сухопутное... Переплетное дело в Рязани держал. А теперь к колбасному производству тяготею. Впрочем, тебе это ни к чему... Поворачивай пятки.

Вхожу в столовую. Действительно, кроме летающей моли, никого. Да в дальнем углу на мои шаги проснулся на жердочке ревматический попугай, пегий старик. Почесал себя меланхолическим клювом под мышкой и этак отчетливо, барственным баском по-русски на всю столовую хрипло выразился:

— Еще один.

Я от удивления даже пиджак на верхнюю пуговицу застегнул.

— Кто же это, — спрашиваю, — еще один?

А он в ответ без всякого стеснения (разве ж он, дьявол носатый, не на деньги клиентов свои насущные семечки лушит?) — прямо мне в нос традиционно ляпнул:

— Дурррак.

Впрочем, в дураках я, слава Богу, не оказался. Совсем наоборот. Провела меня Агаша сквозь коридорные Фермопилы, в дверь по телеграфному коду постучалась: мужчина, мол — солидный — с икрой.

Впустили. Сидит в обыкновенной венской качалке этакий кулич необъятный. Щечки — земляничное желе, грудь на пульмановских корсетных рессорах, глаза — две коринки, — ничего мистического. Что ж, может, у нее главная сила внутри скрыта. Как жемчуг в устрице... На столе тоже ни черепов, ни змей в банке. Самая ординарная бутылка мадеры да халва на блюдечке.

Поздоровалась за руку и завела сразу. Весь свой гадальный преискурант выложила:

— Желаете на картах в две колоды с вариациями? За прошлое десять франков приплаты. Или по-болгарски на кофейно-турецкой гуще? Специально для пожилых особ, которые еще не погасши... Можно и по руке, по разверстой ладони, полная хиромантия души со всеми буграми, линиями и перекрестками за 25 франков. Многие тоже по почерку, как на рентгеновской скелетной фотографии, обнаруживаются. Способ особо научный... Выбирайте.

Я ее сразу и укоротил.

— Если я к вам, как к врачу по внутренним душевным болезням пришел, с какой стати я сам для себя лечение выбирать буду? Банки ли мне наружные ставить или цитварное семя внутрь принимать? Это, простите, вашу фирму не рекомендует.

Она насупилась, зубами и корсетом скрипнула и говорит:

— Я и без вас знаю, какой способ кому соответствует. Мне только надо было тембр голоса услышать, чтоб фибры ваши сообразить. Голос у вас тихий, но несимпатичный... А гадать я вам по книжной рулетке буду... Покажите, между прочим, вашу руку. Гм... Бугор Юпитера у вас как выпячивается. Властолюбие.

— Действительно, — отвечаю, — Каракалла во мне тайный сидит, только наружу выйти не может. Французские законы не позволяют.

Покосилась она на меня вбок, насмешки не поняла, образование не такое...

— Может быть, желаете десять франков доплатить, попугай вам из урны билетик с настоящим вытянет.

— Спасибо, матушка. Он мне в столовой бесплатно уже все изустно сообщил. Прошедшим не интересуюсь: подобно оно одуванчику на могильной плите. А настоящее, пока мы болтаем зря из пустого в порожнее, в прошедшее переливается. Дело мое серьезное, ответственное. Одна нога здесь, другая там, посредине Рубикон. Либо из меня золотой телец выскочит, либо собачий хвост в репейнике. Не томите, матушка, прошу вас покорно.

— Так бы сразу и сказали.

Снимает она с полочки над головой пузастенькую книжечку. Жест франкмасонский сделала, открыла где попало и спрашивает:

— Правая страница или левая? Отвечай сразу, не подумавши, будто кто тебя шилом в бок колет.

— Правая.

— Строка какая?

— Двенадцатая.

— Сверху или снизу?

— Снизу...

Повела она пальцем, нашла и... читает:

Свиную щетинку в кудри не завьешь.

— Скажи на милость! Ведь это ж прямо намек. Валите, — говорю, — дальше. — Опять она раскрыла.

— Страница?

— Правая!

— Строка?

— Семнадцатая!

— Слева?

— Справа!

Около кости мясо слаще...

Так я и взвился. Ясный намек на колбасное производство. Ну, до трех раз... валите, Веранда, как вас по батюшке... Брахмапутровна.

И представьте себе, по третьему разу полное, можно сказать, подтверждение:

Свинья чешется — к теплу, а визжит — к ненастью.

Вот тебе и суеверие! Прямо в мою свиную мишень все три стрелы.

Выпил я воды, паузу сделал — взволновался очень. Что в самом деле за колбасный спиритизм?..

А она сидит, перстами играет, улыбка во весь медальон: что, мол, фирма моя тебе нравится?

— Как же, — говорю, — сударыня, вы так навели, что все мои колбасные мечтания перед вами, как на ладони, вскрылись?

— Кто, милый, каким товаром торгует: один обыкновенными сосисками, другой высшим животным гипнотизмом... Теперь я вам самое существенное за тот же гонорар и предскажу. Недорогую подержанную машину для производства, небось, ищите?

— Ищу.

— И мастера, который непьющий, из русских?

— Господи! Третью неделю по всем газетам объявление тискаю.

— Помещение тоже, поди, требуется? Бай на девять лет, да на окраине, чтоб колбасные твои ароматы жильцам не мешали?

— Прямо в точку!

— Ну, ладно. Открывай смело. Моя рука полевого ветра легче. Какое имя?

— Иван Трофимов.

— В крутом буераке лютые собаки. В лес дорога, на пупке тревога, внутри ярмарка... На море, на взморье, на белой салфетке, в бурой жилетке сидит раб Иван под деревом-лозою, торгует ливерною колбасою... Ступай теперь домой, а вечером наведайся. Насчет непьющей машины, подержанного мастера и всего прочего все тебе точно обскажу...

Устала, бедная, на напряжения фибр — заговариваться стала и глаза прикрыла. Даже серой, могу сказать, запахло... Сунул я ей за ошейник двойную против таксы мзду и на цыпочках вышел. С лестницы от радости козлом скатился... Вот тебе и суеверие!

Дело мое (тьфу-тьфу!) теперь на мази. Мастер только тогда и пьет, когда я сам запиваю, — надо же хозяина уважить. Машина подержанная попалась прямо как новобрачная. И помещение — ателье первый сорт. Все она — Брахмапутра...

Чайная, ливерная, охотничьи сосиски, полендвица так залпом и расходится. Не то что среди эмигрантов, этих не удивишь — французы народ гастрономический, нарасхват берут. А что процент гороховой муки в чайной колбасе у меня свыше нормы, наплюйте тому промеж глаз, кто говорит. Из зависти. Горох — не стрихнин... Хоть розовое масло клади, все равно брехать будут...

Гадалке, конечно, каждое первое и пятнадцатое разного свинства посылаю: она для меня все равно что Муза, все дело направила, нельзя свиньей себя оказать. И Агаше перепадает. Разживусь еще, перетяну ее в свой розничный — кассиршей. Руно ей на голове подстричь, совсем вроде пасхального поросенка, — симпатичная дамочка выйдет.

А книжку, по которой гадалка колбасную мою судьбу мне раскрыла по дружбе, я у нее на подержание взял. «Том второй, пословицы русского народа, собранные Далем».

Пробовал было на разные случаи сам себе гадать — фасон не тот. Я о скоропостижности любви, к примеру, загадаю (в 55 лет в Париже толь-

ко бодрая очень разворачивается, особенно кто при своем деле), а по книжке, бес его знает что выходит:

Будет корова, будет и подошник.

Или:

У кого голоса нет, тот и петь охоч.

Как будто вроде насмешки. Нет, стало быть, во мне этого самого оккультного перцу. И придется уж, видно, к пифии моей по специальному этому вопросу опять обращаться.

Житомирская маркиза

Святочная быль

К Святкам крепкая зима запушила инеем все житомирские сады и бульвары. Низенькие деревянные домики под белыми метлами тополей так уютно сквозь сердечки ставень глазели через дорогу друг на друга оранжевыми огнями. По бульвару, поскрипывая по плотному снегу солидными ботинками, изредка проплывал увалень-приготовишка, за плечом — коньки, на тугой бечевке — салазки. Щеголь-студент, сверкая бронзовыми с накладными орлами пуговицами, гвардейским шагом проходил по белой горбатой дорожке-обочине — в темном сюртуке — без шинели, по новой киевской моде; воротник иссиня-черный, околыш такой же; царского сукна темно-зеленые брюки натянуты штрипками до отказа, — чем не лосины?

Пройдут — и опять пустыня. Вверху — холодные перья облаков, мерзлый блик луны, тускло-голубое морозное сияние; внизу — стлывый дым ветвей, кусты в глубине садов в легких снежных париках, в прозрачном кружеве инея, и только кое-где за сквозным палисадником пирамиды ёлок грузны и тяжелы, словно в медвежьих белых ронды нарядились.

На перекрестке бульвара, в переплете седых ветвей, углубляя тишину, тихо шипел лиловый дуговой фонарь. И снежные бабочки, прорезая светлый круг, падали в мглу легко и беззаботно.

Из-за угла кургузого памятничка Пушкину выкатил странный караван. Расхлябанные сани, по гладкому снегу, круто повернули вдоль бульвара. За ними, нахлестывая похожих на беременных крыс серых клячонок, веселый извозчик направил в крепкую колею широкозадый, обитый ковровой рванью рыдван... А сбоку, легко обгоняя грузных попугачиков, чертом выбрасывая резвые ноги, прозвенел бубенцами под синей раскидистой сеткой пегий конек. Вскинулись на ухабе высокие легкие саночки. Мефистофель-седок, сбросив с одного плеча барашковое пальто, лихо чмокнул, маркиза в трехъярусном пышном парике, сверкнув под фонарем атласною маской, испуганно вцепилась в полость...

За ними раскатился дробный галоп подогретых кнутом лошадемок, визгливый плеск захлебнувшегося колокольчика, хохот и нестройные

клики... Все дальше и дальше. И когда все уже смолкло — далекий призывный крик:

— Эй, черти, поехали!

Мефистофель, круто натянув вожжи, сбил резвую рысь на шаг, завернул оглобли и подъехал к крытому освещенному крыльцу, на котором уже топотала и отряхивала снег вся пестрая компания.

Одноэтажный, но просторный, с высокими окнами розоватый дом весь светился изнутри, словно пестрый фонарик. Ставни — настезь, за тюлевыми занавесками переливалась оранжевыми глазами высокая ёлка. Гурьбой ввалились в переднюю. Сбросили на лари так резко не подходившее к пестрым нарядам обыденное верхнее платье, зашущукались перед зеркалом, оправили друг на друге складки, плотней подтянули маски. А вокруг них закопошилось все население дома: добродушные хозяева, гости, няня в ковровом платке — любопытная приземистая старушка, и наследница Настя, восьмилетняя девочка-лисица, как ртуть, вертевшаяся под ногами, подпрыгивая и заглядывая сбоку под маски.

— Покорнейше прошу, господа, ёлку только что зажгли. Ишь, морозцем-то как от вас пахнет...

Радушный кругленький хозяин калачиком согнул руку и распахнул настезь дверь в зальце: «Прошу... Господин Мефистофель, будьте любезны, поближе к печке. Вам ведь адская температура полезна. Ась?..»

А Настенька, прыгая жеребенком около матери, улыбающейся тихой дамы в лиловом, пищала ей на ухо:

— Мамуля! Да ты слышишь?.. Всех узнала, положительно всех. Кроме маркизы, мамуля. Ладно, ладно, уж она у меня не отвергнется...

Долго ли узнать? Все узнали, даже няня, шаркая с костылем вдоль зальца, опознала маску за маской. Мефистофель, тьфу, черт красный, да и черт-то неправославный, — это городского головы сынок, Савва. Лоботряс, в драгунском Чугуевском полку вольноопределяющимся служит, на побывку приехал; ишь, ноги-то, как у кормилицы. Мордовка, по голосу слышно, кто такая, — студентка медицинская, хозяйская родственница. И по костюму сразу узнаешь: из Башкирии с кумыса вывезла — шитье коричневое да черное, «занавеска» — передник ракушками и екатерининскими рублями выложена... Китаец в ватной кофте — сын хозяйского приятеля, чаоторговца Брагина, конечно же. С оконной выставки с китайского идола кофту снял, всему городу она известна. Так всех перебрала няня, каждого вслух назвала и успокоилась. А кого не узнала — Настенька подсказала.

Вот только эта тоненькая. Кто такая, неизвестно. Маркизой ее кличут. Имя чудное. Польское, что ли?

— Не имя, няня! Дамы такие были знатные во Франции, при королях, — объяснила Настенька.

— Дамы? Что ж это у нее на голове наворочено? Другие седой волос чуть появится, прочь вырывают, а эта — подбородок нежный, шейка молодая, — ишь на себя седую копну накрутила. Почему так? И юбка пузырем, — хоть в кошки-мышки под ней играй... Маркиза... Молочница французская, что ли?

— Почему же, Агафьюшка, молочница? Она — настоящая дама... — улыбаясь, сказал кругленький хозяин. — Как ваше имя, сударыня, ась?

Маркиза расплылась в широком реверансе, расправила вокруг маски черное кружево и застенчиво закрылась веером.

— Не понимает по-русски. Варюша, спроси-ка ее, ты же в Женеве французский курс прошла.

Медичка Варюша категорически отказалась. И резон выставила основательный:

— И спрашивать не буду. Она у нас, Павел Иванович, глухонемая. Вам же лучше, меньше писку в доме...

— Неправда, неправда! — зашумела Настенька. — Глухонемая?! А я сама слышала, как она в передней чихнула. Если в самом деле не может говорить, пусть на бумаге свое имя напишет.

Гости столпились вокруг молчаливой маркизы, улыбались и гадали: кто такая, в самом деле? Стройна, высока, изящна... На кого-то ужасно похожа... Управляющего акцизами дочка? Но у той на правой руке — родимые пятна вроде Большой Медведицы. Не она. Начальника Мариинской гимназии племянница? Рост подходящий, и грация, и застенчивые манеры... Нет, нет. Ту с ряжеными не отпустят. И в плечах та чуть-чуть пышнее.

Мефистофель, хлопнувший уже мимоходом в столовой сухарной водки, рябиновой и английской горькой, прожевывая мятный пряник, подошел вразвалку к своей даме и выручил ее.

— Господа, нехорошо, непорядок. По маскарадным законам, если дама желает сохранить инкогнито, настаивать нельзя. Мадам, вашу руку!

Он вывел склонившую лебедем шею маркизу из расступившегося круга и, подражая движениям конькобежца, заскользил с ней рука в руку по паркету.

Свечи на ёлке, треща, догорали. Внизу под серебряным картонажным слоном вспыхнула хвоя. Член управы в прическе ёжиком, отодвигая туго застегнутый на чреве сюртук, чтоб воском не закапать, потушил пальцами золотистый огонек и наперебой с детьми стал гасить свечи. Верхнюю, склонившуюся у самой звезды набекрень, никто потушить не мог. И вдруг маркиза легким движением носков отделилась от паркета, подпрыгнула, словно одуванчик на ветру, и дунула: свечка погасла.

— Bravo! Удивительно изящна... Да кто же она такая?

Но гадать было некогда. Ёлку за колючие зеленые волосья оттянули в угол. Лиловая хозяйка села к роялю. В теплом, насыщенном хвоей и воском воздухе зазвенел, засеребрился модный вальс «На волнах». Завертелись легкие пары. Кругленький хозяин, преодолевая одышку, закружил маркизу, смотрел вверх сквозь очки на овальное гладкое плечико и думал:

— Какая, однако, легкость... Надо будет чертового Мифистофеля и Варю после вальса наликерить. Пусть скажут, что за маркиза такая в Житомире объявилась... Ручка-то, ручка-то какая...

В дверях показался широкоплечий, коренастый человек в чистеньком, свежем вицмундире. Почистил рукав, запачканный карточным мелом, сдул пушинку с бархатного, цвета темного мха воротника, медленно разгладил черные, глянцевиные бакенбарды.. Посторонний че-

ловек, осмотревши плотную фигуру, зоркие маленькие глаза, крепкие щеки, пушистые баки и прислушавшись к твердым нотам его баска, непременно бы решил: капитан дальнего плавания. Но какие в Житомире капитаны? Откуда им взяться? Не плоскодонной же лодкой на Тетеве управлять...

Господин, притоптывавший в дверях ногами, затекшими после двухчасового преферанса, был всего-навсего Спиридон Ильич Баранов, учитель физики в местной женской и мужской гимназиях, прозванный за напористость и непреклонность в ведении занятий «рычагом первой степени».

Окинул глазами танцующих и спросил няню, проходившую мимо по ревизии в столовую:

— Это ж кто, Агафья Ивановна?

— Маркиза... И имени такого в святцах нет. Что смотришь? Без тебя, батюшка, гадали, да никому невдомек... Из Киева, что ли, акушерка, полицмейстерова свояченица. На святки приехала. Вру, батюшка, вру. Ишь, какой голубь молоденький, где ж ей в повивальных бабках-то быть...

Проковыляла нянюшка, звеня ключами, дальше. Спиридон Ильич усмехнулся. Скажет тоже... Полицмейстерскую свояченицу он в соборе видал, одного балыка в ней пуда два наберется... А эта... цветок полевой, мышинный горошек (кое-что он в ботанике смыслил).

Вообще, он был в преотличном настроении. Выиграл рубль семьдесят пять копеек, — целый месяц папиросы ни гроша не будут стоить, — выпил в столовой с брандмайором рюмок пять золотистой польской старки (57 градусов), закусил рыжиками, душа и взыграла. Та самая душа, которая в классах была застегнута на все пуговицы и растегивалась в самых редких, не доступных глазам учебного поколения случаях.

— Павел Иванович, — остановил он за рукав захопотавшегося хозяина, — представьте меня, пожалуйста, вон той очаровательной иноземной даме... Что за шарада такая, не знаете?

— Майская ночь, или Утопленница. Клынуло? Старые холостяки-физики, стало быть, тоже, как и прочие грешники, подвержены? Что-с? Пойдем, пойдем! Господь ее знает, что за сюжет. Сидит, как жемчуг в раковине, а раковины никто открыть не может... Ась?

Маркиза страшно смутилась. Раскрыла павлиньим хвостом веер, чело долу, ушки румяной краской налились — и ни слова. Ни полслова. Застыла и дрожащие пальчики к сердцу прижала. Мефистофеля и след простыл... Откуда он, этот ужасный физик, взялся?

А физик тоже хвост павлиньим веером распустил.

— Как ваше имя? Не могу же я, сударыня, называть вас, например, «лейденской банкой»... У всякого предмета должно быть свое имя. И уж, наверно, у такого исключительного предмета и имя исключительное. Стелла? Фелиция? Олимпиада?.. Почему же вы молчите, как последняя ученица какая-нибудь? Я, знаете, упорный. Танцевать с вами буду, за ужином рядом сяду, домой сам отвезу... Никакого снисхождения.

Маркиза вздрогнула.

— Непременно отвезу. Во-первых, вы очаровательны, как...

— Как Медуза Горгона, — подсказала присевшая рядом медичка Варенька.

Физик недовольно обернулся. Маркиза умоляюще протянула к Вареньке руки, и добрая медичка решила, что надо как-нибудь физика отвлечь.

— Спиридон Ильич, можно вас на минутку в столовую... Там у нас насчет расширения тел шарада. Помогите, пожалуйста.

— Благодарю вас покорно. У меня тут своя шарада. Почистице вашей.

Варенька пожала плечами и отошла. Грубиян какой стоеросовый!..

А физик — опять за свое. Веер у маркизы нежно, но настойчиво отобрал, бакенбарды обе в одну руку сгреб — признак большого волнения — и журчит, воркует... ухаживает.

Хозяйка дома мимо прошла, удивленно улыбнулась, гости переглядываться стали — ого!

Восьмилетняя Настенька к няне подскочила и громко ей на ухо сказала:

— Спиридон Ильич за маркизу замуж выйдет... Вот увидишь!

И опять зазвенел-заструился вальс. Маркиза, бедняжка, облегченно вздохнула: авось кто-либо из своих выручит, закружит в легком танце и уведет от этого верта. Но физик, — кто бы мог подумать! — встал, склонил под прямым углом корпус и щелкнул каблуками:

— Пожалуйте.

Неуклюже покружил, — много лет не танцевал, да и польская старка, признаться, мешала, — подвел смущенную красавицу к креслу, низко поклонился и... ручку при всех поцеловал.

Позвали ужинать. Физик, как статуя командора, грузно стоял у кресла. Было ясно, что места своего за столом рядом с маркизой он самому попечителю учебного округа не уступит. Впрочем, попечитель был в Киеве, и на этот счет можно было не беспокоиться.

Маркиза, поставив ножку на край кресла, сосредоточенно и неторопливо завязывала развязавшийся на желтой атласной туфельке бант.

И вдруг Настенька, словно гонимая за бабочкой, пробежала раз-другой мимо, скользнула за высокую спинку кресла и молниеносно сорвала с маркизы маску...

Маркиза выпрямилась и закрыла лицо руками.

Но было поздно. Спиридон Ильич рявкнул на весь зал, так что в столовой было слышно:

— Пафнутьев?! Это что за история?! Почему вы здесь, в таком... неподобающем виде? Так это вы так к больной тетке отпросились?.. Сию же минуту марш домой! Разговаривать с вами я буду завтра. Будете довольны, бу-де-те, друг мой, довольны...

Несчастливая маркиза, — ученик-шестиклассник, живший у физика на квартире, — беспомощно кусала губы, не подымая глаз.

Вокруг фыркали гости, ахала нянюшка, прыгала и заливалась колокольчиком Настенька — «мальчик-маркиза, мужчина в кринолине»!

Быстрыми шажками подошел на выручку добряк-хозяин.

— Бросьте, Спиридон Ильич! Пошутил юноша, развлекся. Разве он знал, что он вас здесь встретит и что вы, хе-хе, ручку у него будете целовать?.. Простите его, дорогой мой. Да он, золото вы мое, мой гость. Я в обиде буду-с, если вы его домой погоните, ей-богу... Ась?

Заступились и гости. И хозяйка дома, — уж ей-то не откажешь. И нянюшка протолкалась: «Да не срами ты его, батюшка. Смотри, совсем со стыда он сгорел, и так ему, чай, в юбке-то этой колокольной совестно...»

А Настенька физика даже в бакенбарды чмокнула.

— Простите его! Не то я сейчас в детскую уйду и до утра плакать буду. Ведь я же с него маску сдернула. Почему я знала, что под маской мужчина... Вы хотите, чтобы меня совесть замучила? Да?

И оглушенный физик махнул рукой и сдался. Экая досада! Каждый день с ним обедает, чай-кофе пьет, а вот не узнал...

— Пафнутьев, на два слова. Надеюсь, что все это останется между нами? Честное слово?

— Честное слово, Спиридон Ильич.

Какое там слово, когда сорок человек видели, завтра по всему Житомиру расплывется...

А нянюшка и опомниться не могла. Посмотрела в спину направляющейся в столовую маркизы и вздохнула:

— Где же глаза мои были? Ведь она, маркиза-то, под лестницу бегала, папироски из-под парика доставала... Как же я не признала-то...

Дамы тоже переменили о маркизе мнение. Пока она была в маске, они ее из зависти «дылдой в кринолине» прозвали. А посмотрели на смущенного сероглазого юнца и заулыбались: «Какой славный!»

Страшный сон

Господин Бубнов, один из кротких и симпатичных устроителей «Парижского бала прессы» 13-го января, вернулся на рассвете домой с первым метро. Воротник у него размяк, усы, щеки и уши обвисли, но зато душа расцвела, как подсолнечник. Слава Богу, все было кончено: желтая больная лихорадка прошла, и опять можно было дышать, завтракать и браниться с домашними в нормальном темпе.

Не раздеваясь, если не считать сброшенного на пол левого башмака, — бросился он на кровать, прикрыл голову «Последними новостями» и блаженно закрыл глаза.

И вдруг... те-ле-фон! С отвращением высунул он нос наружу и схватил лежавшую на ночном столике трубку.

— Алло? В чем дело? Меня нет дома...

— Иван Кузьмич? Здравствуйте, здравствуйте! Сколько для бала чайной колбасы надо?

— Для какого, к черту, бала?

— Для бала прессы... Странный вопрос!

— Что?! Да ведь я только что с бала прессы вернулся.

Голос в телефоне изумленно фыркнул:

— Здорово! Вам бы, Иван Кузьмич, голову под кран сунуть надо. Ведь бал прессы с е г о д н я...

Бубнов вскочил. Посмотрел на календарь — т р и н а д ц а т о е... О Господи! Схватил записную книжку, перелистал.

«Срочно добыть двух первоклассных девиц для продажи цветов — и одну обыкновенную в резерв».

«Съездить в типографию за программой и намылить корректору голову за опечатки».

«Кнопки и клей для лотереи».

«Уломать певицу К., чтобы она отложила свой грипп на сутки и пела».

«Кто взял на себя сахар?»

«Попросить конференсье, чтоб он попросил публику, чтобы во время чтения разговаривали не все сразу...»

«Кто взял на себя кильки?»

«Написать экспромт и не забыть постричься».

«Оставить для господина (фамилию по телефону не разобрал) столик. Чтоб он сгорел!»

«Кто взял на себя пирожки?»

«Перетасовать певиц в обратном порядке».

«Пригласить в кабаре д. Аннунцио... Путевые расходы — за его счет».

«Кто взял на себя котлеты?»

Бубнов провел ладонью по глазам и отвернулся к стене... Пульс — 140, давление — 38...

Под дверь в парадной зашуршала почта.

«Коллега С. читать на балу не может: ячмень под мышкой. Желает усидеть пеха и прочее».

«Господин К. жертвует для лотереи детскую ванну и просит приехать за ней в Версаль. Свидетельствует свое почтение. Сейте разумное, доброе, вечное — и тому подобное...»

Чтоб он сдох!

«Скрипач Б., принципиально возмущенный тем, что заметку о его выступлении набрали петитом — отказывается выступать...»

Бубнов широко раскрыл рот, заплакал... и не стал читать дальше. Быстро подошел к аптечному шкафчику, схватил склянку с нашатырным спиртом, залпом выпил... и, как всегда полагается в таких случаях, — проснулся. В окне серело кислое утро.

Дрожащей левой ногой нащупал Бубнов туфлю и поплелся к консержке.

— Простите, мадам... Какое сегодня число?

— 14-е, сударь. Да вы не волнуйтесь, — платить за квартиру ведь только завтра...

«Квартира, — подумал Бубнов, весь просияв, как натертая мелом медная пуговица. — Нашла тоже предмет для огорчения... А вот заставить бы тебя, матушка, повозиться с балом для прессы, — посмотрел бы я тогда на тебя, ячмень тебе под мышку!»

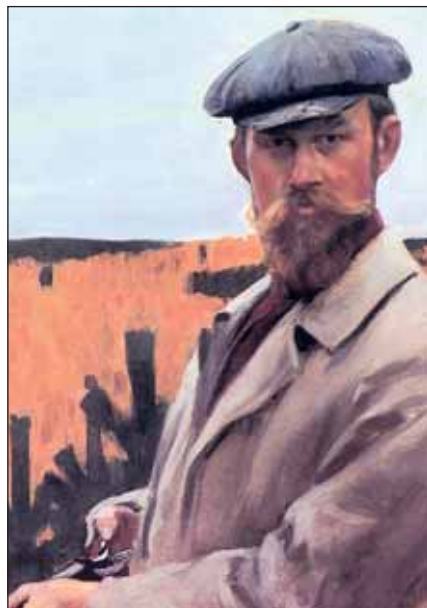
Публикация Станислава Никоненко.

Иллюстрация Льва Рябинина

Ирина Опимах

Поразительна история портрета Шаляпина — это пример невероятного мужества и преданности искусству.

Великий певец и великий художник

Кто только не писал Федора Ивановича Шаляпина! И Репин, и Серов, и Коровин — всех привлекал этот замечательный человек и знаменитый бас. Создавались прекрасные портреты, среди которых «Портрет Шаляпина» Кустодиева, выдающегося русского художни-

ка, портретиста, мастера книжной графики, гравера и скульптора, сумевшего в своих работах выразить широту русской души, веселое буйство народных праздников, неброскую красоту русской природы и очарование невозвратно ушедшего времени, занимает особое место.

Шел 1920 год, Федор Шаляпин решил поставить — сам! — на сцене петербургского Мариинского оперного театра оперу Серова (кстати, отца известного художника) «Вражья сила». Либретто оперы было написано на основе пьесы Островского «Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит». Пьеса рассказывала о жизни русского купечества. И когда стали думать, кто будет оформлять спектакль, тут же решили — только Кустодиев. Ну, кто лучше Кустодиева чувствует купеческую Русь, ее характеры и нравы? Ведь, как вспоминал Шаляпин в книге «Душа и маска», «всем была известна его удивительно яркая Россия, звенящая бубенцами и масляной. Его балаганы, его купцы Суловы, его купчихи Пискулины, его сдобные красавицы, его ухари и молодцы — вообще, все его типические русские фигуры... сообщают зрителю необыкновенное чувство радости. Только невероятная любовь к России могла одарить художника такой веселой меткостью рисунка и такой аппетитной сочностью краски». И певец отправился к художнику. «Жалко было смотреть на обездоленность человечью (ноги Кустодиева были парализованы), а вот ему как будто она была не заметна: лет сорока, русский, бледный, он поразил меня своей бодростью...», — рассказывал Шаляпин.

Художник с радостью согласился, и работа началась. Шаляпин приезжал к Кустодиеву каждый день, рассматривал эскизы декораций и костюмов и, как правило, удивлялся — как это Борис Михайлович мог так точно почувствовать его замысел! Они, эти двое, талантливые, сильные люди, подружились. С удовольствием вспо-

минали юность, родные места — ведь оба родились на Волге. Шаляпин рассказывал художнику о своем детстве, о том, как впервые приехал в Астрахань, родной город Бориса Михайловича, о том, как пел по воскресеньям в церковном хоре, как первый раз оказался на сцене настоящей оперы. А Борис Михайлович вспоминал собственную жизнь — жизнь, наполненную страданием и служением искусству.

Борису Кустодиеву пришлось пройти страшные испытания — тяжелая болезнь настигла его совсем молодым, мучительные боли сопровождали почти всю жизнь. Однако, несмотря ни на что, он умел на своих полотнах создавать яркий радостный мир, где жили красивые добрые люди, где ярко синело небо, светило солнце, искрился ослепительно белый снег, звучала веселая народная песня. Всем своим творчеством Кустодиев утверждал — жизнь прекрасна!

Борис Кустодиев родился в 1878 году в Астрахани. Его отец Михаил Лукич преподавал русский язык и литературу в астраханской женской гимназии и духовной семинарии. Когда будущему художнику не было и двух лет, отец умер, и все заботы о семье — у Кустодиевых росло четверо детей — легли на плечи матери, Екатерины Прохоровны. Жили они трудно, в маленьком флигельке во дворе большой купеческой усадьбы. «Весь уклад богатой и изобильной купеческой жизни был как на ладони... Живые типы Островского», — вспоминал спустя годы Кустодиев.

На учебу детей денег у матери не было, но Борису повезло, он учился за казенный счет — как сына умершего преподавателя его приняли в духовное училище, а потом

Русская Венера.

в семинарию. Жизнь в провинциальной Астрахани была скучной, порой тоскливой, однообразной. Дни тянулись один за другим, ни-

чем не отличаясь. Но вот наступали праздники, и все вокруг оживало. Женщины надевали яркие сарафаны, накидывали на плечи

цветастые платки и выходили на улицы. Открывались ярмарки, и чего тут только не было — ткани, посуда, подносы, сапоги, игрушки, картинки-лубок, поделки из дерева и глины, кони... «Купите, и вы не пожалеете!» — звонко зазывали купцы в атласных рубахах. Звуки балалайки, веселые песни, хороводы... Эти картинки народной жизни навсегда врезались в память будущего художника, чтобы потом выплеснуться на его полотна...

В 1887 году в Астрахани состоялась выставка передвижников, и Борис впервые увидел картины настоящих художников. Полотна Репина, Сурикова, Поленова и других живописцев заворожили мальчика. Он тоже будет художником, он тоже будет творить на холсте такую удивительную красоту!

С тех пор вся его жизнь была подчинена искусству.

Первым учителем Кустодиева стал Павел Власов, единственный тогда в Астрахани профессиональный художник. Он с удовольствием занимался со способным мальчиком, а того просто невозможно было оторвать от карандашей и красок...

В 1896 году двадцатилетний Кустодиев решительно порывает с семинарией и духовной карьерой. У него один путь — он едет в Петербург, поступать в Академию художеств. Сдав приемный экзамен самому Репину, он становится студентом Академии, а через два года поступает в его класс. Провинциальный юноша оказывается в самом центре бурной артистической жизни столицы, где рождаются новые направления, новые идеи, где открываются новые журналы, театры, на выставках показывают полотна молодых русских и европейских художников. Вдохнов-

ленный этим мощным художественным потоком, Кустодиев создает масштабные исторические картины, осваивает книжную графику, пишет портреты, причем последние ему так удаются, что Репин даже приглашает его поработать над ответственным правительственным заказом — огромным полотном «Торжественное заседание Государственной ду-

В 1896 году двадцатилетний Кустодиев решительно порывает с семинарией и духовной карьерой. У него один путь — он едет в Петербург, поступать в Академию художеств.

мы». Из сотни портретов главных сановников страны двадцать написаны кистью Кустодиева. Работая бок о бок с Репиным, Борис многому научился.

Осенью 1900 года Кустодиев вместе с двумя приятелями уезжает в Костромскую губернию — делать эскизы к дипломной работе. Услышав, что в ближайшей деревне, в Высокове, в имении старых дворянок сестер Грек живут две очаровательные воспитанницы, молодые люди, набравшись смелости, решают нанести пожилым дамам визит. Одну из воспитанниц звали Юлией Евстафьевной Прошинской. Эта милая и весьма разумная девушка очень понравилась Кустодиеву. После долгих прогулок, музицирования, взволнованных бесед он понял, что влюблен. Юлия, как и Кустодиев, обожала искусство, театр. Потом они встречались и в Петербурге, где девушка работала машинисткой, ходили вместе на выставки, концерты. 8 января 1903 года они стали мужем и женой. Этим двум замечательным, красивым людям предстояло пройти множе-

ство испытаний, которые они с честью выдержали. Юлия Евстафьевна понимала, что ее муж — настоящий, большой художник, и посвятила всю свою жизнь служению ему и детям.

1903-й, год их свадьбы, оказался для Кустодиева очень важным: в том году родился его первый ребенок, и состоялась первая поездка за рубеж. Вместе с женой и маленьким Кириллом Кустодиев отправляется (на деньги, выделенные Академией) сначала во

уголке Костромской губернии, он покидает столицу. Здесь, в своем новом обиталище, которое он назвал «Терем», он пишет то, что видит вокруг — яркие картинки деревенского бытия, выразительные народные типы, соединяя в своих работах реалистический портрет с наивностью лубка. Художник увлеченно трудится, вырабатывая свой стиль, ищет свою индивидуальность. И его Юля — всегда рядом с ним — и когда ему хорошо, и когда плохо. А вот плохо ему бывает все чаще — мучают боли в плече и руки. Врачи долго не могли поставить диагноз, лечили вслепую, пробуя наугад разные средства. В 1911 году его отправили на лечение в Швейцарию, однако и тамошние доктора облегчения не принесли. В 1913 году Кустодиева прооперировал известный немецкий хирург, пообещавший, что после повторной операции — через год — боли исчезнут. Однако началась Первая мировая война, и поездка в Германию стала невозможной. Но боли становились невыносимыми, поэтому было решено оперировать в Петербурге. Во время операции обнаружили опухоль в спинном мозге. Ее обязательно следовало удалить. Правда, операция грозила параличом ног или рук, но другого выхода не было. Приходилось выбирать. Кустодиев находился под наркозом, и хирург спросил Юлию Евстафьевну, что важнее для пациента — сохранить руки или ноги? Конечно же, руки, не задумываясь ответила жена художника — она понимала, что без искусства, без возможности рисовать ее муж, даже ходячий, просто умрет. Она хорошо знала, что если бы такой вопрос задали бы ему самому, его ответ был таким же.

Францию, а затем в Испанию. В Париже он написал поэтичное, нежное, насыщенное любовью полотно «Утро» — жена купает маленького сына. Друзья Кустодиевых, наблюдая их семейную идиллию, преподнесли им в шутку пародию на «Утро» — в ванночке уже сидит не один малыш, а двенадцать, и мать в ужасе всплескивает руками. В доме Кустодиевых царил атмосфера любви и преданности. «Ведь такое счастье, что ты любишь меня, у нас есть, на что жить, мы здоровы...я даже боюсь...» — писала мужу Юлия.

Кустодиеву полагалось пробыть за границей год, но он продержался только пять месяцев — его неудержимо тянуло на Родину. Вернувшись, он и в Петербурге чувствовал себя неуютно. Вскоре, построив небольшой дом в глухом

После операции врачи запретили Кустодиеву работать, и жена, его бессменная сиделка, видя, как угасает Кустодиев без работы, принесла ему альбом и карандаши. Кустодиев стал рисовать — он писал праздник, своих любимых героев, «Масленицу», и за работой забывал обо всем.

После операции врачи запретили Кустодиеву работать, и жена, его бессменная сиделка, видя, как угасает Кустодиев без работы, принесла ему альбом и карандаши. Кустодиев стал рисовать — он писал праздник, своих любимых героев, «Масленицу», и за работой забывал обо всем. Даже о том, что уже никогда не встанет на ноги и обречен до конца жизни передвигаться лишь в инвалидной коляске. Но руки его жили, и жизнь художника продолжалась!

А между тем в стране происходили невероятные изменения. Как и многие, Кустодиев поначалу с радостью встретил революцию. Несмотря на тяжкие боли, он работал вдохновенно, с огромным воодушевлением — писал карти-

ны, делал гравюры, литографии, занимался сценографией, иллюстрировал книги. На его картинах — очаровательные купчихи, эти знаменитые любительницы чая, лихие извозчики, шальная Масленица, веселая ярмарка. Тут же и герои прошлых лет — Степан Разин, и герои нового времени — например, Большевик с одноименной картины, очень странной, очень неоднозначной. Казалось бы, художник воспекает революцию. Но изображенный им огромный человек, этот Большевик с бездумными выпученными глазами, безжалостно шагает по головам простых людей, по их жизням, судьбам, которые для него, похоже, совсем не важны. В руках у него — красное знамя, впереди —

Масленица.

Натюрморт
с фазанами.

храм, который он, видно, сейчас будет крушить. Довольно сомнительное прославление Октября.

Все, что делал Кустодиев, было ярко, свежо и интересно. Разве можно поверить, что создатель этих мощных образов — тяжело больной человек, инвалид, передвигающийся в кресле-каталке? Кстати, к креслу этому был приделан небольшой столик, на котором,

как вспоминал писатель Замятин, всегда «лежала какая-нибудь работа». Друзья сконструировали для Кустодиева и специальный навесной мольберт, на котором картину можно было передвигать — так художнику становились доступными разные части полотна.

Работа над декорациями для «Вражьей силы» продвигалась успешно. Однажды Шаляпин при-

шел к Борису Михайловичу в роскошной шубе.

— Пожалуйста, попозируйте мне в этой шубе, — попросил художник. — Шуба у вас больно богатая. Приятно ее писать.

— А ловко ли? Шуба-то хорошая, да, возможно, краденая, — заметил Шаляпин.

— Как это краденая? Шутите, Федор Иванович!

— Да так. Недели три назад получил ее за концерт от какого-то государственного учреждения. А вы ведь знаете лозунг: «Грабь награбленное».

Кустодиев решил, что это просто замечательно — на его картине певец будет запечатлен в шубе столь сомнительного происхождения. «И актер, и певец, а шубу свистнул», — шутил он.

Так, отдыхая от работы над декорациями к опере, разговаривая с Шаляпиным, Кустодиев делал небольшие рисунки — заготовки для большого портрета. Позировать специально Шаляпин отказывался — все время было подчинено работе над спектаклем. Кустодиев хотел видеть, как идут репетиции, и Шаляпин иногда посылал за ним машину. «С помощью сына или знакомых мы выносили Кустодиева с его креслом, усаживали в моторе и затем так же относили в театр. Он с огромным интересом наблюдал за ходом репетиций».

Премьера «Вражьей силы» состоялась 7 ноября 1920 года и прошла блестяще. Певцу устроили оваацию, а потом бурно аплодировали художнику — его искусству и его мужеству.

«Домой отец вернулся возбужденный, говорил, что Шаляпин — гений, и что для истории необходимо написать его портрет», — вспоминал сын художника Кирилл.

Кустодиев и Шаляпин договорились, что певец будет изображен стоящим на снежном пригорке, в полураспахнутой шубе — той самой, с сомнительной репутацией — на фоне праздничных масляничных гуляний в каком-нибудь провинциальном патриархальном городке, куда он приехал на гастроли. Поначалу так и думали, что картина будет называться «Новый город», и на ней обязательно должна была присутствовать тумба с афишей, извещающей публику о приезде столичной знаменитости. А еще Шаляпин захотел, чтобы на полотно попали и две его дочери, Марфа и Марина, а также его секретарь и друг И. Дворищин. Ну, и, конечно, любимый пес Федора Ивановича.

Кустодиеву эта работа давалась особенно трудно. Во-первых, оказалось непросто заставить позировать шаляпинского бульдога: для этого на шкаф сажали кошку, и только тогда пес принимал нужную для картины позу — поднимал морду, следя за ней. Во-вторых, художник задумал написать певца в полный рост, то есть высота картины должна была быть не менее двух метров. Встать с кресла художник не мог, а потому работал, установив холст в наклонном положении, и подготовительные рисунки пришлось переносить на картину по клеткам. На потолке комнаты подвесили блок, через который перекинули веревку, укрепленную на холсте, — так Кустодиев сам, без помощи близких, наклонял холст, как ему было нужно в тот или иной момент работы.

Огромный Шаляпин, с трудом помещавшийся в мастерской. Огромный холст, который писался по частям — все целиком художник увидеть не мог и работал на-

угад, ощупью. Так, ценой невероятных усилий, рождалось это удивительно радостное, наполненное солнечным светом полотно.

На картине — а это не просто портрет, это, конечно же, настоящая многофигурная композиция — праздничное веселье. Масленица. А что может быть на Руси веселее широкой Масленицы? Здесь и ярмарка с разноцветными балаганами, и катание на санях, и

Шаляпин был в восторге от портрета. Он купил его, как купил и эскизы к «Вражьей силе». (В Русском музее хранится авторская копия портрета, сделанная в 1922 году.) Уезжая в 1922 году за границу (как он полагал, не в эмиграцию, а на длительные гастроли и лечение), певец увез эти сокровища с собой. Вернуться в Россию ему было уже не суждено...

А Кустодиев продолжал сражаться за жизнь. В 1923 году его снова прооперировали — это была уже третья операция. Как и две предыдущие, большого облегчения она не принесла. Придя в себя после больницы, Кустодиев вновь искал избавления от болей уже испытанным методом — работой, работой из последних сил, до изнеможения. Последней картиной художника стала поразительная по какой-то невероятной радости бытия «Русская Венера». Кустодиевская Венера совсем не та, что у его западноевропейских коллег. «Она не будет лежать обнаженной на бархате, как у Гойи, или на лоне природы, как у Джорджоне, — говорил Борис Михайлович позировавшей ему для этой картины дочери Ирине. — Я помещу свою Венеру в баню. Тут обнаженность русской женщины естественна». Он очень увлекся работой и, казалось, даже забывал о непрекращающихся болях. Два года он писал эту картину и, заканчивая, справедливо отметил: «Неплохая вещь».

В 1927 году болезнь обострилась, и Кустодиев обратился в Наркомпрос с просьбой разрешить уехать в Германию на лечение. Правительством предоставило ему сумму в 1000 долларов, и началось оформление заграничного паспорта. Однако художнику всем этим воспользоваться было не суждено —

Глядя на картину, мы словно слышим удалые русские песни, голос самого певца — мощный, раскатистый бас великого Шаляпина заполняет все пространство. А еще — яркие краски праздника, причудливые узоры инея, ширь русской жизни, удаль и веселье Масленицы. И всем этим правит великий Артист

карусель, и скоморохи. Мир типичной кустодиевской России в то время сохранялся лишь в провинции. В обеих столицах жизнь уже была совсем иной...

Глядя на картину, мы словно слышим удалые русские песни, голос самого певца — мощный, раскатистый бас великого Шаляпина заполняет все пространство. А еще — яркие краски праздника, причудливые узоры инея, ширь русской жизни, удаль и веселье Масленицы. И всем этим правит великий Артист. Шаляпин написан Кустодиевым с большой любовью и восхищением его талантом, но, одновременно, и с некоей иронией — художник не преминул подчеркнуть щегольство и определенное самолюбование знаменитого баса, привыкшего к поклонению публики.

26 мая он умер. Умер в сорок девять лет, достигнув творческой зрелости. Столько нереализованных замыслов, но и столько прекрасных картин, ставших украшением лучших музеев страны...

Великий русский бас Федор Шаляпин умер в 1938 году. До самой своей смерти он не расставался с кустодиевским портретом — «как драгоценнейшее достояние храню в моем парижском кабинете», — часто вспоминал Федор Иванович о замечательном художнике, с которым ему довелось дружить. Спустя годы после создания картины Шаляпин писал: «Много я знал в жизни интерес-

ных, талантливых и хороших людей. Но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в — Кустодиеве... Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной».

В 1968 году дочери певца Марфа Федоровна Хадсон-Дэвис и Мариана Федоровна Фредди преподнесли портрет Шаляпина кисти Кустодиева в дар Ленинградскому государственному театральному музею — шедевр русского искусства вернулся на Родину своего создателя и своего героя.

Коллекционер.
(Ф.Ф. Нотгафт)

Поэт и Ольга

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему...

Евгения Гордиенко

... Она вошла в редакцию «Нового мира», ежась от холода, — было начало осени, и помещение еще не успело прогреться. Торопливо пробралась к своему столу и обнаружила на нем сверток, в котором угадывались книги. Развернув газету, она чуть не вскрикнула от радости — там было пять книг Пастернака! Небывалая редкость — и стихи, и переводы, а главное, что это Он Сам принес для нее...

...Шел сорок шестой год. Год знакомства Бориса Пастернака и Ольги Ивинской, женщины, которой предстояло стать прототипом Лары из «Доктора Живаго», потерять ребенка, провести годы в тюрьме и пережить безмерное счастье от того, что она любит Великого и любима Великим...

Ей было 34, ему — 56, она — младший редактор «Нового мира», он — известнейший поэт. Она — дважды вдова и мать двоих детей, семилетней Иры и совсем еще малыша Мити, он — женат вторым браком на Зинаиде Николаевне Нейгауз, бывшей жене своего друга Генриха Нейгауза. Никто и не говорил, что им будет легко. Было тяжело, безумно тяжело, но то, что они все это пережили, — не есть ли доказательство истинности любви?..

Не сразу и не все, но окружение Пастернака приняло ее. Правда, относились к ней по-разному. Одни утверждали, что она неприятна и бесцеремонна, другие восхищались ею, но все сходилось в одном — Ольга была необычайно мягкой и женственной. Невысокая, с золотистыми волосами, огромными прозрачными гла-

зами, нежным голосом и ножкой Золушки (она носила 35 размер), Ивинская не могла не привлекать мужчин. А для Пастернака намного важнее оказалось другое — она любила его не только как поэта — таких было много, но и просто за то, что он есть.

«4 апреля 1947 года...»

Они встречались. Свидания были то долгими и наполненными разговорами, то короткими, в которых едва успевали уместиться нежный взгляд и пара слов. Но одно свидание Ивинская запомнила на всю жизнь. Борис Леонидович позвонил ей в редакцию и попросил «срочно придти» к памятнику Пушкину. Там он, не глядя ей в глаза, произнес: «Я выражу вам свою просьбу: я хочу, чтобы вы мне говорили «ты», потому что «вы» — уже ложь». Она отказывалась, он уговаривал, но до конца свидания так и не смог заставить ее произнести это «ты»...

А вечером Пастернак позвонил и сказал, что любит ее, и что в этом теперь вся его жизнь.

Ивинская никогда не была недотрогой, но Пастернаку и не нужна недотрога, главное, чтобы она не походила на его жену — Зинаиду Николаевну. Когда он впервые остался ночевать у Ольги, оба они запомнили эту дату — 4 апреля 1947 года, жена ничего не сказала ему. Позже она молчаливо приняла и его решение: отныне, заявил Борис Леонидович, он будет жить там, где ему нравится, захочет — дома, захочет — у Ольги. А Ивинской он тем же утром написал на своем сборнике: «Жизнь моя, ангел мой, я крепко люблю тебя. 4 апр. 1947 г.» Когда Ивинскую арестовали, ему пришлось вырвать эту запись, но она так возмутилась, что Пастернак повторил ее слово в слово и прибавил: «Надпись вечная и бессрочная. И только возрастающая».

*И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье...*

Параллельно с романом Ольги и Бориса Леонидовича развивался еще один роман — «Доктор Живаго». Конечно, в главных героях — Юрии Живаго и Ларе — Пастернак вывел себя и свою возлюбленную. Хотя роман задумывался еще до встречи с Ольгой, наверняка, писатель предвидел, что в его жизни произойдет нечто такое, что перевернет ее...

В пятьдесят восьмом году за «Доктора Живаго» Пастернаку была присуждена Нобелевская премия, и тут же его начали «травить» в советской печати, угрожали выгнать «в капиталистический рай». Всю антипастернаковскую пропаганду Ивинская в мемуарах позже назовет одной хлесткой фразой, взятой из газеты того времени: «Я Пастернака не читал, но...» И перечисляет, как «знатные трактористы» и «начальники цехов» признаются в собственной безграмотности, но не забывают клеймить Пастернака.

В разгар этой «кампании» Борис Леонидович пришел к ней с упаковкой намбута-

ла. «Давай покончим с собой! Я знаю — смертельная доза — одиннадцать таблеток. У меня двадцать две. Представляешь, какой поднимется крик?» Ольга не разделяла его желания уйти из жизни и сообщила секретарю ЦК Поликарпову, что Пастернак задумал самоубийство и ее склоняет к тому же. После этого давление в прессе стало ослабевать.

Единственной возможностью полностью прекратить травлю для Бориса Леонидовича могло стать покаянное письмо Хрущеву, в котором он должен сообщить, что отказывается от премии и считает выезд за пределы Родины для себя равносильным смерти. Это письмо написала Ольга и поехала к Пастернаку в Переделкино за подписью. Он подписал — ему хотелось, чтобы «все это» поскорее закончилось. Перед ним стоял жесткий выбор — или премия, или Россия. Он выбрал Россию.

Позже, когда Нобелевскую премию вручали Солженицыну, Ольга, как она вспоминает, «остро поняла нашу нестойкость, даже глупость, неумение уловить «великий миг»...» Пастернак, отказавшийся от премии, заслужил ее как никто, ведь «Доктор Живаго» по тиражам и популярности превзошел всю остальную русскую литературу того времени.

Цена любви

Осенью сорок девятого Ольгу Ивинскую арестовали. Причиной, понятной по умолчанию, была ее связь с Пастернаком — «английским шпионом». Ее все спрашивали — какие отношения у нее с Пастернаком? И получали в ответ: «Я люблю его». Больше ничего от нее не могли добиться. Она в то время была беременна, но потеряла ребенка, когда однажды после пыток очнулась и обнаружила, что находится в морге... Потом говорили, что ошиблись — не туда привезли, но какое это уже имело значение?

Пастернака тоже вызывали на Лубянку, и в один из таких визитов он потребовал выдать ему ребенка Ольги, которого, как

он считал, она родила. Борис Леонидович готов был даже вырастить его вместе с женой, пока Ольга будет в тюрьме. «Должен же и я как-то страдать, пока она страдает за меня», — говорил он.

Ребенка ему, естественно, не выдали, зато вернули пачку его писем к Ольге и книги с дарственными надписями. Он не хотел брать, говорил: «Я ей это писал, вот ей и отдайте!» Но потом все же забрал, уничтожив позже большинство автографов.

Ивинская вспоминала: «Наступил день, когда какой-то прыщавый лейтенант объявил мне заочный приговор «тройки»: пять лет общих лагерей «за близость к лицам, подозреваемым в шпионаже».

Ее отправили в Потьму, где она пробыла три с половиной года, изредка получая случайные письма от Пастернака. После она говорила, что только ожидание этих писем помогло ей выжить там, среди унижений, в сорокаградусную жару. Однажды ночью ее вызвали к начальнику и дали читать двенадцатистраничное письмо и сборник стихов — на руки нельзя было почему-то выдать. Она сидела всю ночь и читала:

*Засыплет снег дороги,
Завалит скалы крыш...
Пойду размять я ноги, —
За дверь ты стоишь...*

...А наутро опять шла на развод, и уже не так тяжело было ждать...

Когда в пятьдесят третьем Ольга вернулась, Пастернак сначала боялся к ней идти — боялся, что она слишком сильно изменилась. Но увидел ее почти прежнюю, она только похудела, но осталась той же любимой им Лелюшей...

Последняя строка

В мае шестидесятого года, когда Пастернак уже тяжело болел и понимал, что дни его сочтены, он просил не пускать Ивин-

скую к дому — не хотел ссор между ней и Зинаидой Николаевной, только писал записки своей Лелюше. А она сидела на скамейке неподалеку и тихо плакала. Но не попрощаться с ним она не могла...

«...У этой женщины были какие-то свои, совсем особые права на скончавшегося...» — последнее свидание Лары и Юрия Живаго. Как оно было похоже на прощание Поэта со своей Ольгой!

...Тем осенним днем сорок шестого года она еще не знала, что следующие четырнадцать лет своей жизни ее свеча будет гореть рядом с этим великим человеком, а пока только радостно смотрела на стопку лежащих перед ней книг...

*Ты — благо гибельного шага,
Когда жите тошней недуга,
А корень красоты — отвага,
И это тянет нас друг к другу.*

Светлана Бестужева-Лада

За окном патриарших покоев — ярко-голубое осеннее небо, золото и багрянец листвы.

А скоро, совсем уже скоро небо станет темно-серым, пожухнет облетит листва, мороз скует землю, и природа заснет до весны. Скоро и он заснет — вечным сном, уйдет туда, куда уже ушли многие и многие родные, друзья, враги. Кое-кому он сам помог отравиться в этот последний путь. Грех... Ну, да Бог милостив.

Патриарх Московский Филарет устало прикрыл глаза. Ох, грехи, грехи наши тяжкие... Мог ли он подумать в пору своей цветущей молодости, что придется пройти через такие испытания. И не только ему — всему государству. Можно сказать, прожил он не одну жизнь, а целых три. Не всякому такое удастся, нет, не всякому. Теперь можно и умереть спокойно: Россия снова стала великой державой.

Ох, и погуляла же Москва на свадьбе царя Ивана! Молодой царь решил во всем следовать примеру своего отца и устроить всероссийский конкурс невест. Всем дворянам, имевшим дочерей от 12 лет и старше, повелевалось без промедления везти их на смотрины. Однако Иван IV не стал дожидаться, чем закончится долгая процедура. Его выбор пал на Анастасию Захарьину, знакомую ему с детства: ее дядя был одним из опекунов царя. Выбрал он себе в жены писаную красавицу из знатного рода. И он, Никита, тогда еще совсем юный племянник молодой царицы, веселился от души. И без того род Романовых был в силе, а уж теперь и вовсе взойдет на великие верха — в царские родственники.

В свое время боярин Роман Юрьевич Захарьин женился на княжне Евдокии Горбатой-Шуйской из рода великого князя Андрея Суздальского. Дети от этого брака получили фамилию Романовых и по женской линии являлись прямыми потомками князя Владимира Святого. Но и потомок великого князя, и царский тесть, боярин Роман, держался достаточно скромно.

Куда более активным оказался его старший сын, Никита, родной брат царицы Анастасии. Актив-

ным, но умным. Даже сумасшедший тиран — а именно таким в последние годы своего царствования был Иван Грозный, — умирая, завещал шурину Никите, а не кому-либо еще, быть опекуном своего сына Федора, человека откровенно слабоумного. Неизвестно, как обернулась бы история государства Российского, если бы через год после Ивана Грозного не скончался бы и сам Никита Романович.

Осталось пятеро сыновей Романовых: Александр, Федор, Василий, Иван и Михаил. Все — почти по Пушкину — «красавцы молодые, великаны удалые». А лучше, умнее и красивее всех был Федор Никитович.

Веселый и приветливый, Федор слыл на Москве первым щеголем. А уж собой до чего хорош был — молодки да девицы лишь обмирали, когда видели гарцующего по улочкам Москвы боярина Федора. Обмирали, любовались да перешептывались: кто станет избранницей этого красавца? Не иначе, королевишна какая заморская...

Почему заморская? Да потому, что смолоду тяготел боярин Федор к иностранным языкам. Знал латынь и — невероятная редкость для того времени! — владел английским. Любил читать книги, иной раз сутками напролет сидел над ними, про еду да про сон забывая. На ком же такому жениться, чтобы ровней была?

Наконец, Федор Никитич заявил родным: благословите, женюсь. Отец с матерью в себя от изумления прийти не могли: избраницей сына стала дочь бедного костромского дворянина Шестова. И где только он ее высмотрел? Красавица, конечно, так мало ли на Москве красавиц? Родные уговаривали молодого боярина оду-

маться, выбрать себе другую невесту, но характер у Федора и тогда был крутенок.

— Либо Ксения, либо никто, бабюшка. Либо на милой женюсь, либо кlobуком монашеским покроюсь, бабюшка. Род наш и так знатен, с самими царями в свойстве.

Эх, знал бы тогда, что кlobука все равно не миновать, придержал бы язык. Нет, так и брякнул.

Уговорил родителей, укланял. Сыграли свадьбу, и молодые зажили счастливо. Молодая жена, что ни год, приносила детей, родила любимому мужу пятерых сыновей да дочку. Жаль только, что Господь четырех детушек рано к себе прибрал, остались только сын и дочка. Ну, да они малы, еще деточки будут, главное, чтобы любовь меж супругов не угасала...

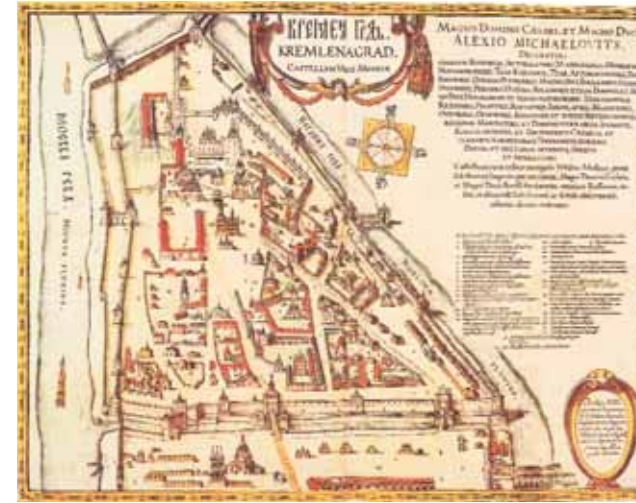
И не только в семейной жизни был боярин удачлив. Несмотря на молодость, стал главным дворовым воеводой и одним из трех главных руководителей Ближней думы. Тайны придворной интриги постигал Федор Никитич наравне с искусством высокой политики. И не думал тогда, что совсем скоро ему все эти знания не просто пригодятся, а жизнь спасут.

Уже после смерти царицы Анастасии, последовавшей в 1560 году, Романовы обвинили многих ближних к царю бояр в том, что те «счаровали» царицу. Грозный поверил навету. Полетели головы... А свято место, как известно, пусто не бывает, да и родню любимой, хоть и покойной, супруги царь всегда жаловал. Со временем, в отсутствие Грозного, управление государством формально переходило как бы в руки наследника престола, а фактически — в руки бояр Романовых.

Мучительно и загадочно скончался царь Иван Грозный, похоронив перед этим старшего сына, тоже Ивана. На престол воссел Федор — двоюродной брат Федора Никитича, последний, как оказалось, русский царь из династии Рюриковичей, женатый на сестре ничем особо не примечательного боярина Бориса Годунова — Ирине. Умом царь был недалек, телом слаб, зато супруга его всем удалась. Поговаривали, что правит страной царица Ирина, а за нею стоит ее брат... Федор Никитич такие слухи поддерживал, он-то доподлинно знал, кто в Кремле нынче главный. Он, Федор Романов.

Но власть иной раз легче взять, чем удержать. Посему сразу после смерти Ивана Грозного Федор Романов, опасаясь возможного неблагоприятного поворота событий, приказал арестовать младшего сына Грозного Дмитрия, его родственников Нагих и их приближенных. Царевича с матерью Марией Нагой сослали в Углич, выделив ему удел (якобы по предсмертному желанию Грозного). Борис Годунов ко всему этому не имел никакого отношения, но молва приписала ему и изгнание законного наследника грозного царя, и его последующую загадочную гибель. Потому-то родственники царевича Дмитрия — Нагие — в равной степени ненавидели как Годунова, так и Романовых, сославших их в глухую провинцию.

Никто не мог тогда точно сказать, кому достанется трон после смерти последнего из Рюриковичей. Наибольшими правами на престол обладал вовсе не Борис Годунов, а... Федор Никитич Романов. Так что, гибель маленького царевича для Годунова была край-

План Московского Кремля. 1600-е годы.

не опасна, а вот для Романовых означала первый шаг к столь желанному престолу.

Через семь лет после гибели Дмитрия скончался царь Федор Иоаннович, Династия, основанная Иваном Калитой, прекратилась. Хотели было короновать вдову Федора — Ирину, в девичестве Годунову, но та, будучи женщиной очень неглупой, предпочла надеть монашеский кlobук. Инокня Александра — под таким именем постриглась Ирина — тихо окончила свои дни в монастыре.

При жизни царя Федора и Романовых, и Годуновых связывала общая цель — оградить власть своего слабоумного родственника от притязаний бояр, которые не уставали плести интриги после того, как умерла единственная дочь царя Федора и царицы Ирины, и выяснилось, что детей у венценосной четы больше не будет. Но после смерти царя Федора по Москве поползли упорные слухи, что покойный царь «приказал быть по себе на престоле братаничу своему, Федору Никитичу Романову». Самого завещания никто, однако,

в глаза не видел: если оно когда-нибудь и существовало, то его вполне могли уничтожить вдовствующая царица Ирина, ее брат Борис Годунов, тогда уже почти все сильный правитель государства, или патриарх Иов, всецело обязанный последнему своим постом.

Ходила по Москве еще одна легенда, в которой, однако, куда больше вымысла, нежели правды. Якобы царица Ирина еще при жизни мужа убеждала его завещать скипетр Годунову, но царь предпочел своего близкого родственника Федора Романова, а тот вроде бы решил уступить эту честь брату Александру Никитичу, Александр же — третьему брату Ивану, Иван — Михаилу... Царь потерял терпение и сказал: «Так возьми же его, кто хочет!» Тут сквозь толпу придворных протиснулся Годунов и схватил скипетр.

Федор Никитич эту легенду знал, но лишь посмеивался: если бы ему предложили скипетр, никому и никогда он бы его не уступил, хоть бы и родному брату. Вопрос с властью решала боярская Дума, а борьба там между двумя разными партиями приобрела воистину драматический характер. Не ведал в то время Федор Никитич, что заканчивается его первая жизнь, роскошная и беспечная...

Занемог вдруг Борис Годунов, так занемог, что по столице поползли слухи о его неминуемой кончине. Вынесли носилки с царем на Красную площадь, показали народу чуть живого, да пустили слух о том, что бояре Романовы взялись известить царя воровжою да колдовством. А такие вещи в ту пору на Руси не в чести были...

Ночью 26 октября 1600 года несколько сотен стрельцов вышли ночью из Кремля с горящими фа-

келами и направились к усадьбе бояр Романовых. Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Дом, в котором жили Романовы, был взят штурмом, сторонников Романова перебили, уцелевших бросили в

Царь
Иван Грозный.

застенок. И Федора Никитича, и его многочисленных братьев и племянников подвергли жестоким пыткам, во время которых многие скончались, ни в чем не признавшись. Но «дело о воровстве» уже было не остановить.

При обыске на захваченном подворье Романовых был обнаружен мешок с какими-то ко-
решками. И хотя Романовы утверждали, что мешок сей видят впервые, и что был он им-де подброшен, Боярская дума обвинила их в попытке «испортить» царскую семью. А любое подобное обвинение вело напрямик на плаху.

Но царь Борис не решился публично казнить своих врагов. Четырех братьев Романовых: Александра, Василия, Ивана и Михаила отправили в ссылку, а Федора отвезли в отдаленный Антониев-Сийский монастырь на Двине, где насильно постригли в монахи под именем Филарета. Жену Федора Ксению тоже постригли в монахини под именем Марфы и отправили в Заонежье, детей, Михаила с сестрой, сослали на Белоозеро.

Так, в возрасте 47 лет начал Филарет свою вторую жизнь. ...Господи, воля Твоя, какими же тяжкими оказались для Федора Романова первые годы, проведенные в монастыре! И дело не в суровом уставе монашеской жизни, даже не в том, что был до этого боярин Романов «светским», мирским человеком до кончиков ногтей и таким остался. Трагедия заключалась в том, что человек в монашеском клобуке никогда уже не сможет воссесть на царский престол.

Жизнь в монастыре мало чем отличалась для старца Филарета от заточения. Однако в начале 1605 года Борис Годунов получил тревожное сообщение о том, что поведение Филарета резко изменилось.

«Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птиц ловчих да про собак, как он в мире жывал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду».

Наверное, тогда Борис Годунов упрекнул себя за малодушие: нужно было казнить всех Романовых, извести под корень весь род, как дельвал это со своими недругами царь Иван Грозный. Но было уже поздно: в октябре 1604 года во главе польских отрядов границу России перешел человек, объявивший себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием. На самом деле, был он «человеком Романовых», Григорием Отрепьевым...

Дальнейший ход событий хорошо известен. Царь Борис внезапно скончался. Войска самозванца вошли в столицу. И если действительно Романовы готовили эту растянувшуюся на годы сложнейшую интригу, то самозванец сполна оп-

латил их счета: династия Годуновых была вырезана под корень: вдова Бориса и ее сын отравлены, дочь насильственно пострижена в монахини. Лжедмитрий вернул из ссылки всех своих мнимых родственников, то есть все тех же Романовых. Филарет же был назначен ростовским епископом, а вскоре возведен в сан митрополита и отбыл в свою епархию.

Почему Филарет не остался в Москве? Видимо, трезво оценив обстановку, он понял, что удержаться на престоле Лжедмитрию будет труднее, чем завоевать Москву. Кроме того, ему едва ли могли понравиться нововведения Лжедмитрия, который объявил себя «императором», преобразовал Боярскую думу в «сенат» и приказал построить в Москве костел и иезуитский колледж... После четырехлетней ссылки Филарет вернулся словно в другую страну. И совсем не в ту, которую рисовал себе в честолюбивых мечтах.

...18 мая 1605 года в качестве ростовского митрополита Филарет принял участие в церемонии бракосочетания Лжедмитрия и Марины Мнишек, а через десять дней... свержении самозванца. Ворвавшиеся в Кремль заговорщики убили Лжедмитрия. А потом еще три дня бояре делили власть. В конце концов, трон достался Василию Шуйскому. Филарету же был обещан чин патриарха. Ох, знал он цену этим обещаниям, хорошо знал, сам сколько раз давал такие же!

И не ошибся. Новым патриархом стал казанский митрополит Гермоген. Филарет остался фактически ни с чем. Епископ ростовский — что это за должность для него, потомка царей российских? А супруга по-прежнему в отдален-

ном монастыре прозябает, да и сын с дочерью в ссылке страждут. Для того ли затевал приход поляков да коронацию своего холопа?

Между тем события развивались своим чередом. В России появился второй Лжедмитрий. Его войска громили правительственные отряды, города сдавались без боя. В июне 1608 года новый самозванец предпринял попытку штурмом взять Москву, был отбит и отошел к селу Тушино, где разбил укрепленный лагерь.

И опять «счастливые совпадения», на которые так богата биография Филарета. Лжедмитрий II щедро раздавал титулы и саны. Вот и митрополита Ростовского опять осыпали милостями и почестями, и он согласился принять сан патриарха, хотя незадолго перед этим архиепископ Тверской не пожелал покориться самозванцу и был жестоко наказан. А Филарета венец мученика, по-видимому, привлекал значительно меньше, чем шапка Мономаха.

Второй самозванец также потерпел поражение и был убит. Царь Василий Шуйский пытался крепче взять бразды правления в свои руки, но бояре уже вкусили прелесть свободной жизни. К тому же кто-то донес боярам, что Шуйский за их спиной ведет переговоры с поляками и близок к успеху. Это решило судьбу первого и последнего царя из династии Шуйских. Бывшие подданные и друзья принудили Василия постричься в монахи, несмотря на его отчаянное сопротивление. Ох, и смеялся же тогда Филарет в тиши своих покоев: а не рой другому яму, боярин, сам в ней окажешься. Бог-то правду видит.

Тогда же патриарх Гермоген, строгий к изменникам, в своих воззваниях к народу отзывался о

Филарете, что не своею волею, а по нужде тот находится в Тушине, и за это патриарх молит о нем Бога. И намолит.

Царь
Алексей
Михайлович.

Когда дела самозванца ухудшились, Филарет одним из первых предложил призвать на российский престол... польского королевича Владислава. Бояре даже опешили от такого предложения: еретика, католика — да в православные государи! Не иначе Филарет умом тронулся.

Ошиблись бояре: никогда

еще ум Филарета не был столь остер, как в те смутные дни. Предложил он Владиславу условия, на которые тот никак не мог согласиться: будущий монарх не должен был вмешиваться в церковные дела, отбирать имена у бояр, лишать великих людей чинов безвинно, а также должен был обещать никого не казнить без ведома Думы и без суда и следствия. А еще... принять православие. Немудрено, что поляки не спешили принять такое предложение.

По давней традиции, Боярская дума выделила в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. Образовалась знаменитая «семибоярщина», не первая на Руси, но и не последняя.

Хоть и велик был соблазн войти в сей круг, избрал тогда Филарет для себя иной путь: вместе с кня-

зем Василием Голицыным возглавил «Великое посольство», которое должно было, наконец, заключить договор о вступлении королевича Владислава на московский престол. С послами под Смоленск выехало около 50 человек, представлявших все палаты Земского собора.

И все же лукавил Филарет, ох, лукавил, как всегда, и вел двойную игру: предлагал престол иноверному королевичу, а сам мечтал посадить на него своего 16-летнего сына Михаила. Но о мечтах своих помалкивал, а настырным полякам твердил:

— Буде де крестится, и Владислав нам государь, а буде не крестится, и нам он не надобен.

Сам же с верными людьми писал в Москву и получал оттуда тайные же вести. А когда «семибоярщина» направила послам грамоту, предписывающую им во всем идти на уступки польской стороне, Филарет решительно отказался.

Наконец, когда в апреле 1611 года земское ополчение подошло к Москве, а Сигизмунду III донесли, что все это делается с ведома «великих послов», их арестовали и отправили в Польшу под крепким караулом. Москва торжественно встречала своих освободителей, а тот, кто помог русским выиграть время и собрать силы для решительного удара по польским захватчикам, оказался в заточении на долгие восемь лет. Филарет пробыл в польском плену до 1619 года. Однако и оттуда ему удавалось руководить делами в Москве. Известно, что Филарет вошел в историю российских спецслужб, придумав «тайнопись» — шифр, который использовался в дипломатической переписке. Это от-

крытие он применял, тайно переписываясь со своим родственником Федором Шереметевым, который после изгнания поляков из Москвы возглавил «романовскую партию». Мечта Филарета сбылась — Земский собор избрал его сына Михаила Романова «государем всея Руси».

Ох, и ошиблись же те, кто выбирал нового царя. Михаил был «зело кроток и милостив», вот и понадеялись бояре, что при таком царе будет им жить еще вольготнее, чем при царе Федоре Иоанновиче. Забыли, кто отец новоизбранного царя...

В 1618 году поляки подписали мирное соглашение с Россией. Члены «Великого посольства» были обменены на пленных поляков. 14 июня 1619 года Филарет был торжественно встречен в Москве и утвержден на патриаршем престоле. Вскоре он стал фактическим правителем страны, получив официальный титул «великого государя» (патриархов на Руси обычно именовали «великий господин»).

И началась третья жизнь боярина Романова, всю жизнь мечтавшего о высшей власти, изгнанного из царского дворца Годуновым, насильно постриженного в монахи, хлебнувшего лиха в польском плену. Новая жизнь человека, обладавшего глубоким умом, решительностью, обширными знаниями и богатым личным опытом, но в первую очередь громадным честолюбием. Именно Филарет ввел в русский язык слово «самодержавие», видимо, исходя из необходимости дать новое, как можно более точное определение своему правлению.

Шестнадцатилетнему коронованному Михаилу Федоровичу до-

сталась совершенно разоренная страна. В Новгороде сидели шведы. Поляки заняли 20 русских городов и подбирались снова к Москве. Татары без перерыва грабили южные русские земли. По стране бродили толпы нищих, шайки разбойников. В царской казне не было ни рубля.

А юный царь безвылазно сидел в Кремле. У него не было не только денег, но и регулярного войска. Поначалу большую роль в управлении страной играли мать царя и ее родственники, составлявшие большинство Боярской думы, но толку от них было немного. Исходя из интересов государства, Филарет удалил от престола жену и всех ее родственников. Умный, властный, опытный, он стал уверенно править страной. Никакие средства не казались ему при этом преступными или сомнительными.

Сил воевать с противниками у России не было, а мир стране был необходим. Со шведами договориться оказалось нетрудно. Поляки, утомленные долгой войной, пошли, наконец, на перемирие, но оставили за собой Смоленск — важнейшую русскую крепость на западной границе и другие русские города. Потеряла Россия часть своих земель, но независимость ее была упрочена.

Другая напасть: пустая государственная казна. Тут уж Филарет и вовсе ни перед чем не останавливался: обложил новыми налогами всё без исключения, резко повысил цену на соль, повелел чеканить медные монеты вместо серебряных, да еще брал деньги взаймы у монастырей и... не отдавал их.

Тихо и незаметно произошла земельная реформа, о которой мало кто знает: поземельная подать ус-

тупила место подворной. Теперь каждый крестьянский двор должен был платить в казну определенную сумму, независимо от того, какое количество земли было у него в запашке.

Московское государство, постоянно нуждаясь в деньгах, постаралось извлечь максимальную выгоду из торговли с иностранцами через Архангельск. С английскими и голландскими купцами в Россию потекла иностранная серебряная монета («ефимки»). А главное, стали приезжать, как сказали бы сейчас, «иностранные специалисты» — офицеры, уче-

ные, инженеры, врачи... Филарет не слишком-то жаловал иноземцев, но понимал, что без них России пока не обойтись.

И, наконец, церковь в России обрела такой блеск, величие и авторитет, каких у нее до того времени не было. Притихли и бояре: тонко изучивший за время польского плена способы управления «ясновельможными панами», Филарет практически применил свои знания на Родине.

Преступления против царской власти и против Церкви жестоко преследовались. Любая критика Церкви и хула на Бога карались сожжением на костре. За измену царю, оскорбление чести государя, а также бояр и воевод, виновные подвергались казни. Страна притихла, вольнодумные замашки Смутного времени быстро сошли на нет. При Филарете (а формально — при его сыне Михаиле) в России фактически сложилась абсолютная монархия — неограниченной полнотой власти в стране обладал царь и только царь.

Иной раз Филарет и сам дивился тому, сколь неисповедимы бывают пути Господни. Верный слуга Романовых, «простой крестьянин» Иван Сусанин жизнью своей пожертвовал для того, чтобы запутать поляков и не дать им обнаружить местонахождение Михаила Романова и его матери, инокини Марфы. А иначе не бывать бы династии Романовых.

Большинство бояр считало, что выбрали на царство не самого лучшего из них, но — самого удобного. Михаил Романов был слаб здоровьем, не слишком силен умом и чрезвычайно благочестив, хотя от роду имел тогда всего 16 лет. Даже его богобоязненных современников поражала глубокая набож-

Бармы и крест царя Михаила Федоровича.

ность царя. Ежедневно он отставив по 5–6 часов церковной службы, в праздники к тому же присутствовал на пышных служениях в соборах.

Был Михаил Федорович образцовым семьянином.

Женился он, как в свое время его отец, по любви на бедной девушке из захудалого рода Стрешневых — Евдокии, и в счастливом браке прижил десятерых детей. В живых, правда, к великому горю родителей, остались только пятеро — сын Алексей и четыре дочери, но все-таки Бог благословил династию Романовых наследником престола.

Горячо любил и почитал царь своих родителей, которым, отлучаясь из Москвы на очередное богомолье, регулярно писал письма. Причем отнюдь не царские, а вполне человеческие. В основном, Михаил Федорович сообщал о своих болезнях: болела вся правая сторона тела, отекали ноги, донимало сердце, мучила депрессия.

Филарета все это мало смущало: он-то на здоровье не жаловался. По его инициативе было начато активное покорение Сибири, и не зря: треть доходов казны составляла прибыль от продажи за границу редких мехов. И именно патриарх способствовал воссоединению Украины с Россией в 1654 году, что хоть немного обезопасило западные границы.

Кроме того, было создано и принято так называемое «Соборное Уложение» — новый сборник законов, который оставался действующим вплоть до 1832 г.

После 32-летнего правления Михаил Федорович — первый царь из семейства Романовых — передал своему сыну Алексею державу в таком состоянии, как будто бы Смутного времени и сопутствовавшей ему разрухи и в помине не было. Но главный вдохновитель и созидатель восстановления России, ее истинный правитель, подлинный основатель династии Романовых скончался 1 октября 1633 года — на 12 лет раньше своего царственного сына.

Со смертью Филарета закончилась целая эпоха в истории Российского государства. Фигура достаточно загадочная: почти все бумаги, написанные его рукой, истреблены, а официальная биография выхолощена и прилизана до неузнаваемости. Сохранилось только одно косвенное свидетельство того, что Филарет добивался российской короны в первую очередь для себя самого, а уже потом — для сына. В середине прошлого века в Коломне, в палатах митрополита, нашли портрет Филарета в патриаршем облачении. Портрет перевезли в Москву и там заметили на полотне корону. Открылось, что очень плохая живопись неизвестного мастера XVII в. покрывала другую, более старую: Федор Никитович Романов в царском облачении с порфирой на плечах и со скипетром в руках. И надпись: «Феодор, царь всея Руси». Примерял-таки Филарет шапку Мономаха!

И еще одно можно сказать с полной уверенностью: если бы Пушкин мог знать всю историческую правду, если бы при нем было известно то, что открывают историки сейчас, Александр Сергеевич, несомненно, написал бы не «Бориса Годунова», а «Федора Романова».

Пламенное

Денис Логинов

сердце

Фландрии

*Счастлив тот,
кто в черные дни
сохраняет частоту сердца.*

Шарль Де Костер

Зима в Бельгии не раскидывает снежных пушистых перин, не окрашивает белыми кружевами окна, не покрывает реки ледяными зеркалами. Злой ветер катит колочий прибой, и холодная водяная пыль клубится от побережья Северного моря по ровной, как стол, равнине в глубь страны. Это польдеры — отвоеванная человеком земля. Из века в век здесь, в Западной Фландрии, люди отодвигали море, высушивали илистое дно, превращая его в поля и пастбища. Два десятка километров прямой и гладкой дороги приводят к маленькому городку Дамме. Он совсем рядом с бельгийской архитектурной сказкой — Брюгге, северной Венецией королевства. Когда-то, когда море еще не отступило, Брюгге был главным портом Бельгии. Здесь расцвела индустрия огранки алмазов, которая уже потом, через несколько веков, перекочевала в нынешние бриллиантовые столицы Европы — Амстердам и Антверпен. А Дамме так и остался маленьким, тихим, как будто спящим городком у неширокого канала.

У самого въезда в городок, на дороге, обсаженной высокими и стройными деревьями, стоит невысокий, высеченный из белого камня заборчик. Из-за него хитро выглядывает бронзовый подросток, держащий в руках зеркало, обращенное к дороге. Он как бы говорит: «Вглядитесь в это зеркало, и вы многое поймете в себе и вокруг себя». Рядом примостилась семейка умных сов, по заборчику скачут бронзовые лягушки, бредут странствующие монахи, растопырил

уши осел — верный спутник в нескончаемых путешествиях.

Именно здесь застучало пламенное сердце Фландрии. Здесь родился Тиль, озорной мальчишка, проказник и балагур, отважный и бесшабашный правдоискатель, презиравший любую несправедливость. Народный герой, шагнувший в бессмертие со страниц замечательной книги Шарля де Костера. К имени его было прибавлено еще одно слово «Уленшпигель», что в переводе с фламандского — «Сова» или «Зеркало». Или, если немного изменить его звучание, — «Ваше зеркало»...

На центральной площади Дамме, где когда-то, по навету алчного старшины рыбаков Грейпстювера, сожгли Клааса, отца Уленшпигеля, в старинном доме «Де Гроте Стерре» — «большая звезда» — разместил

музей Тили. Рядом с предметами быта Фландрии того времени — экспонаты, которые поначалу неприятно поражают, это орудия убийства и пыток. Только вспоминая роман, понимаешь,

что без этих зловещих свидетельств нельзя составить себе полного представления о тех самых «глупостях, нелепостях и преступлениях целой эпохи», о которых не раз говорила в романе мудрая Сова.

Ведь и сам Тиль, и его мать Сооткин, и вещунья и повитуха кума Катлина не избежали пыток в этот суровый век. А собранные в музее арбалеты, ржавые тесаки и затупившиеся пики принесли много горя на здешнюю землю.

полом берутся дикие голуби. Густой слой пыли покрывает каменный пол. Уж не за творимые ли тамошними церковниками злодеяния, так ярко описанные Шарлем Де Костером, забвение и запустение поразили этот величественный некогда собор?

Зато не пустуют таверны и питейные заведения Дамме, почти все названия которых так или иначе связаны с приключениями и именем знаменитого земляка. А в таверне «У Ламме Гудзака» подают особое крепкое фламандское пиво и традиционные для этих мест блюда, приготовленные по рецептам времен Уленшпигеля.

Многих бельгийских писателей и поэтов осенила всемирная слава. Многие получили признание и у себя на родине, и далеко за ее пределами. Но ни один из них не может сравниться по степени известности с Шарлем Де Костером, создателем действительно выдающегося произведения «Легенда о Тиле Уленшпигеле».

Шарль родился в 1827 году в Мюнхене.

Через три года образовалось Бельгийское Королевство, и его родители, бельгийцы по национальности, присягнув королю Леопольду, переехали в Брюссель. Шарль был не очень прилежным учеником, с трудом осилил колледж Сан-Мишель и был устроен родителями в банк мелким служащим.

Кое-как протянув чиновничью ляжку шесть лет, он, в конце концов, оставил службу и записался в Свободный Брюссельский Университет. Но и там знаниями не блистал и с удовольствием оставался на второй год на одном и том же курсе. Это были, пожалуй, самые трудные годы для становления молодого дарования.

Через пять лет, прорывив и себя, и преподавателей, Шарль Де Костер был выпущен из университета со скромным званием: «кандидат философии и литературы». Но дружба со многими выдающимися художниками, артистами, писателями того време-

ни помогла Шарлю Де Костеру найти свое призвание — он взялся за перо и в 1856 году вместе с друзьями начал выпускать журнал «Уленшпигель».

В то время это было самое смелое периодическое издание. Авторы не трогали лишь «короля всех бельгийцев». Зато остальным властям предрекшим во Франции, Испании, даже в Ватикане доставалось по полной программе. Богатые, погрязшие в интригах священнослужители и продажные политики были основными персонажами разоблачительных статей. Вскоре Де Костер опубликовал свою первую крупную работу — «Фламандские легенды». Наверное, эти народные эпосы и сказания позволили будущему создателю «Уленшпигеля» собрать по крупицам те замечательные черточки характера своего народа, которые позже воплотились в образе героя его главного творения.

Жизнь для Шарля стала означать работу над новой книгой. Он писал ее 10 лет! Его труд был завершен 140 лет назад, в 1867 году. В декабре был издан сигнальный экземпляр. А в начале января 1868 года в Париже роман вышел в роскошном кожаном переплете, с портретом автора на тисненой золотом первой обложке и настоящим зеркалом хрустального стекла в серебряном окладе на обороте. Все 130 экземпляров разошлись моментально. Поньше 129 таких роскошных изданий хранятся в частных коллекциях в Японии, Америке, Австралии. А одно, 130-е, — в маленьком музее Тили на его родине в Дамме.

Слава «Уленшпигеля» разнеслась далеко за пределы Фландрии, перешагнула десятки государственных границ и поселилась в миллионах и миллионах домов, где на полках стоит мудрая книга Шарля Де Костера. О нем ставятся спектакли и снимаются фильмы. А вообще, «Тиль» переведен на 62 языка, издан тиражом около 100 миллионов экземпляров и занимает достойное место в ряду шедевров европейской литературы. «Легенда об Уленшпигеле» и сейчас издается и переиздается в разных странах. В России, например, напечатано более 20

миллионов экземпляров книги Шарля де Костера. Она известна везде, только, как это не покажется странным, не в Бельгии. Наверное, дело в том, что в своей публицистике Шарль де Костер требовал признания права фламандского народа на самоуправление, остро выступал по многим социальным вопросам. Он надеялся, что воссозданное им героическое прошлое подвигнет фламандцев на борьбу за будущее величие своего народа.

Дух Тили, ненавидящего несправедливость, презиравшего тех, кто готов ради корыстных устремлений пролить чужую кровь и завладеть добром своих жертв, живет в сердцах фламандцев. И нынешние радикальные фламандские политики не скрывают, что оперируют все теми же

Нет, не зря мудрая Сова напоминает читателям о мгlistых рассветах, тусклым лучом озарявших мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин, детей... Перед глазами Тили прошло все «человеколюбие» инквизиторов, «спасавших» души его соотечественников от ереси, бросая их живыми в огонь или закапывая в землю.

А если пройти немного дальше по центральной улице Дамме, то можно оказаться у старинного собора Богоматери. Он, что весьма необычно для Бельгии, полуразрушен. На каменных уступах высоких стен гнездятся цепкие кусты и даже небольшие деревья. В стрельчатых окнах выбиты цветные стекла витражей. Высоко под голым ку-

огромные ивы, свисающие голыми ветвями в темную воду. Тяжелые стены монастыря, хранящие вековые тайны. Вроде бы ничего особенно выдающегося. И все же загадкой оказались два похожих по форме памятника, стоящих на противоположных концах Монастырских Прудов. На каменных плитах были выбиты рисунки, обрамленные строчками, написанными по-французски и по-фламандски.

Удивительно, но никто не мог мне толком сказать, кому эти камни посвящены. Журналистская дотошность безуспешно водила меня по историческим справочникам и кабинетам местной коммуны. Пока, наконец, одна старушка, живущая неподалеку от прудов, смертельно уставшая от моих настойчивых расспросов, не разобрала слово «Нелли».

— Это имя, — сказала она. — Остальное подумайте сами.

И в памяти вдруг все вспыхнуло — Нелли! Уж не подружка ли это Тили Уленшпигеля?

Судьба приоткрыла мне одну из своих маленьких калиточек, и я нашел старика — монаха из Аббатства, который, оказывается, каждый день по нескольку часов прогуливался по этим зимним, но все еще изумрудным берегам. Да! Это действительно оказались два памятника Шарлю Де Костеру.

Увы, бельгийцы о памятниках на прудах ничего не слышали. Но они же стоят! Ох, как недалеко был от истины Шарль де Костер, однажды написавший: «Народ умирает, если он не знает своего прошлого!»

Монах, тяжело дыша и опираясь одной рукой на палку, а другой на мою руку, поведал, что на одном каменном планшете выбиты первые слова романа об Уленшпигеле. А на другом, противоположном берегу, — последняя фраза исторической легенды:

«Никому не удастся похоронить дух нашей матери — Фландрии и моей возлюбленной Неле, сердце ее!»

Старый послушник очень сокрушался, что почти никто не знает, что автор «Тили», своеобразной национальной «Библии Фландрии» и множества других повестей,

рассказов и новелл последние 12 лет жизни жил в полной нищете, направляя государству просьбы о помощи, чтобы хоть как-то расплатиться с долгами.

Шарль Де Костер умер в возрасте 52-х лет, в возрасте расцвета и зрелости для писателя. Свой прах он завещал развеять над аббатскими прудами, а свое сердце замуровать в монастырской стене аббатства Буа де Ля Камбр.

Я попытался узнать хоть какие-нибудь детали о таком странном захоронении, но святой отец, заведующий архивом аббатства, был очень удивлен.

«Нет, нет! Никаких бумаг, свидетельствующих об этом, у нас не имеется! Ни я, ни старцы ничего об этом не слышали! Правда, — после долгого молчания добавил он, — реставраторы обратили внимание на одну странную вещь. Многие витражи в церкви со временем потускнели, большинство пришлось изготавливать заново. Но вот тот, что вблизи алтаря, где изображено святое сердце, поставлен 120 лет назад, через год после отпевания здесь мосье Шар-

ля Де Костера. И витраж этот не менялся ни разу и даже никогда не ремонтировался. Может быть, тогда были особые мастера?..»

Я смотрел на седого архивариуса, и мне вдруг показалось, что я слышу, как бьется замурованное в нависших над прудами монастырских стенах сердце великого фламандца.

За тяжелыми дверями аббатства уже опустились холодные сумерки. Моросил дождь, налетая колючими порывами на стены монастыря. В темноте с трудом различались стрельчатые башни монастырской церкви с черными мрачными окнами. Лишь один цветной проем был освещен каким-то странным светом, идущим от негасимой лампы. Он проходил сквозь изображенное на витраже сердце, наполняя его живым алым цветом. Стальные струйки, принесенные непогодой с Северного моря, сползали по рубиновым стеклам. Это сердце Шарля де Костера светило, как вечный маяк, указывающий дорогу шагающему в бессмертие Тилу Уленшпигелю.

постулатами, что и их земляк, легендарный Тиль. Они требуют пересмотра Конституции и отделения Фландрии. Поэтому в наши дни, когда Бельгия вот уже полгода никак не может сформировать правительство, популяризация книги добавила бы изрядную толику жара в огонь национального противостояния. Правда, очень часто сведения об остроте конфликта несколько преувеличены политиками, «делящими свой пирог».

В один из предновогодних дней я прогуливался по волшебному брюссельскому городскому уголку — аббатским прудам монастыря Буа де ля Камбр. Это самое низкое место в бельгийской столице. Прохладная проточная вода, крикливые утки и гуси, гордые лебединые парочки. По берегу —

MUSEE du LOUVRE

Игорь Опарин

Кто не слышал об этом музее, одном из крупнейших и богатейших собраний в мире, кто не мечтал побывать в его залах, а, оказавшись там, не испытал минут истинного счастья от встречи с шедеврами мирового искусства!

Музей Лувр стал сравнительно недавно — чуть более ста лет назад, но история его началась давно, и в ней, как в зеркале, отразилась вся история Франции, столь богатая яркими персонажами и драматичными событиями...

Около 1190 года король Франции Филипп II Август (1165 — 1223) решил построить на правом берегу Сены мощную крепость с высокими стенами и глубокими рвами. Париж в те времена почти весь — за исключением Университета, располагавшегося на левом берегу Сены, — помещался на острове Сите, чуть выше по течению реки, где и жил в своей замке король. Когда крепость бы-

ла, наконец, построена, король повелел перевезти в главную башню королевскую казну, сокровища и важнейшие документы — архив. Там, за защитой мощных крепостных стен, главные ценности французской короны должны были быть в безопасности, полагал Филипп. Вокруг крепостных стен стали потихоньку селиться парижане. Сюда, в это место, поначалу называвшееся Лупара, их влекло чувство безопасности и защищенности.

Крепость Филиппа Августа стояла на границах его владений. Она выглядела внушительно и грозно и всем своим суровым видом словно говорила: «Француз-

ский король на этом не остановится!»

Людовик IX Святой, правивший Францией в XII веке, очень любил крепость Филиппа. В Лувре — так стали ее называть — он построил большой зал, к этому же времени относится и его гробница, совсем недавно открытая археологами

ропе, короли обеих стран не щадили сил, преследуя свои цели, а страдали, как всегда, простые люди. В 1415 году англичане одержали победу в битве при Азенкуре и захватили весь север Франции вместе с Парижем. В это тяжелое для Франции время королева Изабелла допустила страшную ошибку — выдала

Крепость Филиппа Августа стояла на границах его владений. Она выглядела внушительно и грозно и всем своим суровым видом словно говорила: «Французский король на этом не остановится!»

при раскопках в Лувре.

Примерно в 1360 году другой король, Карл V, решил перевезти весь свой двор в Лувр, и потому повелел своему архитектору Раймону де Темплу увеличить уже существующие здания. Это был весьма просвещенный монарх — недаром в истории он заслужил имя Мудрого. Карл любил общество ученых и писателей, любил книги, и в одной из башен он разместил свою огромную библиотеку. Следует сказать, что книги тогда были рукописные, украшались драгоценными камнями, золотом, и стоили они баснословно дорого.

В XV веке Лувр представлял собой мощный средневековый замок с множеством массивных башен, с зубчатыми толстыми стенами, узкими окнами и стрельчатыми сводами. Одна из башен, самая старая, служила тюрьмой для государственных преступников, здесь же располагалась и королевская сокровищница.

Страшным испытанием для Франции стала Столетняя война, длившаяся с перерывами с 1337 года до 1453-го. Англия и Франция боролись за земли и главенство в Ев-

свою дочь замуж за английского короля Генриха V, который тут же провозгласил себя французским королем. Законным же французским монархам не оставалось ничего другого, как жить в своих замках на Луаре. Так продолжалось и потом, когда англичане были изгнаны из Франции; в Лувр королевский двор возвращаться не спешил. Крепость, по-прежнему представлявшая собой суровое средневековое фортификационное сооружение, приходила в запустение, в ней устроили склад военной амуниции, доспехов и оружия.

Продолжение истории Лувра связано с именем великого французского монарха — Франциска I (1494 — 1547). Именно он вновь придал Лувру королевский статус.

Решив вернуть двор в Париж, Франциск велел своему любимому архитектору Пьеру Леско полностью перестроить замок и превратить его в роскошный дворец, достойный французской короны. Помогать архитектору призвали известного скульптора Жана Гужона.

При Франциске сложилось ядро будущего музея. Крупнейший меценат и поклонник итальянского искусства, он собрал бога-

тейшую коллекцию шедевров античности и итальянских художников и скульпторов. По его приглашению во Францию приехали и работали, выполняя заказы короля, Приматиччо, Фьорентино и другие, а в 1516 году и самый известный тогда в Европе художник Леонардо да Винчи. Король

ринных мастерских, где делали чепицу, по-французски тюиль, и потому он стал называться Тюильри.

В 1593 году Генрих Наваррский триумфально вступил в Париж. Дабы умиротворить страну, он, гугенот, произнес свою знаменитую фразу: «Париж стоит мессы!», принял католичество и

Решив вернуть двор в Париж, Франциск велел своему любимому архитектору Пьеру Леско полностью перестроить замок и превратить его в роскошный дворец, достойный французской короны. Помогать архитектору призывали известного скульптора Жана Гужона.

поселил Леонардо в Амбуазе, недалеко от своего замка на берегу Луары. Там прошли последние годы жизни великого итальянца. После его смерти Франциск приобрел целый ряд картин Леонардо, среди них и знаменитую «Джоконду». Франциск купил также полотна Мантини, Рафаэля, Перуджино и Тициана, который даже написал портрет просвещенного монарха. В коллекции короля были и работы французских мастеров — братьев Клуэ, де Лиона и других.

В 1563 году, во времена регентства Екатерины Медичи, архитектор Филибер Делорм приступил к возведению дворца для коварной и умной регентши. Дворец строили недалеко от Лувра, на месте ста-

стал королем Франции Генрихом IV, первым Бурбоном на французском престоле. Тогда ни Лувр, ни Тюильри еще не были закончены. С тех пор каждый французский монарх вносил свою лепту в облик королевского дворца, ставшего символом мощи французской короны.

Генриху приходит мысль связать Лувр с Тюильри, и между двумя дворцами выстраиваются крытые галереи — сначала Малая, а потом Большая, которая и сейчас считается самой протяженной (442 м!) крытой галереей в мире.

В одном из залов Большой галереи Генрих поселил лучших мастеров — художников, скульпторов, резчиков, ювелиров и часовщиков. В те же годы в Лувре появились ткачи ковров, чеканщики монет и медалей, а с 1640 года

тут стали печатать книги.

В целом, облик дворцового комплекса сложился в XVII веке — были построены Восточный фасад и колоннада Лувра, придавшая дворцу вид грандиозный и величественный.

В 1643 году королем Франции стал Людовик XIV, «король-

Продолжение истории Лувра, теперь уже как музея, связано с именем Наполеона.

Конец XVIII века во Франции — это время бурных революций и переворотов. В 1789 году Великая французская революция разрушила все основы абсолютной королевской власти, провозгласив

Генриху Наваррскому приходит мысль связать Лувр с Тюильри, и между двумя дворцами выстраиваются крытые галереи — сначала Малая, а потом Большая, которая и сейчас считается самой протяженной (442 м!) крытой галереей в мире.

солнце». Этот монарх внес огромный вклад в формирование французского абсолютизма. Все в стране вращалось вокруг короля и определялось королем. Все его решения имели силу закона, которому следовало подчиняться не раздумывая. В 1678 году Людовик XIV решил перенести свою резиденцию в Версаль, которым увлекся чрезвычайно и на который тратил огромные деньги из королевской казны. А Лувр опустел — на долгие годы. Приходил в запустение, ветшал, и только парижские нищие, оставшиеся без крова, порой укрывались там от холода и дождя.

При сыне «короля-солнца» Людовике XV о Лувре вспомнили снова — дворец был отдан многочисленным королевским Академиям — наук, живописи и скульптуры, архитектуры, а комнаты верхних этажей — художникам и некоторым придворным.

Со второй половины XVIII века предоставление квартир и мастерских в Лувре считалось большой честью и служило поощрением членов Академий.

лозунги Равенства, Братства, Справедливости. Великие французские просветители мечтали заменить религию искусством, и главным храмом искусства должен был стать музей. 26 мая 1791 года по решению Конвента Лувр становится Национальным музеем Франции. Идея создания музея в Лувре высказывалась давно. Еще Дени Дидро писал в 1765 году, что в галереях Лувра можно разместить все прекрасные статуи, которыми обладает страна, а ведь многие из них портятся под открытым воздухом, подвергаясь воздействию дождей и ветров. В Лувре можно развесить и картины, которые «ныне теряются в хранилищах мебели, где никто не может их увидеть». Надо отметить, что оба Людовика — и XIV и XV, с пониманием относились к этой идее, и воплощена она в жизнь не была по причине чисто финансовой.

В 1794 году, на основании декрета революционного Конвента, Лувр официально открыл свои двери в качестве музея. Подготовкой декрета и организацией Центрального музея искусств, как стали называть Лувр, руко-

Ника Самофракийская.

водил признанный глава художественной жизни эпохи революции Жак Луи Давид. «Музей вообще не бесполезное собрание предметов роскоши и суетности, служащее лишь удовлетворению любопытства. Надо, чтобы музей сделался школой большого значения». Участвовал в этом деле и

фисковал в соборе Антверпена рубенсовское «Снятие со креста». Французы действуют четко: они отбирают произведения искусства только у врагов народа — у аристократов, церковников, королей, а если картина уже является народным достоянием, ее не трогают. Так, «Ночной до-

Сам Наполеон жил в Тюильри, но Лувр был соединен с Тюильри, и император в любой момент мог прийти полюбоваться собранными в музее его имени сокровищами.

Фрагонар, ездивший по дворянским усадьбам и реквизирувавший у противников революции картины и скульптуры, достойные Лувра.

Поначалу в бывшем королевском дворце собрали коллекции, отобранные у врагов народа внутри страны — у свергнутого короля, высокородных дворян-аристократов, церкви. Но уже в июне 1794 года, когда революционная армия под управлением молодого и честолюбивого генерала Бонапарта вторглась в Испанию и Италию, Конвент приказал включить в состав армейских подразделений военных специалистов, которые могли бы разыскивать и конфисковывать произведения искусства в захваченных областях. Специалисты работали и в Париже — они составляли списки того, что было бы достойно выставляться в Лувре, а потом этими списками руководствовались «специалисты на местах». По сути, шел настоящий грабёж. Особенно отличился в этом «благородном» деле Люк Барбье, ученик Давида. Именно ему, офицеру наполеоновской армии, принадлежит честь первой добычи — он кон-

зор» Рембрандта остался в Амстердаме — он висел в городской ратуше и был достоянием амстердамцев. Очень уважали парижские искусствоведы античную скульптуру — французские революционеры чувствовали себя наследниками античной демократии, собирали также и мастеров Возрождения — ведь они были прямыми наследниками античных гениев. После Итальянского похода генерал Бонапарт, видно, вспомнив о римских императорах и их триумфах, повелел провезти в открытых повозках скульптуры и картины, захваченные в Италии, — это был триумф, недавно никому не известного безродного корсиканца, а ныне победоносного генерала, несущего идеи демократии по всему миру.

Но демократия в стране воцарилась не надолго — в 1799 году Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, а вскоре, в 1804 году, провозгласил себя императором Франции Наполеоном I.

Теперь Лувр, совсем недавно Национальный музей Франции, стал Музеем Наполеона.

Просвещенный завоеватель мира собирает в своем музее шедевры мирового искусства и преподносит их в дар благодарному человечеству — так формулировал Наполеон идею своего музея.

Сам Наполеон жил в Тюильри, но Лувр был соединен с Тюильри, и император в любой момент мог прийти полюбоваться собранными в музее его имени сокровищами.

Наполеон хорошо разбирался в людях. Для своего любимого детища, музея, он нашел идеального директора. Им стал Доменик Виван Денон. У этого человека, по сути, основателя Лувра-музея, была богатая биография, достойная романа. Сын богатого провинциального юриста, Денон должен был продолжить дело отца, но искусство увлекло его и заставило забыть об учебе, да и парижские развлечения отнимали много времени. Очаровательный, милейший Денон, знаток искусства и неплохой рисовальщик (особенно ему удавались эротические сюжеты) быстро сделал карьеру, и весьма недурную, при дворе Людовика XV и даже, к удивлению отца, получил дворянство. Мадам Помпадур доверила ему покупать картины для ее коллекции, затем ему поручили хранить королевские камеи, а потом сделали дипломатом. Однако вдруг успешный дипломат все бросает и погружается в изучение произведений старых мастеров, хранившихся в собраниях светских и церковных коллекционеров.

После падения монархии пострадали многие головы, пригласили к гильотине и бывшего царедворца Денона. К счастью, Давид, имевший влияние в Конвенте, спас жизнь Денона, и вскоре они уже вместе придумы-

вали форму для солдат революционной армии. А вскоре Денон с удовольствием рисовал с натуры, как падает с плеч отрубленная голова Робеспьера.

Денон был с Наполеоном в Египетском походе, и корсиканец всегда поражался азарту, выносливости и энтузиазму этого уже не очень-то молодого человека. После Египта Денон всегда рядом со своим покровителем — и в Париже, и на полях сражений.

А когда тот стал императором, Денон получил звание генерального инспектора музеев Франции. «Император изящных искусств», — так называли его современники-соотечественники, зато хранители крупнейших коллекций покоренных Наполеоном стран дали ему презрительную кличку «Упаковщик», хотя и не могли не уважать его как знатока искусства и блестящего организатора. Недаром Александр I, решив пополнить коллекцию Эрмитажа, в качестве эксперта привлек его к этому делу. В крыле современного Лувра, где, по сути, начинался нынешний музей, и которое ныне носит имя Денона, выдающийся музейщик не только собрал лучшие образцы живописи, скульптуры и прикладных искусств, но и классифицировал их по школам. В большой галерее была выставлена живо-

Венера Милосская.

пись, конфискованная в Вене и Берлине, Венеции и Флоренции. В галерее Аполлона — рисунки и эмали, произведения античного искусства хранились в бывших покоях Анны Австрийской.

2 апреля 1810 года в Квадратном зале состоялось бракосочетание Наполеона и австрийской принцессы Марии-Луизы. В празднике участвовали первые лица империи — придворные, военачальники, министры. Перед тем, как удалиться в спальню, Наполеон продемонстрировал супруге античные мраморы — видно, полагал, что это поможет в деле государственной важности — зачатии наследника.

Империя Наполеона просуществовала недолго — в 1814 году он отрекся от престола. Однако Франция не торопилась расставаться с собранными в Лувре со-

кровищами. Король Людовик XVIII заявил: «Слава французской армии остается неприкосновенной. Памятники ее доблести будут сохранены. Шедевры искусства принадлежат нам теперь скорее по праву долгого владения, чем по праву победителей». И только после Ватерлоо, когда Франция потерпела окончательное поражение, Папа Римский, итальянские и немецкие герцоги, прусский король и австрийский император получили обратно свои картины и скульптуры. Денон всячески пытался противостоять этому процессу — известно, что однажды, когда представитель Австрии взобрался по приставленной к стене лестнице, разъяренный Денон ее опрокинул, и несчастный австриец повис, уцепившись за крюк, на котором висела картина, пока его

не спас военный патруль.

Полностью сохранить собранное Денону не удалось. Но многое все-таки осталось в стенах музея — транспортировка тяжелых статуй и огромных полотен стоила больших денег, и бывшие собственники порой обменивали их на нечто более легкое или просто дарили их французской короне.

Тем не менее в 1815 году Франция вернула более 5000 захваченных при Наполеоне предметов искусства. А Денон, который с болью в сердце наблюдал первый в истории процесс реституции, ушел в отставку и вскоре умер.

Во время революции 1848 года Лувр переименовали в Народный дворец.

Во время Парижской коммуны в мае 1871 года сильнейший пожар почти уничтожил старый дворец Тюильри и затронул два луврских павильона — Флоры и Марсан. После бурных событий павильоны восстановили, а Тюильри было решено не восстанавливать.

В XIX веке собрание Лувра пополнялось не так интенсивно, как при Деноне и, в основном, за счет приобретения частных коллекций: в 1862 году в Риме луврские музейщики купили коллекцию римского банкира маркиза Кампана, в которой было блестяще представлено античное искус-

ство, итальянская живопись, а также несколько полотен испанских и голландских мастеров. В 1869 году в музей, по завещанию, перешло собрание замечательного французского коллекционера, врача по профессии Ла Каза.

Пополнялась коллекция Лувра и в XX веке. Несмотря на две мировые войны, на сокращение финансирования музея, на трудности, которые переживала экономика страны, музейщики Лувра продолжали свято хранить и преумножать собрание лучшего музея мира.

Сегодня в коллекции Лувра — около 6000 картин европейских художников — от XIII до XIX века, а еще скульптуры, предметы прикладного искусства... Чтобы все увидеть, нужно, по крайней мере, пару недель. И то, наверняка, останется что-то на будущее.

Каждый день в Лувр приходит множество людей — среди них и французы, и любители искусства, приехавшие в Париж со всего мира. В залах звучит разноязычная речь, группы школьников и более зрелых экскурсантов внимают рассказам гидов, молодые художники копируют старых мастеров.

Одним словом, музеем живет...

Каменная статуя Карла I с портала парижского приюта «де Кенс-вен». XIV век.

Надгробие Филиппа II, XV век.

Джонатан Крейг

Дело Онижней юбке

Глава 1

Если верить донесению дежурного сержанта, которое и привело нас в однокомнатную квартиру в цокольном этаже на Бликер-стрит, это было «явное самоубийство».

Однако сержант ошибся.

Это не было самоубийством, а самым настоящим убийством.

Мой напарник, детектив Стэн Рейдер, отправился успокаивать девушку, обнаружившую труп. Она с громкими криками выскочила на улицу в поисках полицейского.

Бледная Коллин Келли, совсем еще молоденькая девочка, сидела на кровати, крепко сцепив руки на коленях и изо всех сил стараясь скрыть чувства, которые она испытала при виде трупа, висящего на трубе отопления. Ее прислали обыскать тело. Коллин совсем недавно пришла в полицию, и ей не повезло, что первое знакомство с профессией оказалось таким суровым.

Я достал карандаш, зачеркнул в рапорте дежурного сержанта слова «явное самоубийство» и вместо них написал «преднамеренное убийство». Исправив ошибку, пошел к трупу.

Убитая женщина была довольно высокой. Черные блестящие волосы и роскошное тело с тонкой талией и очень длинными красивыми ногами. На ногах — прозрачные нейлоновые чулки и маленькие черные туфельки с высокими каблуками.

Кроме чулок и туфелек, на девушке ничего не было. Выше круглых подвязок, на которых держались чулки, она была абсолютно голая.

— Почему вы не перережете веревку? — неожиданно спросила Коллин слегка хриплым голосом, не глядя на меня. — Зачем оставлять ее висеть на этой трубе? Это жестоко и ужасно!

— Необходимо дождаться судмедэксперта, Коллин, — покачал я головой. — До тех пор, пока он не придет и не даст нам зеленый свет, мы не имеем права дотрагиваться до нее.

В глазах Коллин неожиданно блеснули слезы.

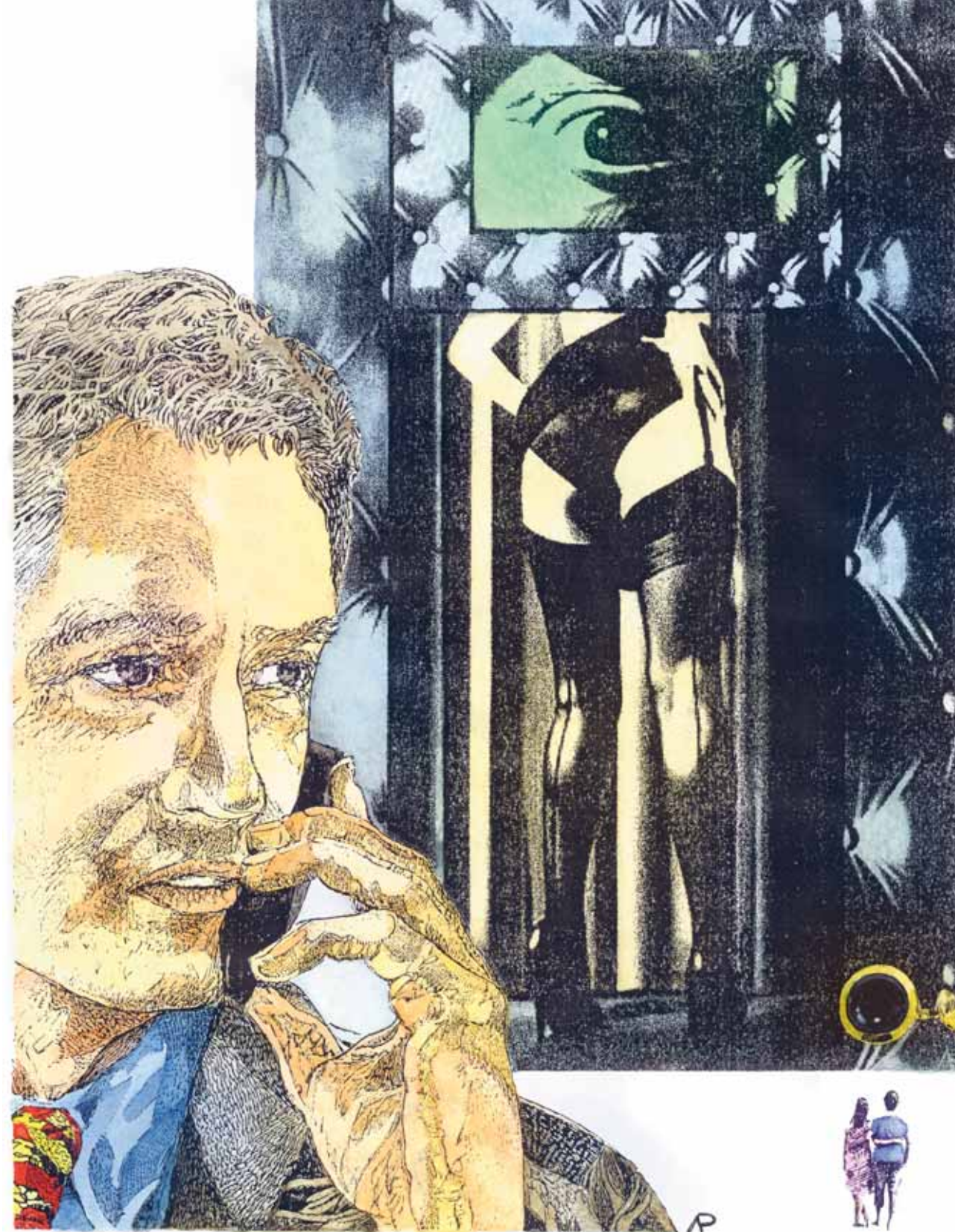
— Никак не пойму, почему такая красивая девушка захотела убить себя? Она ведь очень молодая, совсем еще девочка.

— Она не хотела.

— Что не хотела? — переспросила Коллин и бросила на меня сердитый взгляд.

— Убивать себя, — пояснил я. — Ее убили. Кто-то убил ее и попытался сделать все так, чтобы это было похоже на самоубийство. Девушка была уже мертва, когда ее вешали на трубу.

— Но... но откуда вы знаете, что ее убили?

— Дело в том, что я на своем веку перевидал много таких тел, — пожал я плечами. — Подойдите немного ближе, и я вам все объясню.

Коллин Келли встала, несколько мгновений колебалась, потом решительно подняла голову, выставила вперед подбородок и подошла ко мне.

— Я стараюсь, — призналась она. — Честное слово, стараюсь.

— Вы держитесь прекрасно. Все в порядке. Просто необходимо время, чтобы привыкнуть к трупам. Ничего страшного. Я знаю, как вы сейчас себя чувствуете, — кивнул я и начал объяснять: — Первое, что не вяжется с версией самоубийства, это ее лицо. Если бы она умерла на бельевой веревке, то была бы далеко не такой красивой, как сейчас. У нее бы распухло лицо, а цвет его колебался бы в широком диапазоне от розового до багрового.

Коллин встала на цыпочки и вгляделась в лицо мертвой девушки.

— У нее такой спокойный вид, будто она просто... заснула.

— Посмотрите внимательнее на ее горло, — посоветовал я. — Видите, какая белая кожа?

— Да, вижу.

— У живого человека кожа не такая белая. Дело в том, что веревка практически всегда перерезает множество мелких кровеносных сосудов, и по контуру петли появляются маленькие черные и синие точки. Но в нашем случае кровь уже оттекла от лица и горла, так что, никаких точек нет. Однако такое происходит не всегда. Если человека душат, скажем, полотенцем или чем-нибудь таким же широким и мягким и без жестких концов или углов, то черных и синих точек вообще может не быть.

— А как насчет волокон веревки? — осведомилась Коллин. — На курсах нам говорили, что если потертости волокон направлены к телу, то это означает, что произошло не самоубийство, а убийство, и что тело кто-то поднял наверх.

— У нас здесь примерно полтора фута плохо натянутой веревки, — объяснил я. — Скорее всего, убийца тоже знал о направлении, в котором должны быть потерты волокна. По-моему, он сделал одно из двух. Или взял девушку на руки и на что-то взобрался, пока привязывал веревку к трубе, или затащил ее наверх с помощью одной веревки, потом привязал к трубе той веревкой, на которой она сейчас висит, отвязал первую и унес ее с собой...

— Может, удастся что-нибудь вытянуть из этой Баумэн, — перебил меня мужской голос, и к нам подошел Рейдер.

Джуди Баумэн была девушкой, которая обнаружила тело, ее квартира располагалась в дальнем конце коридора, и она до сих пор не могла отойти от истерики.

— Хорошо, — кивнул я. — Я поговорю с ней. Может, она что-нибудь расскажет.

— Захвати с собой эту штуку, — посоветовал Стэн, достал из кармана маленькую фотографию с необрезанными краями и протянул мне. — Она была засунута за край зеркала. Я подумал, что лучше забрать ее, прежде чем примчатся репортеры и ткнут меня в нее носом.

На маленькой фотографии были изображены убитая девушка и красивый крепкий парень в спортивной рубашке с короткими рукавами, сидевшие на скамейке. Мне показалось, что снимок сделан в Центральном Парке. Одной рукой парень обнимал девушку, и у них был очень счастливый вид.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Обязательно поинтересуюсь у мисс Баумэн, не знает ли она этого парня.

— Обискать пока комнату?

— Да, — кивнул я. — Начни с комода и не забудь об отпечатках.

— Спасибо за напоминание, — с серьезным видом поблагодарил Стэн Рейдер. — Сам бы я никогда до этого не додумался.

— Мне можно уйти? — спросила вдруг Коллин. — Ведь на девушке ничего нет. Что же мне искать?

— Не заглядывали в ее туфли? — поинтересовался я.

— Нет, не заглядывала. Но...

— Загляните, — посоветовал я. — Если в туфлях ничего нет, то напишите в своем рапорте, что тело было почти обнаженным, за исключением туфель и носок, и не забудьте добавить, что вы не обнаружили ни денег, ни драгоценностей.

— Это все? — сухо спросила Коллин и повернулась к мертвой девушке.

А я вышел в коридор и пошел беседовать с Джуди Баумэн.

Глава 2

Джуди сидела в углу кушетки. Это была маленькая и очень красивая девушка с огромными темно-кариыми глазами. Светло-коричневые волосы спадали на плечи. На ней была приспущенная с плеч крестьянская блуза, короткая розовая юбка с высокой прилегающей талией и широкий кожаный пояс. Девушка рассеянно дергала край юбки, пытаясь натянуть ее ниже колен, но юбка всякий раз упрямо возвращалась наверх. Когда я вошел в комнату, она вяло посмотрела на меня и снова отвела взгляд в сторону, как будто я был ей совсем не интересен.

— Мой партнер сказал, что вы сейчас чувствуете себя немного лучше, — заметил я.

— Я... полагаю, да. Сейчас мне лучше, — кивнула Джуди. — Вы, наверное, думаете, что я вела себя, как последняя дура.

— Ничего подобного, — покачал я головой. — Я так совсем не думаю.

— Понимаете, просто со мной подобное происходит впервые в жизни, — попыталась объяснить девушка. — Я хочу сказать, что никогда раньше такого не видела.

— Сколько вам лет, мисс Баумэн? — полюбопытствовал я.

— Не мисс, а миссис, — поправила меня Джуди. — А почему вас это интересует?

— Просто пытаюсь завязать разговор, — ответил я, стараясь говорить как можно более дружелюбно.

— Мне восемнадцать лет, — ответила девушка. — К шестнадцати годам я успела закончить два курса колледжа. Если бы не оказалась такой дурой и не вышла замуж, то получила бы диплом, когда большинство девушек только заканчивают среднюю школу. — Ее полные губы немного побледнели, и только тут я заметил, что она совершенно не накрашена. — Неужели потому, что я такая молодая, все должны обращаться со мной, как с ребенком?

— А где сейчас ваш муж, миссис Баумэн, на работе?

— Мы больше не живем вместе, — нахмурилась Джуди.

— Значит, вы живете одна?

— Да, одна.

— Вы хорошо знали свою соседку, которая жила дальше по коридору?

— Просто знала. Нет, не очень хорошо.

— Как ее звали?

— Надин. Надин Эллисон.

— Она была замужем?

— Не думаю.

— Но вы не уверены?

— Если она и была замужем, то ничего об этом не говорила.

— Она жила с кем-нибудь?

— Нет.

Я вытащил блокнот, открыл чистую страницу и записал имя и фамилию убитой девушки.

— Нам нужно будет сообщить родственникам о ее смерти. Знаете кого-нибудь из ее родственников?

На долю секунды лоб Джуди Баумэн покрылся маленькими морщинами.

— Не помню, чтобы она когда-нибудь говорила о родственниках.

— Долго она здесь жила?

— О... сейчас подумую... кажется, около шести месяцев.

— А вы?

— Вы имеете в виду, сколько я здесь живу? Около года.

— Вы знаете, где работала Надин?

— Она нигде не работала.

— Я знаю, что вам пришлось пережить очень неприятные минуты, миссис Баумэн, — продолжал я. — Поэтому постараюсь закончить как можно быстрее.

Джуди вновь потянула юбку вниз и положила руку на колено, но ничего не сказала.

— Давайте сначала закончим с самой трудной частью, — предложил я, — чтобы вы перестали этого бояться. Может, расскажете мне, как нашли тело?

Джуди облизнула губы.

— Я вышла из квартиры, хотела сходить в магазин за продуктами, и, проходя мимо двери Надин, громко спросила, не нужно ли и ей чего-нибудь купить. — Она сделала небольшую паузу. — Мы всегда так поступали. Если кто-то шел в магазин или в аптеку, то обязательно спрашивал, не нужно ли чего-нибудь.

Я кивнул.

— Значит, вы спросили, не нужно ли ей чего-нибудь в магазине. И что было потом?

— Потом я заметила, что дверь приоткрыта дюймов на шесть. Я позвала ее по имени и, когда она не ответила, громко постучала. Дверь еще больше открылась, а затем... Затем я увидела ее. Сначала мне показалось, будто она на чем-то стоит за кроватью, но потом разглядела, что она...

— Вы не входили в квартиру?

— Нет, не входила, — кивнула Джуди. — Это точно. У меня был какой-то провал в памяти. Я очнулась только на улице, куда выбежала, чтобы найти полицейского. Просто не могла заставить себя войти в квартиру, мистер Селби. Никогда в жизни меня еще не охватывала такая паника.

— Это легко понять, — согласился я, прислушиваясь к звукам шагов и голосов, раздающихся в другом конце коридора.

Когда открылась входная дверь, я услышал голос доктора Винсента Баретти, одного из наших судмедэкспертов.

Джуди тоже прислушивалась к шуму, нервно пощипывая обтрепанную обивку на кушетке.

— Эта история попадет в газеты? — неожиданно спросила она.

— Несомненно, — кивнул я. — Убийства молодых девушек всегда пользуются спросом у репортеров.

— Они напишут и обо мне?

— Возможно.

— И напечатают снимки?

— Вероятно... если у них будет возможность их сделать.

— Я не открою им дверь!

— Желаю удачи, — с легкой иронией проговорил я и добавил: — Вы сказали, что между вами и Надин были довольно неплохие отношения?

— Да, — кивнула в ответ Джуди. — Мы с ней неплохо ладили.

— Достаточно неплохо, чтобы она рассказывала вам о своих неприятностях?

— По-моему, у Надин никогда не было неприятностей. Она всегда смеялась. Я не встречала более счастливого человека.

— Она не говорила ни о каких угрозах в свой адрес?

Джуди поджала губы.

— Как же я не догадалась с самого начала, как только вы заговорили...

— О чем не догадались, миссис Баумэн?

— Что Надин не покончила жизнь самоубийством. Ее убили, да?

— Да. Кто-то убил ее и попытался представить все как самоубийство.

Джуди Баумэн улыбнулась так печально, что на мгновение лицо ее потеряло почти всю свою привлекательность.

— Думаете, это я убила?

— Нет, — покачал я головой. — На такой ранней стадии следствия мы пока ничего не думаем.

— Тогда почему вы с самого начала не сказали, что ее убили? Разве убийство настолько страшнее самоубийства?

— Не знаю, — пожал я плечами. — И то, и другое — довольно неприятные вещи.

Джуди занервничала и тревожно посмотрела на дверь.

— Вы можете запретить репортерам печатать мою фотографию в газетах? — неожиданно спросила она. — Они просто не должны этого сделать!

— Постараюсь что-нибудь придумать, — пообещал я. — Кстати, раз разговор зашел о фотографиях, я хотел бы, чтобы вы взглянули на этот снимок. Вам знаком мужчина, который сидит рядом с Надин?

— Его зовут Марти.

— А фамилия?

— Не знаю. Я встречалась с ним только раз, да и то мельком. Как-то вечером они с Надин заходили к ней в квартиру, а я выходила из своей. Она представила его мне как Марти.

Я спрятал фотографию обратно в карман.

— Он был ее близким другом?

— Думаю, его можно назвать парнем Надин. По крайней мере, я видела их вместе много раз.

— Не знаете, у нее были другие парни?

Джуди Баумэн покачала головой.

— Я никогда не видела Надин с кем-то, кроме Марти.

— Не знаете, где он живет?

— Я ничего о нем не знаю.

— К Надин Эллисон часто приходили гости?

— И да, и нет, — пожал плечами девушка. — Она вела себя очень странно. В любое время дня и ночи к ней приходили гости, но она почему-то всегда уходила, когда они появлялись.

— Что-то я вас не совсем понимаю, миссис Баумэн.

— Я хочу сказать, что она всегда уходила из дома, оставляя их одних, и возвращалась только тогда, когда гости уходили, — объяснила девушка. — К ней приходило много людей.

— Знаете кого-нибудь из них?

— Нет. Я просто мельком видела их в коридоре или слышала, как они заходят в квартиру. У Надин, в отличие от меня, была своя ванная комната. Моя находится в коридоре, так что, я видела, как они приходят и уходят.

— И вы говорите, что мисс Эллисон всегда оставляла их у себя на квартире одних?
 — Да. Гости приходили, а через несколько минут Надин уходила. Я хорошо знаю ее походку. И еще. Они всегда приходили парами. Я хочу сказать, что всегда приходили мужчина и женщина. Иногда приходили вместе, иногда с интервалом в несколько минут.

— И эти визиты, как вы говорите, продолжались круглые сутки?
 — Да... и днем, и ночью. Иногда из квартиры не успевала выйти одна пара и вернуться Надин, как приходила другая.
 — Они шумели? Может, вы слышали какие-нибудь громкие разговоры?
 — Нет. Как только за ними закрывалась дверь, наступала тишина, и я не слышала ни звука.
 — Вы не видели кого-нибудь из гостей Надин где-нибудь в другом месте?
 — Видела одну женщину. Не знаю, как ее зовут, но она работает в антикварном магазине на углу. В «Педрике».

Я выдвинул на карандаше новый грифель и спросил:
 — Как она выглядит?
 — Ну, такая высокая... почти такая же высокая, как Надин. И у нее рыжие волосы. Правда, не ярко-рыжие, а скорее каштановые.
 — Когда вы в последний раз видели ту женщину, что работает в «Педрике»?
 — Вчера после обеда.
 — Во сколько?

— Около двух часов. Знаете, мистер Селби, — искренне проговорила девушка, — я очень хочу помочь вам, но о личной жизни Надин знаю не больше вас. Она вообще никогда не говорила о людях, только о вещах и развлечениях. О платьях, музыке, кино... и тому подобном. О себе она мне рассказала только то, что пела в танцевальных ансамблях.

— Здесь в Нью-Йорке?
 — Нет. У меня сложилось впечатление, что пела Надин, в основном, на Западном Побережье.

— Как вы познакомились с Надин, миссис Баумэн?
 — В коридоре. Как-то Надин потеряла маленькую сережку с сапфиром, и я помогла ее найти. Я нашла сережку и сказала, что она очень красивая. Надин объяснила, что камни настоящие, и что эти серьги хранятся в ее семье уже много лет. Мы разговорились, и я спросила, больно ли прокалывать уши? Она ответила, что не больно, и если я хочу проткнуть уши, она мне поможет. Я уже давно думала об этом, поэтому сразу согласилась, и Надин послала меня в аптеку за перекисью водорода. — Джуди подняла руку и дотронулась до маленькой золотой сережки в форме кольца. — Когда я вернулась из аптеки, Надин проткнула мне уши иглой, протерла перекисью, дала эти серьги и велела сразу же их надеть, чтобы отверстия не заросли. Она сказала, что кто-то подарил ей эти кольца много лет назад, но она носит только серьги с сапфирами и не собирается их менять. Сапфиры по цвету подходили к ее глазам, а шли ли они к ее одежде, ей было все равно.

— Вы уверены, что вам больше нечего мне сказать, миссис Баумэн? — спросил я. — Может, вспомните какой-нибудь пустяк, который бы пригодился полиции.

Джуди Баумэн начала было что-то говорить, потом передумала и замолчала. С полминуты она сидела абсолютно неподвижно, задумчиво сузив глаза и как бы пытаясь вспомнить, не забыла ли она чего-нибудь. Потом просто покачала головой.

— Ничего не могу больше вспомнить, мистер Селби. Очень жалко, но больше мне вам нечего сказать.

Я сунул блокнот в карман и встал.

— Может, что-нибудь позже вспомните, — сказал я и направился к двери. — А пока...
 — Подождите! — неожиданно воскликнула она, резко выпрямляясь. — Я кое-что вспомнила.

Я остановился у двери.

— Я случайно услышала, как Надин с кем-то разговаривала по телефону, — взволнованно произнесла Джуди. — Это был единственный раз, когда она говорила так громко, что я могла ее услышать. Она страшно разозлилась. Не знаю, сколько времени прошло с начала разговора, но внезапно Надин заговорила очень громко и принялась кого-то ругать. Она осыпала этого человека ужасными прозвищами и ругательствами. Потом бросила: «Иди ты к черту, Клиффорд! Ты у меня еще пожалеешь, сукин сын!» — Девушка сделала паузу и извинилась. — Простите, я не хотела ругаться. Просто хотела, чтобы вы поняли, как она рассердилась.

— Больше мисс Эллисон ничего не сказала?

— Больше я ничего не расслышала. Закончив разговаривать, она швырнула трубку с таким грохотом, что можно было подумать, будто кто-то изо всех сил хлопнул дверью.

— Клиффорд может быть и именем, и фамилией, — задумчиво заметил я. — Вы уверены, что она не назвала его мистером?

— Почти уверена. Я никогда не забуду, как Надин разговаривала с ним. Надин произнесла слово «Клиффорд» с такой злобой и презрением, что можно было подумать, будто она хочет выплюнуть изо рта что-то омерзительное.

— Когда состоялся этот разговор?

— Позавчера, где-то в середине утра.

Я молча стоял, держась за дверную ручку, а волнение на лице Джуди Баумэн медленно сменилось замешательством.

— Какая же я глупая! — наконец, неуверенно воскликнула она. — Как можно было забыть об этом разговоре!

Я тоже не мог этого понять. При данных обстоятельствах большинство людей немедленно вспомнили бы такой странный телефонный разговор.

— Очень интересно, — сказал я, открывая дверь. — И еще раз спасибо, миссис Баумэн.

Джуди внимательно взгляделась в мое лицо. Потом отвернулась, и в темных глазах неожиданно вспыхнула тревога.

— Бедная Надин! — тихо пробормотала она, как будто разговаривала сама с собой. — Я не знала более счастливого человека.

Ответить мне было нечего. Поэтому я молча вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Глава 3

Стэн Рейдер вышел из квартиры Надин Эллисон как раз в тот момент, когда я подошел к двери. На предплечье он нес что-то белое, очень похожее на женскую нижнюю юбку. И, как обычно, у него был такой вид, словно он чем-то немного удивлен.

— Что это у тебя? — спросил я.

— Когда немного повзрослеешь, Пит, то научишься сразу узнавать такие вещи. Это нижняя юбка.

— И?

— Я нашел ее в комодке, — объяснил Стэн и протянул мне юбку. — Взгляни на эти складки. Возможно, мы нашли орудие убийства, Пит. Парень мог схватить ее за концы, набросил девчонке на шею и сделал себе замечательную маленькую удавку. Таковую, что лучше не придумаешь.

— И юбка слишком широка, чтобы рвать кровяные сосуды, — согласился я.

— Это самая хитрая часть его замысла.

— Говоришь, нашел ее в комодке?

— Она лежала в ящике вместе с другим нижним бельем. Прямо на самом верху. Все остальные вещи не имели ни единой складки. Поэтому я и обратил на нее внимание.

— Спросил у медэксперта, что он думает?

— Конечно. Он сказал, что это возможно.

— А что он считает причиной смерти?

— Ты же знаешь Винса Баретти. Он ничего не говорит. Только что-то пробормотал о возможности сломанной гортани, но на большее не отважился.

— Он ничего не сказал о времени, когда могла произойти смерть?

— Винс сказал, что в любое время между двумя часами ночи и шестью утра. Думаю, нам достался крепкий орешек, Пит.

— Почему?

— Я очень тщательно обыскал квартиру, но не нашел ничего, кроме этой юбки.

— Хочешь сказать, что не нашел никаких писем? А блокнот с адресами?

— Совсем ничего, — покачал головой Рейдер. — Она или хранила свои вещи где-то еще, или ее ограбили.

— Нашел какие-нибудь следы насилия?

— Никаких, но Баретти обнаружил маленькие ранки на мочках ее ушей изнутри, как раз под теми местами, где она проткнула себе уши для сережек.

— Она ни на минуту не снимала сережки, — сообщил я. — Джуди Баумэн только что мне рассказала, что она даже спала в сережках.

— Как бы то ни было, но сейчас она без сережек. Кто-то довольно бесцеремонно выдернул их из ее ушей.

— Может, она зашла в квартиру и спугнула домовника, — задумчиво проговорил я.

— Жильцы не так уж и редко застают у себя на квартирах воров и платят за это своими жизнями.

— Верно, в этом районе было много краж, — согласился Стэн. — Но зачем ему лишняя возня? Почему он ее повесил? Обычный вор убил бы ее и просто смылся. Он бы никогда не стал тратить драгоценное время и играть спектакль.

— Почему? — возразил я. — Если он достаточно глуп, чтобы подумать, что сможет убедить нас, будто это самоубийство, то почему бы и нет?

— Ну, ладно, — кивнул Стэн Рейдер. — Значит, он дурак. Но это все равно не объясняет того, что на ней нет никаких следов насилия. Если она застала этого парня врасплох и он набросился на нее, то на ней не было бы живого места. Никто не станет стоять и спокойно смотреть, как его душат. — Он сделал паузу и добавил через несколько секунд: — И еще. Может, она и не заходила в квартиру. Может, она уже находилась там.

Я кивнул.

— Или все могло быть по-другому. Он возится с вещами и вдруг слышит, как она вставляет ключ в замок. Парень хватается юбку и едва успевает спрятаться за дверь. Когда она заходит в комнату, набрасывает ей на шею юбку и душит.

Стэн достал платок и вытер со лба пот.

— Всегда одно и то же, — махнул он рукой. — Чем больше думаешь об убийстве, тем больше находишь способов, как оно могло произойти. Но меня беспокоит другое: в квартире нет ни писем, ни бумаг, ничего личного. Я не нашел даже ни одного телефонного счета или почтовой открытки.

— Заглянул под бумажные прокладки в ящиках?

— Я заглянул везде, Пит. Ничего не пропустил, ни единого места.

— А в ванную комнату, что в коридоре, заглядывал?

— Заглядывал. Осмотрел все: от пола и до потолка. Проверил смывной бачок и все остальное, — ухмыльнулся Рейдер. — А когда отдыхал от поисков, то заглянул в фирменный магазин наверху. Он пустой. Кроме каких-то балетных тряпок на витрине, ничего нет, хоть шаром покати. И невозможно проникнуть внутрь из подъезда, не говоря уже о том, чтобы пробраться оттуда сюда.

— Как по-твоему, Стэн, женщина могла бы поднять ее на эту трубу?

— Женщина? Ты что, смеешься? Такая высокая девчонка должна весить около ста двадцати пяти фунтов. Другая женщина могла бы, наверное, поднять ее, но поднести к трубе и держать там, пока будет привязывать веревку, это совсем другое. Ей бы пришлось держать весь ее вес одной рукой, а другой — завязывать узел на веревке. — Он покачал головой. — А как прошла беседа с соседкой?

Я вкратце пересказал ему суть разговора с Джуди Баумэн. Когда закончил рассказывать, Стэн спросил:

— Пит, ты думаешь, она знает больше, чем говорит?

— Посмотрим. Это одна из маленьких тайн, которые нам предстоит раскрыть.

— Как, по-твоему, что здесь устроила Надин? Не очень похоже на публичный дом, но, конечно, и не притон для наркоманов. Что скажешь, Пит?

— Ничего, — покачал я головой. — Если бы она тоже оставалась в квартире, когда приходили парочки, тогда все было бы по-другому. Но она уходила.

— Ну, что же, эту загадку, по крайней мере, решить легко, — буркнул Стэн. — Все, что нам нужно сделать, это поговорить с рыжей женщиной из антикварного магазина. С той, которую твоя подружка Джуди видела в коридоре.

— Если только, конечно, та просто не заходила в гости, — скептически заметил я. — Сам знаешь, такое иногда бывает.

— Тогда у нас останутся Марти с Клиффордом, — сказал он. — Правда, только имена без фамилий.

— Пойду-ка я в антикварный магазин, — решил я. — Пока буду ходить, посмотри, не закончили ли ребята из лаборатории проверять телефон. Позвони шефу и расскажи, что тут у нас. Потом позвони в телефонную компанию и попроси список номеров, по которым в последние три месяца звонили с телефона Надин. Мы почти наверняка таким путем на кого-нибудь выйдем. Может, даже обнаружим след к Марти или Клиффорду.

— Вот всегда так, — вздохнул Стэн Рейдер. — Ты беседуешь с женщинами, а я делаю грязную работу. Это просто несправедливо.

— Может, тебе это и покажется смешным, но по-моему, все справедливо, — пожал я плечами. — И не выбрасывай веревку и юбку, Стэн. Они нам еще пригодятся как улики.

— Слушаюсь, сэр, детектив Селби. Еще какие-нибудь распоряжения будут?

— Сразу и не придумаю, — ответил я и отвернулся. — Постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Так я тебе и поверил! — махнул рукой Стэн. — Черта с два, чтобы ты побыстрее ушел от женщины.

Глава 4

В антикварном магазине «Педрик», расположенном на углу, имелось несколько крупных предметов антиквариата и бесконечное множество маленьких. Стены заполняли бра и полки, а потолок полностью закрывали лампы и фонари самых немыслимых форм, начиная от рюшечек и кончая дующим в рог ангелом Габриэлем.

Я прошел по узкому проходу, повернул направо и очутился в центре небольшого свободного места у стойки. За стойкой стояла рыжеволосая женщина лет сорока с очень белой кожей и широко посаженными зелеными глазами. Она держала маленькую кисточку и аккуратно смахивала пыль с фарфоровых фигурок.

Я откашлялся.

— Простите, я не заметила, как вы вошли в магазин, — извинилась женщина. — Чем могу служить?

Я показал на вазу и похвалил:

— Очень красивая.

Рыжеволосая гордо кивнула.

— Правда? Изделия из такого веджвуда встречаются очень редко. Это восемнадцатый век.

— Вы владелица магазина?

— Да. Я — миссис Педрик.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, миссис Педрик.

— Об антиквариате?

— О Надин Эллисон, — сообщил я. — Насколько мне известно, вы с ней знакомы. —

И я показал ей свой полицейский значок.

Улыбка оставалась на ее губах целых пять секунд после того, как покинула глаза.

— Вы детектив?

— Детектив Селби, Шестой участок.

— Но почему? Что случилось?

— Мы еще не совсем уверены в том, что случилось, — уклончиво ответил я.

— У Надин какие-то неприятности?

— Нет.

— Тогда в чем дело? — потребовала ответа миссис Педрик. — Если у Надин все в порядке, тогда почему...

— В подобных случаях чаще всего лучше оставить большую часть вопросов полиции, — прервал я ее. — Когда вы видели Надин в последний раз, миссис Педрик?

— Очень давно.

— Неправда, вы видели ее вчера после обеда. Где-то около двух часов.

Лицо миссис Педрик совершенно неожиданно сильно постарело.

— Значит, это та маленькая темноглазая ведьма, которая живет в другом конце коридора, — едва слышно пробормотала она. — Кроме девчонки, больше никому.

— Может, мне лучше закрыть дверь? — предложил я. — Чтобы нам не помешали.

— Да, — устало согласилась миссис Педрик. — Пожалуй, вам лучше закрыть дверь.

Я подошел к входной двери, закрыл ее на засов, опустил жалюзи и вернулся к стойке.

— Надин ваша подруга? — спросил я, усаживаясь на край стойки.

Миссис Педрик кивнула.

— В некотором роде... да, подруга.

— У меня такое впечатление, что вам не хочется говорить о ней. Почему?

— Это... очень личный вопрос.

— Как вас зовут, миссис Педрик? — спросил я.

~ детектив

— Айрис.

— А вашего мужа?

— Джордж. — Она довольно твердо произнесла имя мужа, но ее глаза на мгновение посмотрели в сторону, и я решил попытаться подобраться к ней с другой стороны.

— Джордж одобряет ваше знакомство с Надин? — поинтересовался я.

— Он... он не знает о нашем знакомстве.

— Сдается, Джордж даже не знает о ее существовании.

Айрис Педрик сердито посмотрела на меня, потом отвела взгляд в сторону.

— Конечно, он не знает о ее существовании, — пожалала она плечами. — Нет смысла играть со мной в кошки-мышки, мистер Селби.

— Хорошо, отставим в сторону кошек и мышек, — пообещал я ей. — Не будем прибегать к ловушкам и коварным вопросам. Я буду задавать простые четкие вопросы и буду ожидать таких же четких ответов. — После небольшой паузы я поинтересовался: — Мы понимаем друг друга, миссис Педрик?

В ее глазах промелькнула паника.

— Можно сделать так, чтобы об этом не узнал мой муж?

— Вам следовало подумать о муже раньше.

— Все мы люди, — печально объяснила она, — и у всех у нас есть слабости.

— Все будет зависеть от того, услышу ли я от вас правду. О Надин Эллисон нам известно многое, но мы хотим узнать больше.

— Я боюсь не за себя, — в ужасе воскликнула Айрис, — а за Джорджа. Если он узнает, что я... — Она неожиданно положила руки на верх стойки и так крепко сжала их, что пальцы побелели. — Я не преувеличиваю, мистер Селби. Если мой муж узнает о моем знакомстве с Надин Эллисон, эта новость убьет его.

Я ничего не ответил.

— Что... что вы хотите знать?

— Все, — пожал я плечами. — Начните с того, как вы познакомились с Надин. Потом расскажите обо всем, что произошло со дня вашего знакомства и по настоящее время.

Айрис Педрик несколько секунд молча кусала нижнюю губу, потом покорно вздохнула и разжала руки.

— Мы познакомились здесь, в магазине. Мне была нужна на несколько дней помощница, и она первой откликнулась на объявление.

— Когда это случилось?

— Около шести месяцев назад. Мы почти сразу же стали подругами... рассказывали друг другу обо всем. Сами знаете, как бывает в таких случаях. Слово за слово, и когда она узнала, что у меня есть друг, то предложила воспользоваться своей квартирой для встреч. Мой муж давно болеет, — продолжала Айрис Педрик. — Уже несколько лет. Я... если бы он был здоров, у меня не было бы никакого друга.

— Я всего-навсего фараон, миссис Педрик, — покачал я головой, — а не судья.

— Короче, я позвонила другу, и мы в тот же день после обеда отправились на квартиру к Надин. С того дня мы часто ходили туда... по крайней мере, два-три раза в неделю.

— И это продолжалось до вчерашнего дня? В последний раз вы приходили на квартиру к Надин Эллисон вчера после обеда?

— Да.

— И всегда с одним и тем же мужчиной?

— Да, всегда с одним и тем же.

— Как его зовут?

— Вам необходимо знать его имя?

— Да.

— Дайсер, — с тяжелым вздохом ответила Айрис. — Эдди Дайсер.
 — Где я могу его найти?
 — Он работает барменом через дорогу. В «Хи-Ло».
 Я достал блокнот.
 — Мисс Эллисон, похоже, была очень отзывчивой девушкой, — заметил я. — И не только по отношению к вам.
 — Вы имеете в виду, что она многим сдавала свою квартиру?
 — Да.
 — Я ей платила, — сообщила Айрис Педрик. — После первых двух-трех визитов Надин начала намекать, что неплохо бы получать за это деньги. Конечно, мы доставляли ей определенные неудобства... и я ценила ее доброту.
 — Сколько она с вас брала?
 — Первые несколько раз по пять долларов, потом подняла ставку до десяти.
 — А сколько времени квартира находилась в вашем распоряжении?
 — Обычно час или два. Иногда даже меньше. Все зависело от того, когда к ней должны были прийти следующие гости.
 — С других она брала, примерно, столько же?
 — Не знаю. Она мне никогда не рассказывала, сколько ей платят другие.
 — Надин Эллисон где-нибудь еще работала, миссис Педрик?
 — Не думаю.
 — А вам не кажется, что десять долларов за один-два часа уединения довольно высокая цена?
 — Деньги здесь — не самое главное, — покачала головой Айрис Педрик. — Я просто не могла рисковать, а на квартире у Надин я была в полной безопасности.
 — Что она вам рассказывала о себе? — поинтересовался я.
 — Очень мало.
 — А мне показалось, будто вы сказали, что были близкими подругами и доверяли друг другу тайны.
 — Да, говорила. Только боюсь, я ей рассказывала о себе намного больше, чем она — о себе.
 — Мисс Эллисон вам когда-нибудь рассказывала о том, что пела в танцевальных ансамблях на Западном Побережье?
 — Нет.
 — Никогда не говорила о музыке и музыкантах?
 — По-моему, нет. — Айрис Педрик озадаченно посмотрела на меня. — Знаете, это очень странно. Я отчетливо помню, что Надин говорила, будто всегда хотела побывать в Калифорнии. Она рассказывала, что относится к тем людям, которые ни разу в жизни не бывали западнее Джерси, и что ей всегда хотелось посмотреть, как выглядит остальная страна.
 — Вы знаете, откуда она?
 — Она никогда не говорила об этом, но из ее слов я поняла, что она родилась здесь, в Нью-Йорке.
 — Вы знакомы с ее мужем?
 — Я и не знала, что у нее есть муж.
 — Когда Надин сдавала вам свою квартиру, она оставляла дверь открытой или давала вам ключ?
 — Сначала я звонила ей, чтобы узнать, свободна ли квартира. Потом приходила. Надин давала мне ключ и уходила.
 — Вы со своим другом приходили туда вместе?

— Нет. Отдельно.
 — А как вы возвращали ключ Надин?
 — Кто-то из нас встречался с ней в условленном месте в условленное время и возвращал ключ.
 — А вы когда-нибудь встречались с другими клиентами Надин Эллисон?
 — Нет.
 — Все это очень важно, миссис Педрик.
 — Я это поняла.
 — Что-нибудь можете сказать о друзьях Надин, о ее родственниках? Она когда-нибудь говорила о них?
 — Нет.
 — В это трудно поверить, — покачал я головой. — Вы хотите сказать, что за все время вашего знакомства она никогда не...
 — Я говорю вам правду, — перебила меня миссис Педрик.
 — Вы знаете человека по имени Марти? Он — друг Надин.
 — Марти? Нет, кажется, не знаю.
 — А Клиффорда?
 Она на несколько секунд задумалась, потом покачала головой.
 — Придется сообщить вам, что Надин Эллисон мертва, — неожиданно произнес я. — Ее убили.
 Эти слова произвели на Айрис Педрик примерно такой же эффект, как если бы я назвал ее самым оскорбительным именем, которое только можно придумать. Она отпрянула от меня с искаженным от ужаса лицом, в глазах, пристально вглядывающихся в мои, застыла мольба.
 — Надин? — прошептала Айрис. — Надин убита? Этого просто не может быть. Кто ее убил?
 — Это я и пытаюсь выяснить, — ответил я. — Мне не хочется задавать этот вопрос, но я вынужден это сделать. Вы не знаете, кто бы мог желать ее смерти?
 Плечи Айрис подавленно опустились.
 — Нет. Не могу даже представить, что кто-то мог не любить ее и желать ей смерти.
 — Она когда-нибудь жаловалась на неприятности?
 — Нет, никогда.
 — Говорила когда-нибудь об угрозах?
 — О Боже, нет! Кто мог угрожать такой девушке, как Надин?
 — Хотел бы я знать. Если бы я знал, кто, то у меня мог бы появиться хоть какой-то след, ведущий к ее убийце. — Я ненадолго замолчал. — А сейчас попытайтесь вспомнить, миссис Педрик, хоть что-то, имеющее пусть даже отдаленное отношение к этому убийству. Ну, скажем, вы могли что-то слышать или видеть, но это показалось вам тогда пустяком. Буду благодарен за любую информацию о Надин Эллисон.
 — Нет... разве вот только история с воров...
 — С воров?
 — Но это произошло довольно давно. Думаете, это важно?
 — Не просто думаю, а уверен!
 — Ну, это произошло, когда я целую ночь провела на квартире у Надин. Мой друг...
 — Вы провели там целую ночь?
 — Да. Надин куда-то уехала на уикенд и предложила нам оставаться у нее на квартире хоть всю ночь.
 — Одну минуту, — остановил я ее. — Когда это было?

— Около трех недель назад. Нет, наверное, почти месяц. Около трех часов Эдди пришлось уйти, а я осталась в постели. Не знаю, сколько точно времени прошло после его ухода. Внезапно я проснулась и увидела человека. Сначала я подумала, что это Эдди. Было темно, и я решила включить свет и что-нибудь сказать, но тут же поняла, что у него маленький фонарик и слишком широкие для Эдди плечи. Я... я была в таком ужасе, что не могла даже закричать.

— Как выглядел этот человек?

— Я не видела его лица. Единственное, что могла разглядеть в темноте, это очертания фигуры. Наверное, я все-таки зашумела, потому что он внезапно развернулся и бросился к кровати. Направил фонарик прямо мне в лицо, и с той минуты я вообще ничего не могла увидеть. Луч фонарика ослепил меня.

— Что произошло дальше?

— Он быстро двинулся к кровати, держа в другой руке какой-то нож. Я заметила его, потому что на него упал луч света, и он блеснул. Потом он поднял нож над головой, и я поняла, что он собирается...

— Что его остановило?

— Не знаю. Я была парализована от ужаса.

— Вы хотите сказать, что он просто поднял нож или что там у него было в руке, подержал какое-то время над головой, потом опустил и ушел?

— Он стоял у кровати, наверное, с полминуты. Он был... ну, знаете, что-то типа бормотал про себя.

— Что он сказал?

— Не знаю. Говорил он не по-английски.

— А вы не знаете, какой это был язык?

— Насколько я могу судить, какой-то из славянских.

— Не могли бы вы сказать хотя бы немного поточнее? Славян очень много, и они живут на огромных территориях.

— Простите, — извинилась миссис Педрик, — но больше я ничем не могу вам помочь. Я не разбираюсь в языках, мистер Селби. И даже если бы разбиралась, то в ту минуту я была не в том состоянии и настроении, чтобы выяснять, на каком языке он говорит. — Она сделала небольшую паузу. — У меня сложилось впечатление, что он удивлен и... не знаю, как это еще по-другому назвать... чем-то разочарован. Я едва могла дышать от страха, лежала и думала, как жалко, что я не могу произвести ни звука и не могу предложить ему взять все, что он захочет, а меня оставить в покое.

— А вам не пришло в голову, что он был удивлен и разочарован потому, что ожидал найти в постели Надин, а вместо нее неожиданно увидел вас?

— Вы хотите сказать, что он мог прийти, чтобы убить ее?

— Это возможно.

— Господи, я боюсь даже подумать, что могло бы произойти, если бы он не направил на меня свой фонарик!

— Об этом страшно даже думать, верно, — согласился я. — Что он сделал после того, как полминуты простоял у кровати? Просто вышел из комнаты?

— Да. Прошло добрых пять минут, прежде чем я перестала дрожать, встала и подставила под дверную ручку стул, чтобы ее нельзя было открыть.

— Наверное, вы не обратились в полицию, поскольку боялись, что могли выплыть наружу ваши отношения с Эдди Дайсером.

— Естественно, я боялась этого.

— Как отреагировала Надин на ночное происшествие?

— Она просто не поверила. Из квартиры ничего не исчезло. Все оставалось на месте, никаких следов взлома... поэтому Надин подумала, что мне приснился какой-то кошмар.

— А она не могла быть права насчет того, что это был кошмар?

— Не могла. Это исключено, мистер Селби, — напряженным голосом ответила Айрис Педрик. — Абсолютно исключено.

— У Надин были сережки с сапфирами, — сказал я. — Вы их видели?

— Конечно, она постоянно их носила.

— Не знаете, настоящие были камни или фальшивые?

— Знаю. Так уж получилось, что я разбираюсь в драгоценных камнях. В сережках Надин были настоящие сапфиры.

— Дорогие?

— Очень. Я никогда внимательно их не разглядывала, но думаю, они стоили около двух тысяч. Помню, когда она пришла по объявлению о работе, я еще удивилась, как девушка с такими дорогими серьгами не продаст их, а собирается работать за те жалкие гроши, которые я могу ей предложить.

Я достал снимок Надин и Марти и положил перед ней на стойку.

— Когда-нибудь видели его раньше?

— Эта фотография, кажется, из ее зеркала?

— Да. Что скажете насчет мужчины? Вы его не узнали?

— Узнала. По крайней мере, я думаю, что это тот же самый мужчина.

— Знаете, как его зовут?

— Нет, этого я вам сказать не могу. Но думаю, что это тот же самый человек, который... — Она замолчала.

— Тот же самый мужчина, который что, миссис Педрик? — уточнил я.

— Думаю, я видела его однажды в «Хи-Ло», — с неохотой ответила Айрис Педрик. — Мистер Селби?

— Да?

— Вам необходимо встречаться с Эдди?

— Да.

— Очень жаль.

— Почему?

— Он... Ну, у него очень вспыльчивый характер. Он может рассердиться на меня, если вы сделаете ему что-нибудь плохое.

Я сунул снимок с Надин и Марти в карман и направился к двери, бросив на прощание:

— Я не упомяну вашего имени.

Глава 5

«Хи-Ло» относился к числу тех баров, в которые приходит рабочий люд. Располагался он в маленьком узком здании с выкрашенным в черный цвет большим окном на фасаде.

Я вошел в прохладный полумрак и сел на ближний к выходу стул. За исключением меня, бармена и одинокой леди у стойки, в баре никого не было.

Бармен, мощного телосложения, с квадратным лицом и резкими чертами, закончил пересчитывать пригоршню жетонов, аккуратно сложил их около кассы и направился к моему концу стойки.

— Да, сэр? — обратился он ко мне. — Что будете заказывать?

— стакан воды.

— Ну и клоуны, — едва слышно пробормотал бармен. — Чистой?
 — С кубиком льда, — сказал я и показал ему свой значок.
 Он вздохнул, набрал в стакан воды, бросил кубик льда и сел передо мной.
 — Ну, и что теперь?
 — Вы — Эдди Дайсер?
 — Возможно.
 — Сегодня что-то жарко, — спокойно заметил я. — Слишком жарко, чтобы играть в кошки-мышки.
 Он пожал плечами.
 — Ну, я — Эдди Дайсер. И что дальше?
 Я показал ему снимок Надин Эллисон и Марти и поинтересовался:
 — Знаете этих людей?
 Эдди безо всякого интереса взглянул на фотографию, потом протер стойку бара полотенцем и, наконец, ответил:
 — Кажется, видел в баре. Парня, по крайней мере.
 — Девушку вы тоже видели, — сообщил я ему. — Последние шесть месяцев вы встречались с ней два-три раза в неделю.
 — Ну и трепло, — пробурчал Эдди Дайсер. — Не может держать рот закрытым.
 — Что вы о ней знаете?
 — А чего тут знать? Она — подруга моей подруги. О ней я знаю только одно: она слишком красивая штучка, чтобы быть таким треплом. — Он поставил локти на стойку и наклонился вперед. — Что стряслось?
 — Ничего, что бы вас касалось. Отвечайте просто на мои вопросы.
 — Ну, так задайте хотя бы один.
 — Уже задал. Я спросил, что вы о ней знаете?
 — Послушайте, приятель. Несколько раз я пользовался ее квартирой. Но это все. Если она напелла вам что-то другое, то она большая лгунья, чем я думал.
 — Она часто сюда заходила?
 — Нет. Может, с полдюжины раз. Не больше.
 — Но вы видели ее довольно часто?
 — Как вы сказали — два-три раза в неделю. Однако я никогда с ней особенно не разговаривал. По-настоящему я с ней беседовал только тогда, когда она приходила сюда... но в последний раз она приходила в бар довольно давно.
 — А что скажете насчет парня на фотографии? — спросил я. — Она когда-нибудь приходила сюда с ним?
 — Только и ходила, что с ним. Я никогда не видел ее с кем-то другим.
 — Знаете его?
 — Его зовут Марти, а вот фамилию не знаю.
 — Не подскажите, где я могу его найти?
 — Почему вы не спросите об этом саму Надин?
 — Я спрашиваю вас.
 — Откуда мне знать? Он почти все время молчал. Если хотите знать, он вообще ничего не говорил. Только сидел, потягивал пиво и пялился на ножки Надин. Но они прекрасно ладили. За все платила Надин. Она не разрешала Марти потратить даже десяти центов.
 — Сколько времени сюда приходил Марти?
 — С пару месяцев, наверное. По крайней мере, где-то пару месяцев назад я впервые его увидел.
 — Ладно, — кивнул я и слез со стула. — Если что-нибудь вспомните, позвоните мне в участок. Меня зовут Селби.

— Конечно, шеф, позвоню.
 — То же самое, если Марти заглянет в «Хи-Ло». Если меня не будет на месте, спросите детектива Рейдера. Если не будет и его, оставьте сообщение дежурному. — И я, громко хлопнув дверью, вышел на улицу.

Глава 6

К тому времени, когда я добрался до комнаты детективов, расположенной на втором этаже нашего участка, настенные часы над громкоговорителем показывали без двадцати минут два. Я подошел к своему столу, сел, закурил сигару и принялся за работу.

Сначала я позвонил в Бюро Криминальной Информации и попросил проверить, есть ли у них что-нибудь о Надин Эллисон, Джуди Баумэн, Айрис Педрик и Эдди Дайсере. Ожидая ответного звонка, чтобы не терять зря время, позвонил дежурному сержанту и поинтересовался, нет ли у него информации о каких-нибудь домушниках или сексуальных маньяках? Мне казалось, что в этом деле существуют некоторые нюансы, которые не исключают наличие сексуальных мотивов, и я хотел проверить все версии.

Дежурный не слышал ни о каких домушниках. У него, правда, был один сексуальный маньяк, но этого типа засадили за решетку еще вчера после обеда, и с тех пор он не выходил из камеры.

Продолжая ждать звонка, я проверил рапорты об арестах и отчеты о необычных происшествиях, но не нашел ничего интересного для себя. Сегодняшнее утро ничем не отличалось от других. Было совершено обычное количество арестов, произошло обычное количество происшествий, но ни одно из них не было связано с убийством Надин Эллисон.

Наконец, телефон зазвонил. Это был Милт Фарелл, детектив из БКИ, занимающийся проверками.

— Только закончил, Пит, — сообщил он. — Извини, что так долго, но пришлось несколько раз звонить по межгороду.

— Ничего страшного. Что у тебя для меня есть, Милт?

— Сначала я тебе лучше расскажу, чего у меня для тебя нет. У меня ничего нет на Джуди Баумэн, Айрис Педрик и Эдди Дайсера. Зато на Надин Эллисон у нас имеется много информации.

Я взял карандаш и попросил:

— Диктуй.

— Мог бы и предупредить, что девушка была замужем, Пит. Это бы значительно облегчило поиски.

— Я и не знал, что она была замужем.

— Была, дружище. И если хочешь совет, немедленно объявляй ее благоверного в розыск.

— Почему?

— Главным образом потому, что он пару раз пытался убить ее. Может, на этот раз ему повезло.

— Когда все это было?

— Чуть больше года назад.

— Здесь, в Нью-Йорке?

— Нет, в Сент-Луисе. Они оба оттуда. Я нашел справку из Сент-Луиса. Парня разыскивали за то, что он забил кого-то в драке до смерти. Ребята из Сент-Луиса думали, что он мог двинуться к нам, в Нью-Йорк, потому что здесь была его жена.

— Драка имела какое-нибудь отношение к Надин?

— Нет. Она произошла значительно позже отъезда Надин. Похоже, этому парню нравятся просто колотить людей.

— А что с покушениями на жизнь Надин Эллисон?

— Им так и не удалось доказать, что он пытался ее убить, но именно это он и пытался сделать. Парень дважды сильно избивал ее, и оба раза прохожие в самый последний момент успевали его оттащить.

— Мне кажется, тебе лучше рассказать все с самого начала, — попросил я.

— Хорошо, Пит. Пару минут назад я как раз закончил разговаривать с сент-луисской полицией. Они рассказали, что Надин и ее муж оба сироты и что они познакомились на каком-то вечере — встрече выпускников приюта. В общем, они поженились, и все шло прекрасно до тех пор, пока у Надин не родился ребенок. После родов у них у обоих практически поехала крыша. Особенно у мужа. Он просто сошел с ума в самом прямом смысле этого слова.

— Как это?

— Потерпи минуту, и я тебе все расскажу. Они отдыхали в каком-то рыбацком домике где-то далеко за городом, и неожиданно у Надин начались схватки. Надин родила ребенка прямо в сарае.

— Согласен, не очень веселые роды, — согласился я, — но такое происходит сплошь и рядом, Милт. Хочешь сказать, что такого пустяка оказалось достаточно для того, чтобы...

— Дело не в том, в каких условиях происходили роды, а в том, какой у Надин родился ребенок, — перебил меня Милт.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она родила не нормального ребенка, Пит, а монголоидного идиота. Господи, представь, что ей пришлось пережить. Они находятся где-то у черта на куличках, она кое-как рождает, и вдруг выясняется, что это вовсе не ребенок. Вернее, ребенок, но ненормальный. Она смотрит на него и видит, что родила чудовище. Это их и потрясло, наверное. Черт побери, от такой штуки у кого угодно крыша поедет. Так вот, у мужа крыша поехала прямо на месте. Сент-луисцы сказали, что он всегда был довольно глупым парнем и, естественно, подумал, что отцом ребенка является не он, а человек, похожий на бедняжку. Она испугалась, что он собирается убить ее прямо там, на месте.

— Ну и ну, — потрясенно пробормотал я. — И что было дальше?

— Я тебе только что сказал. Муж сошел с ума. Какое-то время он бегал кругами, потом помчался по дороге и оставил ее в домике. Она пролежала там одна всю ночь. К тому времени, когда на следующий день кто-то проехал мимо и взял ее с собой, ребенок умер.

— Как зовут мужа, Милт? Только имя и фамилия полностью.

— Бартон С. Эллисон. Все зовут его Бартом.

— И ты говоришь, Надин перенесла это тоже довольно тяжело?

— Да, для нее это тоже оказалось сильным потрясением. Целый месяц лежала в больнице, приходила в себя. Сент-луисцы говорят, что у нее была какая-то серьезная психическая травма. Не ела, ни с кем не говорила, лежала с закрытыми глазами.

— А что случилось с Бартом?

— Барт исчез. Впервые он объявился, когда напал на Надин на улице около ее дома и попытался убить голыми руками. Это произошло примерно через месяц после того, как она выписалась из больницы.

— Его посадили?

— Нет. Он вырвался от прохожих, которые оттащили его от нее, и вновь пустился в бег.

— А как произошла вторая попытка покушения?

— Практически аналогичное повторение первой, Пит. Только на этот раз он поджидал ее у кинотеатра.

— И ребята из Сент-Луиса думают, что он может по-прежнему охотиться за ней?

— Не просто думают, а уверены. Они утверждают, что у парня единственное желание в жизни — убить бывшую жену. Он стал самым настоящим сумасшедшим.

— Как он выглядит?

— В словесном портрете написано, что ему двадцать шесть лет, рост — пять футов одиннадцать дюймов, каштановые волосы, на правом запястье, внутри, шрам в форме буквы «V», а на правом плече вытатуирована танцующая женщина.

— И это все? — недовольно поинтересовался я. — Черт побери, Милт, в Нью-Йорке можно найти, по крайней мере, полмиллиона мужчин, которые...

— Знаю, — прервал он меня, — но это все, что сумели раскопать в Сент-Луисе. Им даже не удалось найти его взрослую фотографию. Только пара детских снимков, когда он был еще в приюте.

— Как насчет ФБР?

— Глухо. Парень не служил в армии, никогда не арестовывался, у него ни разу не брали отпечатки пальцев. — Милт замолчал и добавил через несколько секунд: — Шрам и татуировка могут помочь.

— Конечно, — с сарказмом согласился я, — если только он будет разгуливать по городу без рубашки и с вывернутым наружу правым запястьем, чтобы показывать всем шрам и татуировку.

— Не сердись, приятель. Немного все равно лучше, чем ничего. Зато у меня есть кое-что о Надин. Пару дней назад она участвовала в маленькой потасовке. Судя по всему, она с другом подралась с водителем такси. У них возник какой-то спор по поводу платы за проезд. Водитель позвал фараона, и тому удалось все уладить, не забирая никого в участок. Но он на всякий случай записал их фамилии и написал рапорт о происшествии.

— Как звали ее друга?

— Подожди секундочку, пока я снова найду эту чертову бумажку... Ага, вот она. Друга звали Мартином Хатчинсом.

Мартин, подумал я, если коротко, то просто «Марти».

— У тебя есть его адрес, Милт? — спокойно осведомился я.

— Это единственное, что у меня еще есть. 923, Бетюн-стрит. Я записал фамилию и адрес в блокнот.

— Что-нибудь еще, Милт?

— Нет, больше ничего. Мой тебе совет, лучше побыстрее объяви Барта Эллисона в розыск. Десять против одного, что он и есть твой убийца.

— Я так и сделаю. Спасибо, Милт.

— Не за что, — ответил Фаррел и положил трубку.

Потом я позвонил в Бюро Связи, продиктовал описание Барта Эллисона и попросил, чтобы они передали его приметы по радио и организовали охоту по всему городу. Скавав «по всему городу», тут же передумал и сказал, чтобы передали о розыске Барта по телетайпу в тринадцать соседних штатов и округ Колумбия. Ребята немного поворчали по поводу не очень ясных примет, но тут помочь им я ничем не мог.

После разговора с ними я позвонил в Центральное управление начальнику городского отдела детективов и попросил послать пятьдесят детективов на весь рабочий день в район, где жила Надин Эллисон, чтобы они как можно больше узнали о ее друзьях и знакомых и особенно постарались выяснить, кто мог пользоваться ее квартирой для любовных свиданий. Старшим попросил назначить Фрэнка Войса, опытного полицей-

ского. Я буду поддерживать связь только с Фрэнком. Главная их задача — сбор информации о Надин Эллисон, а не расследование убийства. У каждого детектива должна быть фотография Надин, и каждый детектив должен будет очень внимательно следить за реакцией людей, которых будет расспрашивать о Надин и которым будет показывать ее фотографию.

Передав все детали, я положил трубку, затем разрезал ножницами фотографию, разделив Надин и Марти, положил половинку Надин в конверт, написал на нем ее и мою фамилию, а половинку с Марти сунул в бумажник.

Наконец, я сделал последний звонок, Стэну Рейдеру, чтобы сообщить о пятидесяти детективах под командой Фрэнка Войса. Еще я рассказал, что сейчас у нас имеется не только фамилия и адрес дружка Надин, Марти Хатчинса, но также и совершенно новый, чуть ли не стопроцентный подозреваемый в лице ее мужа.

Я попрощался со Стэном, взял конверт с фотографией Надин Эллисон и пошел вниз, чтобы оставить его на столе у дежурного и нанести визит другу Надин, Мартину Хатчинсу.

Глава 7

В доме номер 923 по Бетюн-стрит располагались меблированные комнаты. Я поднялся на третий этаж и постучал в дверь передней квартиры, в которой, если верить списку жильцов, висящему рядом с почтовым ящиком в крошечном вестибюле внизу, жил Мартин Хатчинс.

Ответа не последовало. Я постучал второй раз и уже собрался было стучать в третий, когда услышал скрип кроватных пружин и звуки тяжелых шагов, направляющихся по голому деревянному полу к двери.

Дверь открыл широкоплечий клинообразный мужчина с узкой талией и практически без бедер. Темные волосы были взлохмачены, глаза налились кровью, усталое лицо с пятнами щетины блестело от пота. На нем была слегка грязная белая тенниска, новые, если судить по виду, брюки из бумажного твида и начищенные до блеска темно-коричневые туфли.

Он посмотрел на меня, скорчил недовольную гримасу и начал закрывать дверь.

— Нет. Что бы у вас ни было, мне это не нужно.

Я схватил дверь рукой, показал ему свою бляху и представился:

— Полиция, мистер Хатчинс. Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Так быстро? — недовольно буркнул Хатчинс и отошел в сторону, давая мне пройти. — А я-то надеялся, что вы хоть немного подождете.

Я закрыл за собой дверь, сел и представился:

— Селби. Детектив из Шестого участка.

— А я-то надеялся, что вы разрешите мне хоть помереть спокойно, — заявил Марти Хатчинс. — Ну, у меня и голова раскалывается, черт возьми!

— Вы ждали меня? — слегка удивленно поинтересовался я.

— Ну, конечно, — кивнул Марти и потянулся к бутылке. — Время принимать лекарство. Хотите немного выпить?

— Нет, спасибо, — покачал я головой. — А почему вы ждали полицию, мистер Хатчинс?

— Услышал по радио, — сказал он, кивая на радио, стоящее на комод. — Передали, примерно, полчаса назад.

— О чем услышали? — невозмутимо осведомился я.

— О Надин, о чем же еще! — ответил Марти Хатчинс и удивленно нахмурился.

— И что передали о ней по радио, мистер Хатчинс?

— Немного. Только то, что она мертва.

— И какие чувства вызвала у вас эта новость?

— Я очень огорчен тем, что ее убили, и сильно переживаю.

— Вы знаете кого-нибудь по имени или фамилии Клиффорд? — неожиданно спросил я. — И если не знаете, то, может, в курсе, не была ли знакома с таким человеком Надин?

— Клиффорд?.. Нет, уверен, что не знаю. О Надин не могу сказать.

— Мне говорили, что вы были другом миссис Эллисон, — заметил я.

— Миссис Эллисон?

— Вы не знали, что она была замужем?

— Конечно, не знал, черт побери! — пробурчал Марти. — Чтоб мне провалиться!

— А когда вы с ней познакомились?

— Около двух месяцев назад. Почти сразу же после приезда в Нью-Йорк.

— А вы сами откуда?

— Из Флориды. — Марти Хатчинс изумленно покачал головой. — Значит, все это время девочка была замужем. Ну и дела!

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Вчера утром, часов в десять.

— Значит, вы не видели ее с десяти часов вчерашнего утра?

— Честно говоря, я о ней даже не думал после утренней встречи. Дело в том, что я познакомился в Уэверли с одной малышкой, которая заставила меня позабыть об остальных девчонках. Наверное, можно сказать, что я был слишком занят, чтобы вспоминать о Надин.

— А где вы работаете?

— В данный момент нигде. Я собрал немного денег перед тем, как отправиться на Север, но они здесь исчезают со страшной скоростью. Вот уж не думал, что в Нью-Йорке такая дорогая жизнь.

— Вы знали, что Надин устраивает свидания у себя на квартире?

— Что?!

— Не старайтесь выгадать время, Хатчинс. Она сдавала свою квартиру влюбленным парочкам, которые хотели поваляться в постели часок-другой. Вы прекрасно это знаете.

Мартин Хатчинс удивленно покачал головой.

— Впервые слышу. Это для меня полный сюрприз.

— Бросьте притворяться, Хатчинс.

— Я вам говорю правду, клянусь Богом! Я ничего не знал ни о каких свиданиях.

— И вы надеетесь, что я вам поверю?

— С какой стати мне надеяться, что вы вообще во что-то поверите? Я вам просто рассказываю, как обстояли дела.

— Где вы познакомились с Надин?

— В баре. А потом начали встречаться регулярно. Сначала я, правда, думал, что она попытается раскрутить меня, но Надин ни разу даже не заикнулась о деньгах. Она даже не позволяла мне тратить деньги на нее.

— А Надин встречалась еще с кем-нибудь, кроме вас?

— Нет, насколько я знаю. Во всяком случае, она мне сама говорила, что ни с кем, кроме меня, не встречается.

— Она нигде не работала, Хатчинс, и тем не менее у нее всегда водились деньги. Неужели вы не спрашивали себя, откуда она их берет?

— Я не знал, где она их берет, и сейчас этого не знаю. Этот бизнес насчет сдачи квартиры парочкам — полнейшая для меня неожиданность.

— На ней были сережки с сапфирами, когда вы видели ее вчера утром?

— Сережки? — переспросил Хатчинс. — Черт, что-то не помню.

— Когда вы их видели на ней в последний раз? — спросил я.

— Спросите что-нибудь полегче, — пожал плечами Марти Хатчинс. — Честно говоря, я никогда не обращал на них особого внимания.

— Их могли украсть.

Налитые кровью глаза Хатчинса посуровели.

— Только не я, черт побери! — рассердился он. — За всю жизнь я ни у кого ничего не украл.

— Я вас обвинил в чем-нибудь, Хатчинс?

— Нет, но вы говорите таким тоном, будто обвиняете. Если вы не намекаете на то, что я убил ее и украл сережки, то тогда чем же вы сейчас занимаетесь?

— Пытаюсь получить ответы на интересующие меня вопросы. Сережки Надин пропали. Если они были на ней вчера утром, это скорее всего должно означать...

— Постойте-ка минуту! Вы хотите сказать, что кто-то украл их после ее смерти?

— Думаю, это не исключено. Вы не знаете, у нее был блокнот с адресами?

— Конечно, был. По-моему, у всех есть блокноты с адресами.

— Мы не нашли его.

— А вы не смотрели в ящике для рыболовных снастей? — спросил Хатчинс.

— Где-где?

— В ящике для рыболовных снастей. Она использовала его как... сейф. Прянула туда все ценное и запирала на большой амбарный замок.

— Где она его держала?

— В самом нижнем ящике комода. Вы хотите сказать, что не нашли его?

— Нет, не нашли.

— Не знаю, куда он делся, но блокнот с адресами она держала в нем. Я много раз видел, как она его доставала из этого ящика. Она постоянно что-то прятала туда и доставала.

— Что еще она там хранила, кроме блокнота с адресами?

— Все. Чеки, письма, деньги, дешевые драгоценности... короче, все.

Теперь мне стало ясно, почему обыск Стэна Рейдера ничего не дал, и он не нашел даже старого чека об уплате квартплаты. Человек, который взял у Надин Эллисон сережки, скорее всего одновременно прихватил с собой и сейф.

— Откуда вы знаете, что драгоценности были дешевыми? — спросил я.

— Она сама говорила. Как-то сказала, что единственные настоящие дорогие драгоценности — серьги с сапфирами, которые она носила. — Марти пожал плечами. — Что касается меня, я никогда к ним не присматривался.

— Как выглядел этот ящик? — осведомился я.

— Как обычный ящик для рыболовных снастей.

— Большой?

— Довольно большой. Примерно, один фут в ширину и три в длину, а может, побольше.

— Да, по-моему, чересчур большой, чтобы девушка могла использовать его в качестве сейфа. А какого он цвета?

— Какого-то серого.

— Она вам никогда не говорила, есть ли там что-нибудь по-настоящему ценное?

— Нет, не говорила. Когда я подшучивал по поводу размеров ящика, Надин начинала злиться.

— Она никогда не намекала, что опасается за свою жизнь?

— Нет, — покачал головой Марти. — Ничего подобного не было.

— Вы сказали, что можете доказать, где провели прошлую ночь...

— Я этого не говорил, но доказать могу. Хотя я не собираюсь это доказывать без крайней необходимости.

— Почему?

— Потому что могу повредить чести леди.

— Вы хотите сказать, что провели ночь с женщиной?

— Правильно, но я не собираюсь говорить, с какой именно.

— Вы отказываетесь называть ее имя из рыцарских побуждений, Хатчинс?

— Можете называть это как угодно.

— Это та самая женщина, с которой вы познакомились вчера утром в Уэверли?

— Я ничего о ней не скажу.

— Мне жалко это слышать, — печально вздохнул я. — Значит, придется забрать вас в участок и там начать все сначала.

— Вы собираетесь арестовать меня? — спросил Марти.

— Нет, я собираюсь поступить с вами еще лучше. Задержу вас как главного свидетеля.

— Что это означает?

— Это означает то, что вы не сможете выйти на свободу под залог, у вас не будет никакого адвоката, вообще ничего.

— И сколько вы можете держать меня как главного свидетеля?

— Пока дело не передадут в суд. Ну, скажем, шесть месяцев.

— Это невозможно. Вы обманываете меня. — Марти долго смотрел на меня, потом из его горла вырвался негромкий, полный презрения звук. — Да, пожалуй, вы и на это пойдете, — медленно произнес он и тихо добавил: — Ее зовут Илейн Уолтон. Она снимает номер в отеле «Лейтон», что на Западной Четвертой.

— И вы провели с ней всю ночь?

— Да, черт побери, всю ночь!

— Во сколько ушли?

— В полдень.

— Прекрасно, — кивнул я. — Надевайте рубашку, Хатчинс. В некоторых отелях — строгие правила, и туда не пускают в майках.

— Вы хотите сказать, что собираетесь повезти меня туда с собой? — недоверчиво поинтересовался он.

— Не вижу иного способа помешать вам предупредить девушку по телефону, стоит мне только выйти за порог, — кивнул я. — Побыстрее надевайте рубашку.

— Послушай, фараон!

— Надевайте рубашку, Хатчинс, — повторил я, вставая. — И запомните, меня зовут Селби.

...Через сорок минут я остановил свой «плимут» перед домом Марти Хатчинса, и он вышел на тротуар, сердито приговаривая:

— Теперь, надеюсь, вы довольны. Навсегда рассорили меня с девушкой. Не может быть, чтобы вы не понимали этого. Теперь она даже не захочет слышать обо мне.

— Простите, Хатчинс, — извинился я, трогаясь с места. — Но без этого никак нельзя было обойтись.

Я влился в поток машин, на следующем углу свернул направо и поехал в участок, где меня уже ждал Стэн Рейдер.

Он сидел за своим столом и яростно тархтел на «ундervуде», глядя на лист бумаги со смешанными чувствами удивления и неприязни. Удивление никогда не покидало его лица, а ко всякой бумажной работе он питал сильную неприязнь.

— Привет, Пит, — поздоровался он и кивнул, пока я выдвигал свой стул и усаживался. — Как дела?

— Идут, но медленно, — сообщил я. — А у тебя ничего нового не произошло после нашего с тобой разговора по телефону?

— Нет, черт побери, мы так ничего и не выяснили. — Он достал из машинки рапорт, сложил и сунул под угол прибора для промокания. — Что узнал у дружка Надин?

— Он чист, — ответил я и рассказал о своих беседе с Марти Хатчинсом и встрече с Илейн Уолтон.

— Этот Хатчинс похож на настоящего супермена, — заметил Стэн. — Одна красотка по имени Надин Эллисон оплачивает все его счета, вторая помогает коротать ночи, проведенные не с Надин. — Он задумался на пару секунд и спросил: — Интересно, как Фрэнк Войс управляется со своими пятьюдесятью детективами, вооруженными фотографиями Надин? Готов поспорить, если бы у нас было больше сведений о муже Надин, то мы смогли бы мигом раскрыть это убийство.

— Ты настолько уверен, что Барт Эллисон и есть убийца?

— Настолько, что мне даже не хочется быть еще увереннее.

— Мы уже объявили розыск Барта, — кивнул я. — Пока это все, что мы можем сделать.

— Жалко, что у нас нет даже его примет. Если бы мы знали больше о его привычках и увлечениях, о том, как он любит развлекаться, то смогли бы быстро его найти и взять. А у меня есть для тебя маленькая новость. Помнишь, ты просил достать в телефонной компании список пригородных или междугородных номеров, по которым звонила Надин?

— Они дали список?

Рейдер кивнул.

— Примерно, за пять минут до твоего возвращения, — сказал он. — Всего четыре таких звонка, Пит... и все по одному и тому же номеру.

— Кому она звонила?

— Если бы я не был так уверен в том, что Надин убил Барт Эллисон, то был бы еще увереннее, что убийца — доктор Клиффорд Кэмпбелл, которому она и звонила все четыре раза.

— Нам остается только надеяться, что это и есть тот самый Клиффорд, которому она угрожала по телефону, — заметил я. — Где он живет?

— В Скарсдейле. — Стэн достал из-под промокашки рапорт. — Я собрал кое-какую информацию по этому Кэмпбеллу, пока ждал твоего возвращения. Он — нейрохирург, причем довольно известный. Работает в больнице «Букенен Мемориал».

— А где он принимает пациентов?

— В «Уоррисон Билдинг». Знаешь, где оно находится?

Я кивнул.

— Недалеко от Лекса на Пятьдесят первой.

— Когда я сказал, что он живет в Скарсдейле, то имел в виду, что там находится его дом, а не то, что он там все время живет в буквальном смысле. У него еще есть квартира в «Уоррисоне», примыкающая к кабинету, в котором он ведет прием.

— Когда Надин Эллисон звонила в Скарсдейл?

— Телефонная компания не может сказать, в какое время дня, но все звонки были сделаны позавчера.

— Как раз в тот день, когда соседка Надин, Джуди Баумэн, слышала, как Надин ругалась и угрожала какому-то человеку по имени Клиффорд.

— Говоришь, этот доктор Кэмпбелл пользуется большим авторитетом в медицинском мире?

— Я спросил о нем пару наших доков из отдела судмедэксперта. Оба ответили, что Клиффорд Кэмпбелл один из лучших специалистов в области нейрохирургии. К тому же в «Букенен Мемориал» работают самые лучшие доктора. Все это знают.

— Мне очень не хочется отрывать тебя от пишущей машинки.

— Ничего, как-нибудь переживу разлуку, — весело ответил Стэн. — Хочешь, я сначала ему позвоню?

— Нет, — покачал я головой и отодвинул стул. — Всегда лучше застать жертву врасплох.

Глава 8

— Да, здесь точно не клетка для кроликов, — заметил Стэн Рейдер в приемной доктора Клиффорда, когда мы с ним направились к столу, за которым сидела медицинская сестра. — Сдается мне, что нейрохирургия приносит хороший доход.

— Да? — сухо поинтересовалась сестра.

Я вытащил бумажник, показал ей полицейский значок и представился:

— Полиция. Мы хотели бы поговорить с доктором Кэмпбеллом.

Девушка посмотрела на полицейский значок с таким видом, будто это была старая теннисная туфля.

— О чем вы хотели бы с ним поговорить?

— Мы сами ему об этом расскажем, — ответил я.

Сестра неуверенно оглянулась на дверь у себя за спиной и перевела взгляд на аппарат внутренней связи, стоящий на столе.

— Доктор Кэмпбелл очень занят, — наконец, сообщила она. — Я не уверена, что у него есть время для...

Стэн решительно двинулся к двери.

— Кабинет доктора там, мисс?

— Одну секундочку, — торопливо остановила его брюнетка и нажала кнопку на аппарате внутренней связи. — Доктор, к вам пришли двое полицейских. Мне следу... да, сэр. — Она с отвращением посмотрела на меня. — Доктор Кэмпбелл говорит, что вы можете проходить.

— Очень мило с его стороны, — заметил Стэн Рейдер и открыл для меня дверь. — Только после тебя, Пит.

Кабинет оказался меньше приемной и менее официальным. В нем почти не было мебели, только низкий стол из светлого дерева, три таких же стула да стол для осмотра. На письменном столе царил идеальный порядок. Из-за стола вышел мужчина и пожал нам руки. Он оказался моложе, чем я предполагал. Ему было где-то около сорока. Рослый крепкий мужчина с преждевременно поседевшими волосами, решительным красным лицом и очень ровными белыми зубами.

— Добрый день, джентльмены, — поздоровался он. — Я — доктор Кэмпбелл.

— Детектив Селби, — представился я. — А это мой напарник, детектив Рейдер.

— Очень приятно, — кивнул Кэмпбелл. — Пожалуйста, присаживайтесь.

Мы со Стэном сели на стулья, а Кэмпбелл вернулся к столу и сел в кресло.

— Итак, чем могу служить?

— Вы знаете Надин Эллисон, доктор? — спросил я.

Клиффорд Кэмпбелл начал качать головой, потом схватил нижнюю губу большим и указательным пальцем и задумчиво потянул вниз.

— Надин Эллисон? — медленно произнес он. — Гм... Нет, кажется, не знаю такой женщины и никогда не знал. Что я, по-вашему, должен был ответить?

— Может, вы знаете ее под другой фамилией? — предположил я.

— Возможно. Как она выглядит?

Я как можно подробнее описал Надин.

Доктор решительно покачал головой.

— Я почти уверен, что не знаю ее, — сказал он. — Может, мы и встречались на какой-нибудь вечеринке или где-нибудь в обществе, но я с ней не знаком.

— Нет, речь идет не о случайной встрече, — теперь уже покачал головой я.

— Могу я спросить, а в чем, собственно, дело?

— Мы занимаемся расследованием убийства, доктор Кэмпбелл, — объяснил Стэн. — Мисс Эллисон убита.

— Убийство? — переспросил Кэмпбелл. — А я какое имею к этому отношение?

— Нас интересует разговор, который состоялся между вами и Надин Эллисон, — терпеливо объяснил я.

— Кажется, я довольно ясно выразился, мистер Селби. Мне не знакома Надин Эллисон. Как же я мог разговаривать с ней?

— По телефону, — сообщил ему Стэн.

— Нет, — покачал головой Клиффорд Кэмпбелл. — Я не разговаривал с ней ни по телефону, ни другим способом. Говорю вам, я не знаком ни с какой Надин Эллисон.

— Это было позавчера, — помог ему Стэн. — В середине утра.

— Вы уверены насчет времени?

— Да, уверен, — кивнул Рейдер.

— Тогда позвольте мне быть первым, кто разочарует вас, — сказал доктор Кэмпбелл. — Скорее всего, вы вовсе не так уж и непогрешимы, как, похоже, думаете. Позавчера дела сложились так, что меня не было здесь в то время, о котором вы говорите. В тот день я приехал на работу только после обеда. Если меня не обманывает память, это было после трех.

— А где вы были до обеда?

— Дома, — уверенно ответил Кэмпбелл. — Вас это удовлетворяет, мистер Рейдер?

— Вполне, — кивнул Стэн. — Поскольку оттуда вы и говорили с ней по телефону — из своего дома в Скарсдейле.

— Я ни с кем не разговаривал, и, скажу вам откровенно, меня сильно утомила наша беседа... — Кэмпбелл неожиданно замолчал, потом кивнул с таким видом, будто ему пришла в голову какая-то мысль. — Я... а знаете, я действительно разговаривал по телефону тем утром, вернее, не разговаривал, а мне звонили в то утро. Причем, даже не один, а целых четыре раза.

— И все четыре раза звонила Надин Эллисон, — заметил Стэн.

— Нет, — покачал головой Клиффорд Кэмпбелл. — По крайней мере, она не представилась Надин Эллисон.

— А какое имя она использовала? — поинтересовался я.

— Норма... Эдвардс. Да, Норма Эдвардс.

— Вы сказали, что она позвонила вам, но вы не стали с ней разговаривать? Почему?

— Ну, во-первых, я не знаю никакой Нормы Эдвардс. А во-вторых, у меня сложилось впечатление, что кто-то просто балуется по телефону. Такой звонок у меня был впервые. Когда я снял трубку, эта Норма спросила, к доктору ли Клиффорду Кэмпбеллу она попала? А когда я утвердительно ответил, начала обливать меня грязью. Я попытался ос-

тановить ее, но это оказалось невозможно. В конце концов, я сумел вставить, что она, видимо, набрала неправильный номер или перепутала меня с каким-то другим доктором Кэмпбеллом.

— И больше она ни о чем не говорила? — спросил я.

— Не совсем. Она заявила, что я и есть тот самый доктор Кэмпбелл, которому она хотела позвонить, и сказала, что ее зовут Нормой Эдвардс. После чего вновь начала обзывать меня самыми последними словами. Мне это надоело, и я положил трубку. В течение следующих пяти-десяти минут она звонила еще три раза. В конце концов, мне пришлось снять трубку.

— Она вам угрожала, доктор Кэмпбелл? — поинтересовался я.

— Да, — кивнул Клиффорд Кэмпбелл.

— Не могли бы рассказать об угрозах более подробно?

— Чем она мне только не угрожала! Начиная от сломанного носа и кончая адским пламенем.

— Она случайно не упомянула, что вам придется еще очень сильно пожалеть и что вы сукин сын?

— Кажется, миссис Эдвардс пообещала мне и это.

— Почему же она позвонила именно вам? Должна же быть хоть какая-то причина.

— Понятия не имею, — пожал плечами Кэмпбелл.

— Она когда-нибудь звонила вам раньше? — спросил Стэн Рейдер.

— Нет.

— Кроме тех четырех звонков, о которых вы нам рассказали, она больше не объявлялась? — поинтересовался я.

— Нет, к счастью, нет.

В этот момент загудел зуммер внутренней связи, и доктор наклонился, чтобы нажать кнопку.

— Да?

— Пришла миссис Кэмпбелл, сэр, — произнес голос сестры.

Клиффорд Кэмпбелл нахмурился, затем вопросительно посмотрел на меня.

— Это моя жена. У нас намечен ужин с друзьями. Мы скоро закончим?

— Не знаю, — спокойно ответил я.

Доктор помедлил, затем сказал:

— Мисс Хардести, пожалуйста, передайте моей жене, что я выйду сразу же, как только освобожусь.

— Мы хотели бы задать несколько вопросов и вашей супруге. Почему бы не пригласить ее сюда?

— Задать ей несколько вопросов? Но о чем?

— О звонках от Надин Эллисон.

— Но это же смешно! Моя жена о них ничего не знает.

— Мы не задержим ее долго, доктор, — пообещал я. — Попросите ее войти.

Кэмпбелл вновь нажал кнопку на аппарате.

— Попросите мою жену войти, мисс Хардести. Мистер Селби, должен вам заметить, что считаю ваше желание задать моей супруге вопросы крайне нелепым и неуместным. Думаю, мне даже придется написать письмо начальнику полиции.

— И не забудьте подготовить копию для Американской Медицинской Ассоциации, — вставил Стэн Рейдер.

В кабинет вошла совсем еще юная девушка, и я посмотрел на дверь, ожидая, что войдет более зрелая женщина, которая и окажется миссис Кэмпбелл. Но в кабинет больше никто не зашел. Поэтому как только она закрыла дверь и приблизилась к нам, я начал привыкать к мысли, что это и есть миссис Клиффорд Кэмпбелл.

Доктор, я и Стэн тотчас же вскочили на ноги. Миссис Кэмпбелл подошла к мужу, встала на цыпочки и, обняв его за талию, поцеловала в губы. Потом повернулась к нам и улыбнулась.

— Сюзан, эти люди из полиции, — сообщил доктор. — Моя жена, джентльмены.

— Селби, — представился я. — Это мой напарник, детектив Рейдер.

— Что-то случилось, Клиффорд? — спросила девушка и, наклонив головку, улыбнулась ему. — Кто-то из твоих пациентов набедокурил?

— Чей-то пациент точно набедокурил, — хмуро кивнул Кэмпбелл. — Я бы даже сказал, что это психически неуравновешенный пациент.

— Уже поздно, дорогой. — Сюзан бросила взгляд на часы на широком золотом браслете. — Если мы хотим встретиться с Бобом и Пег, чтобы не опоздать на коктейли...

Кэмпбелл смущенно откашлялся и переступил с ноги на ногу.

— Ничего, успеем. — Он сердито посмотрел на меня. — Сюзан, мистер Селби хочет задать тебе один-два вопроса.

Девушка вновь повернулась ко мне.

— Один-два вопроса? — удивилась она. — Мне? Но о чем?

— О том смешном звонке, помнишь, пару дней назад, — объяснил Кэмпбелл. — Я не знаю, почему полиция вообще обратилась к нам за какими-то разъяснениями.

— Что я могу рассказать о такой глупости, как тот странный телефонный звонок?

— Вы не слышали его, миссис Кэмпбелл? — спросил я.

— Слышала, — кивнула Сюзан. — Вернее, слышала только то, что говорил мой муж.

А что? Что в этом разговоре было важного?

— Сколько раз звонила та женщина?

— Одну секунду, Селби, — вмешался доктор Кэмпбелл. — Я не потерплю, чтобы вы...

— Клиффорд! — быстро произнесла девушка, и ее глаза тревожно расширились. —

Что случилось? Почему эти люди...

— Ничего не произошло, Сюзан, — не дал договорить жене Кэмпбелл. — Просто мне не нравится, когда кто-то ведет себя высокомерно.

Девушка убрала свою руку с талии Клиффорда и вопросительно посмотрела на меня.

— Будьте добры, мистер Селби, объясните, в чем дело?

— Я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой вопрос, миссис Кэмпбелл, — покачал я головой. — Сколько еще раз звонила та женщина?

На мгновение Сюзан Кэмпбелл закусила губу и ответила напряженным голосом:

— Три или четыре раза. Кажется, три.

— Вы знаете Надин Эллисон? — спросил Стэн Рейдер.

Она покачала головой.

— Нет, не знаю.

— А Норму Эдвардс? — задал вопрос я.

— Нет, я не знаю и женщины по имени Норма Эдвардс, — ответила жена доктора и гневно покраснела. — Ответьте мне, пожалуйста, что происходит?

— Еще один вопрос, доктор Кэмпбелл, — сказал я. — Где вы находились сегодня между двумя часами ночи и шестью утра?

— Клиффорд, я хочу знать, о чем они говорят! — решительно обратилась к мужу миссис Кэмпбелл. — Почему ты мне ничего не рассказываешь?

— Я был здесь, — ответил доктор, — в нашей квартире рядом с этим кабинетом. Мы с женой ходили в театр, после чего вернулись сюда и легли спать.

— Миссис Кэмпбелл, все было так, как говорит мистер Кэмпбелл? — уточнил Стэн Рейдер.

Щеки девушки залила густая багровая краска, синие глаза почти почернели.

— Конечно! — громко проговорила Сюзан. — Почему вы... — Она неожиданно повернулась и положила руки на плечи Кэмпбелла. — Дорогой, произошло что-то ужасное. Я знаю, что произошло что-то ужасное!

Я поймал выразительный взгляд Стэна и повернулся к двери.

— Пожалуй, это все, — сказал я. — Большое спасибо, доктор Кэмпбелл.

Клиффорд Кэмпбелл даже не посмотрел на меня. Он нежно гладил плечо жены, как отец гладит плечо маленькой дочери.

— Думаю, что Кэмпбелл врет напрапалую, — ответил я.

— Полностью с тобой согласен, — проговорил Стэн. — Только не просто напрапалую, а помножь еще на два.

— Он ждал нас, Стэн.

— Знаю, — кивнул Рейдер. — Парень здорово потел, пока мы разговаривали.

— Весь вопрос в том, почему он так потел?

— Как говорится, вопрос на засыпку, — покачал головой мой напарник. — Неужели ты думаешь, что нормальный мужик с такой женой, как эта крошка Сусан, станет спать с другой женщиной?

— А кто говорил, что люди совершают самые непонятные поступки, Стэн?

— Брось! Думаешь, Кэмпбелл мог ходить на квартиру к Надин на свидания?

— Мы это выясним, — кивнул я и остановился у входной двери перед телефонной кабиной. — И чем скорее, тем лучше. Позвоню в БКИ и попрошу их приставить к нему пару людей.

— Хвост?

— Нет, в хвосте, по-моему, нет необходимости. Мне только нужна подробная информация обо всем, что этот парень делал и о чем думал последние шесть месяцев.

— Приятель, ребята из БКИ будут тебе очень благодарны за такую просьбу.

— Это необходимо сделать.

— Ты на самом деле подозреваешь его?

— Подозреваю, но не так сильно, как мог бы подозревать, если бы у Надин не было ненормального мужа, который рыскает где-то на свободе. Но у меня, Стэн, предчувствие. По-моему, самое маленькое, что он сделал, — это платил Надин денежки за койку. Если она решила немного пошантажировать доктора или еще как-то потрясти его, то он мог бы оказаться как раз тем, кого мы ищем.

— Если Надин Эллисон баловалась шантажом, то невозможно даже приблизительно сказать, сколько у нас кандидатов на роль убийцы. Только вот вся беда в том, что мы их не знаем.

— Мы знаем, кто такой Кэмпбелл, — возразил я. — И мы знаем, что Надин угрожала ему.

— Я немного удивился, когда доктор признался, что она угрожала ему, — пожал плечами Стэн.

— Кэмпбелл, наверное, решил, что лучше признать то, что нам уже известно, и надеяться, что больше мы ничего не знаем.

Я зашел в телефонную будку, набрал номер БКИ и попросил провести проверку доктора Клиффорда Кэмпбелла по полной программе. Потом решил не оставлять ничего на потом и попросил проверить заодно и его жену.

— Позвони лучше в наш отдел, — посоветовал Стэн, когда я повесил трубку. — Может, есть какие-нибудь новости.

Я позвонил в участок и попросил пригласить детектива, который должен принимать сообщения для нас со Стэном в наше отсутствие.

— Пока всего только одно, — сообщил он. — Но оно, по-моему, должно тебя ужасно обрадовать.

Глава 9

— Что там такое?
 — Бенни Ведро вернулся в город.
 Фамилия Бенни была Бакнер, но я никогда не слышал, чтобы его называли как-то иначе. Для всех он был Бенни Ведром. Это прозвище Бенни получил после одной ночи почти десять лет назад. Тогда ему почти удалось оглушить гостиничного носильщика ведром, снятым с пожарного щита. Бенни, худенький низенький мужчина с мордочкой хорька, был мелким воришкой без малейших признаков совести, а в прошлом одним из самых ценных моих осведомителей.

— Ты ужасно обрадовался. Я прав?
 — Да, прав. Я ужасно рад.
 — Я так и думал.
 — А я-то думал, что Бенни в Сан-Франциско, — удивленно проговорил я. — Кто-то сказал, будто видел его слоняющимся по Норс-Бич.
 — Больше он там уже не слоняется, Пит. Парень попросил тебя позвонить. Он утверждает, что имеет такую информацию, какой ты еще никогда не слышал.
 — Что-то я слегка в этом сомневаюсь, — произнес я. — Бенни оставил номер?
 — Сказал, что ты сможешь разыскать его по старому.
 — Спасибо, — поблагодарил я, повесил трубку и посмотрел на Стэна Рейдера. — У меня кончилась мелочь. Одолжишь?
 Стэн порылся в карманах и без особой радости протянул монеты.
 — Бери. Господи, почему ты просто не назовешь телефонистке номер на своем значке, как это делают все?
 — Постоянно забываю, Стэн. Бенни Ведро вернулся в Нью-Йорк.
 — Так это ему ты собираешься звонить?
 — Алло? — раздался негромкий, похожий на шепот, голос Бенни.
 — Пит Селби, Бенни, — сказал я.
 — Пит! О Господи, как я рад вновь услышать твой голос!
 — Не трать время на лесть, — прервал я его. — У тебя есть что-то для меня?
 — Есть ли у меня что-то для тебя, Пит! Подожди, сейчас я тебе расскажу! — Бенни сделал паузу, потом осторожно поинтересовался: — Ты, случайно, звонишь не из участка, Пит? Там у вас все телефоны прослушиваются.
 — Я очень занят, Бенни, — недовольно пробурчал я. — Если у тебя есть что сказать, не тани, говори.
 — Я просто хотел спросить тебя о убийстве Эллисон. Ты им занимаешься?
 Я велел жестом Стэну приблизиться к телефону.
 — Ты же прекрасно знаешь, что занимаюсь. Ну, давай, выкладывай, что там у тебя.
 — Надеюсь, ты не забудешь об этой услуге, — сказал Бенни. — Так ведь, Пит?
 — Бенни, тебя уже все любят, — заверил я. — Единственная неприятность в том, что ты говоришь слишком тихо. Но все же говори!
 — Ага... Я как раз собирался спросить, никто не снимал с этой Эллисон какие-нибудь побрякушки? Если снимал, то мы с тобой обтяпаем славное дельце.
 — Какие побрякушки, Бенни?
 — Я бы никому не стал рассказывать, кроме тебя, Пит. Честное слово! Никому на свете.
 — Бенни...
 — Сапфиры, — сообщил Бенни Ведро таким голосом, словно ему было страшно проносить это слово. — Большие дорожные сережки с сапфирами.

Казалось, слова Бенни Ведра взорвались в телефонной будке и эхом пронеслись по вестибюлю. Я изо всех сил обхватил телефонную трубку и посмотрел на Стэна. Его глаза слегка сузились, а губы решительно сжались в тонкую линию.

Мы подумали об одном и том же. Эти слова могли оказаться началом конца убийцы Надин Эллисон.

Я глубоко вздохнул и спросил:

— Где мы сможем встретиться, Бенни?

— Я так и знал, что у меня ценная информация! Хочешь сказать, что мы в одной команде, Пит? Как в старые добрые времена, дружище?

— Да, мы в одной команде, — подтвердил я. — Где ты хочешь встретиться со мной и со Стэном?

— Мне какое-то время нельзя высовывать нос на улицу. Сажу на крючке у одного ростовщика, который велел паре своих ребят разыскать меня. Если выйду на улицу, они...

— Хорошо, — прервал я его. — Скажи мне, кто они, и мы быстро тебя от них избавим.

— Так не годится, Пит. Кто знает, может, он мне скоро вновь понадобится?

— Ты не хочешь встретиться?

— Хочу, но не могу. Скорее всего, придется разговаривать по телефону.

— Сам решай, Бенни, — сказал я.

— Да, конечно... Знаешь парня по имени Джонни Фармер?

— У него есть какие-нибудь другие имена?

— Не знаю. Я его знаю только как Джонни Фармера. Он занимается нашим бизнесом, по-моему, совсем недолго.

— Никогда не слышал о таком, — ответил я и посмотрел на Стэна Рейдера, который покачал головой.

— Так вот это он и есть, — сообщил Бенни. — Джонни Фармер. Парень, у которого сережки с сапфирами. Он предложил их Флосси.

— Кто такая Флосси?

— Моя жена. Я привез ее с собой из Фриско. Маленькая куколка, она бы тебе обязательно понравилась.

— Продолжай, Бенни.

— Так вот, этот Фармер предложил Флосси серьги Эллисон. Он подцепил ее в баре, показал побрякушки и пообещал подарить, если она залезет с ним в койку.

— Говоришь, Флосси твоя жена?

— Жена. Мы поженились в Окленде. Флосси сначала подумала, что камни наверняка фальшивые. Но, несмотря на это, серьги ей так понравились, что она согласилась. — Бенни перевел дух и продолжил: — У нас с ней взаимопонимание по таким вопросам. Мы с Флосси смотрим на жизнь по-современному.

— Рассказывай о сережках.

— В них роскошные синие камешки, понимаешь? В общем, Флосси согласилась. У этого Джонни Фармера в голове ветер гуляет. По-моему, он самый настоящий дебил. Не умеет ни читать, ни писать. Не смог даже прочитать меню в той забегаловке, где угощал Флосси ужином. Флосси все думала, как бы облапошить его. Она видела, что у этого болвана карманы набиты баксами и пыталась придумать способ, чтобы получить не только сережки, но и доллары в придачу.

— Но как ты догадался, что эти серьги принадлежали Надин Эллисон? — прервал я его.

— Приближаюсь к этому, Пит. Как я уже сказал, Флосси сидела в баре с парнем, который кадрил ее и все заливал, какой он герой в койке. Потом начал рассказывать о какой-то девчонке, которую уже давно пытался снять. Ее зовут Мэри С. Он радостно ухмыльнулся и заявил, что она еще горько пожалеет, когда узнает, что отказала такому богачу.

Итак, Флосси сидела в баре и пыталась придумать способ, чтобы одновременно и оципать Джонни Фармера, и не показать другим посетителям бара, какая он легкая добыча. Потом неожиданно Джонни достал пятерик и попросил ее сбежать на угол и купить побольше газет. Она пошла и вернулась с газетами, только забыла отдать ему сдачу, и он заставил ее прочитать все, что напечатано об убийстве этой Эллисон. Все до последнего слова. Парень не умеет читать даже заголовки, можешь себе представить? Он сидел и слушал, а после того, как Флосси закончила читать, улыбнулся дьявольской улыбкой и спросил, уверена ли она, что в газетах ни слова не сказано о драгоценностях. Флосси сказала, что уверена. Затем парень пообещал подарить ей одну сережку, если она немедленно поедет к нему домой, потому что он уже готов. Вторую сережку он пообещал подарить утром. — Бенни Ведро сделал небольшую паузу и спросил: — Пока все понятно?

— Понятно. Я внимательно ловлю каждое твое слово, Бенни, — ответил я. — Продолжай.

— Но этому идиоту Фармеру не понадобилось куда ехать после того, как Флосси сделала свое дело прямо в кабинке. Бармен засек, чем они занимаются, стал поглядывать под стол и бросать на них грозные взгляды, поэтому Флосси немного расстроилась. Она сказала, что рассчитывала получить сережки за быстрый секс и что ей нужно что-то еще, если он хочет, чтобы она осталась с ним на всю ночь. Джонни заявил: или вся ночь, или ничего. В это время в бар вошла зазноба Фармера Мэри С., та самая крошка, по которой он сохнет. Парень чуть не подпрыгнул на стуле, вскочил и бросился к ней, оставив бедную Флосси в ярости и без сережек.

Флосси сидела и злилась, и тут, бац, до нее дошло! Неожиданно она догадалась, в чем дело. Идиот Фармер показал ей серги, заставил прочитать все, что написано в газетах об убийстве Эллисон, и попросил посмотреть, нет ли там чего о драгоценностях, но она была слишком занята другими мыслями и не смогла сразу допереть, что к чему. И вдруг бац, все стало ясно! Она вылетела из той забегаловки, как будто за ней гнались, и не останавливалась, пока не прибежала домой.

— Когда все это произошло?

— Меньше часа назад. Но его там уже нет, Пит. Флосси видела, как он вышел из бара сразу после нее.

— Твоя жена сейчас с тобой, Бенни?

— Угу, только она не станет разговаривать с тобой. Флосси у меня застенчивая девочка. У нее предрассудки насчет фараонов, ну, сам понимаешь...

— Тогда попроси ее описать этого Джонни Фармера.

— Флосси мне уже описала его. Говорит, что он самый. Высокий клоун, какого она когда-либо видела за пределами баскетбольной площадки Высокий и худющий, а адамово яблоко у него размером с твой кулак. И послушай... когда Флосси говорит, что кто-то высокий, то этот человек на самом деле очень высокий. Понимаешь, она у меня сама не карлик. Флосси выше меня на добрый фут.

— Что она еще о нем рассказала?

— Что у него совершенно безумные серые глаза и длинные белокурые волосы грязноватого оттенка, почти закрывающие ему глаза.

— Как он был одет?

— Он вырядился в настоящую ярко-красную ковбойскую рубашку с кучей пуговиц и швов и широченные штаны в обтяжку. И еще Флосси говорила, что на нем были полу-сапожки. Ну знаешь, те, которые шлепают о лодыжки, а висящие на них цепи, звенят при каждом шаге.

Я достал блокнот и стал быстро писать.

— Сколько ему лет, Бенни?

— Около тридцати.

— И Флосси даже представления не имеет, где мы могли бы его найти? — спросил я.

— Может, он упомянул какое-нибудь место, где ошивается, или...

— Не упоминал, — прервал меня Бенни. — Мы с Флосси уже разговаривали обо всем этом перед тем, как я пытался найти тебя в участке.

— Как называется бар?

— «Корчетти».

— Это тот, что находится в Гринвич Виллидж неподалеку от Двенадцатой?

— Он самый. Хочешь попытаться разыскать эту Мэри С.?

— Попытаюсь.

— Не знаю, какие между ними отношения, Пит. Может, никаких и нет. Из слов Фармера Флосси поняла, что он не добился с Мэри особых успехов.

— Ты ее знаешь, Бенни?

— Нет, и Флосси тоже не знает. Мы просто видели ее несколько раз в баре. Но в «Корчетти» ее все знают.

— Мы немедленно выезжаем туда.

— Я знаю, ты не забудешь об этой услуге, Пит. Ведь у тебя замечательная память.

— Нужно немедленно браться за дело, Бенни, — сказал я. — Не исключено, что Джонни Фармер передумал и вернулся в «Корчетти».

— Конечно, Пит. И передай от меня привет Стэну Рейдеру, ладно? Он тоже замечательный парень.

— Пока, Бенни.

Я повесил трубку и вышел из будки.

— Этот Бенни не только потрясающий осведомитель, — заметил Стэн, — но и не менее потрясающий клоун.

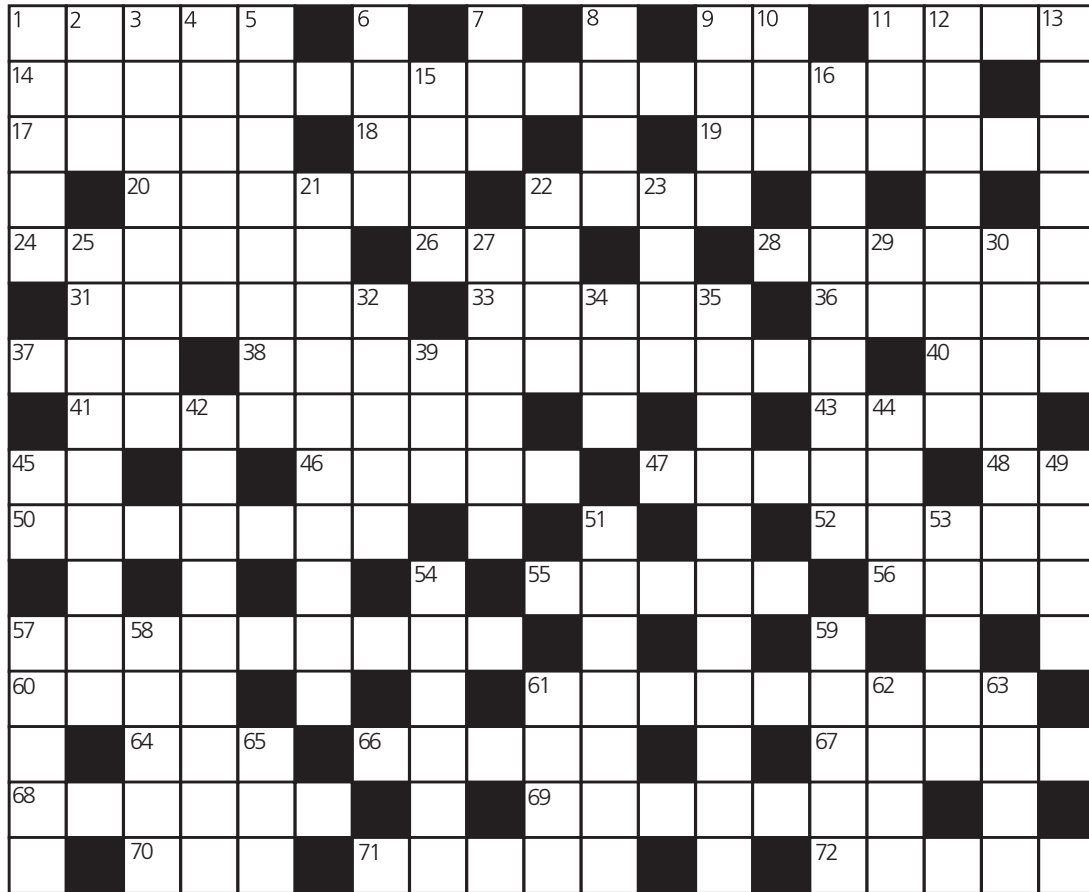
— Почему клоун?

— Слышал, что он сказал о твоей замечательной памяти? Разве это не смешно, приятель? Сказать такое о парне, который даже забывает назвать телефонистке свой номер значка, чтобы сэкономить десять центов!

— Лучше подумай о Мэри С., чем о моей памяти. Как думаешь, сколько времени мы можем заставить ее ждать, Стэн?

— Не больше двадцати минут, — ответил он. — У меня предчувствие, что она очень нетерпеливая девочка.

*Перевод с английского Сергея Манукова.
Окончание следует.*

По горизонтали. 1. И вьетнамец, и монгол, и китаец. 9. Междометие, выражающее изнеможение, усталость, а также облегчение, успокоение. 11. Жена Б.Кустодиева, изображенная им в картине «Утро». 14. Сыворотка из отжатого стыда. 17. Стихотворение М.Лермонтова, посвященное гитаристу М.Высотскому. 18. Болотная трава, чье корневище популярно в медицине. 19. Геометрическая фигура в основе храма Сан Лоренцо Маджора в Милане. 20. Человек, по долгу службы якобы охлаждавший голову, гревший сердце и тщательно мывший руки. 22. Лагьшский журнал, названный по игре его первого редактора М.Таля. 24. Голубой символ немецких романтиков. 26. Ложе до полной потери чувств. 28. Элементарная частица, не участвующая в сильном взаимодействии.

31. «Специалист, ведающий всё в своей области и ровно ничего в остальных» (А.Биро). 33. Актер, сыгравший деревенского детектива Анискина. 36. Подарок, когда на женщину вешают собак. 37. В стихотворении А.Пушкина «Когда владыка ассирийский ...» «перед сатрапом горделивым Израил... не склонил». 38. Нынешнее предпочтение блондинок по отношению к вчерашнему предпочтению брюнеток. 40. Причина судебных заседаний. 41. Крупная африканская антилопа, иначе называемая ориксом. 43. Пугачевский головорез. 45. Бык, хрюкающий, как свинья. 46. Немецкий физик, знаток спектрального анализа. 47. Действующий вулкан на курильском острове Парамушир. 48. ... Фу — китайский поэт VIII века, прозванный «корифеем поэ-

зии». 50. Русский живописец, который, по словам И.Грабаря, «сделал русских девок и баб живописными феями». 52. Самоцвет, какой арабы и китайцы считали несчастливым камнем. 55. Человек, знающий о своих исключительных способностях, но не перестающий вкалывать. 56. Самоцвет, очерненный невежественными кроссвордерами. 57. Советский селекционер, создавший пользующийся большим спросом сорт зеленых яблок. 60. Укороченное название немецкого авто, каким щеголяют богачи. 61. Птица, при избытке пищи накалываю-

щая добычу на колючки или острые сучки. 64. Эстонский журналист, известный ТВ-зрителям по интервью из московского ресторана «Прага». 66. Завоеватель Сибири, погибший совсем не так, как в думе К.Рылеева. 67. Самая знаменитая девушка в джазе, где «только девушки». 68. «Толстый и ...» — фельетон А.Чехова о раболепном чиновничестве. 69. Озорник, сорванец. 70. Довесок к версте, а потом километру. 71. Еврейский художник-примитивист, прославивший в Париже родной Витебск. 72. Музыкальный и стихотворный жанр, анаграмма к слову «донор».

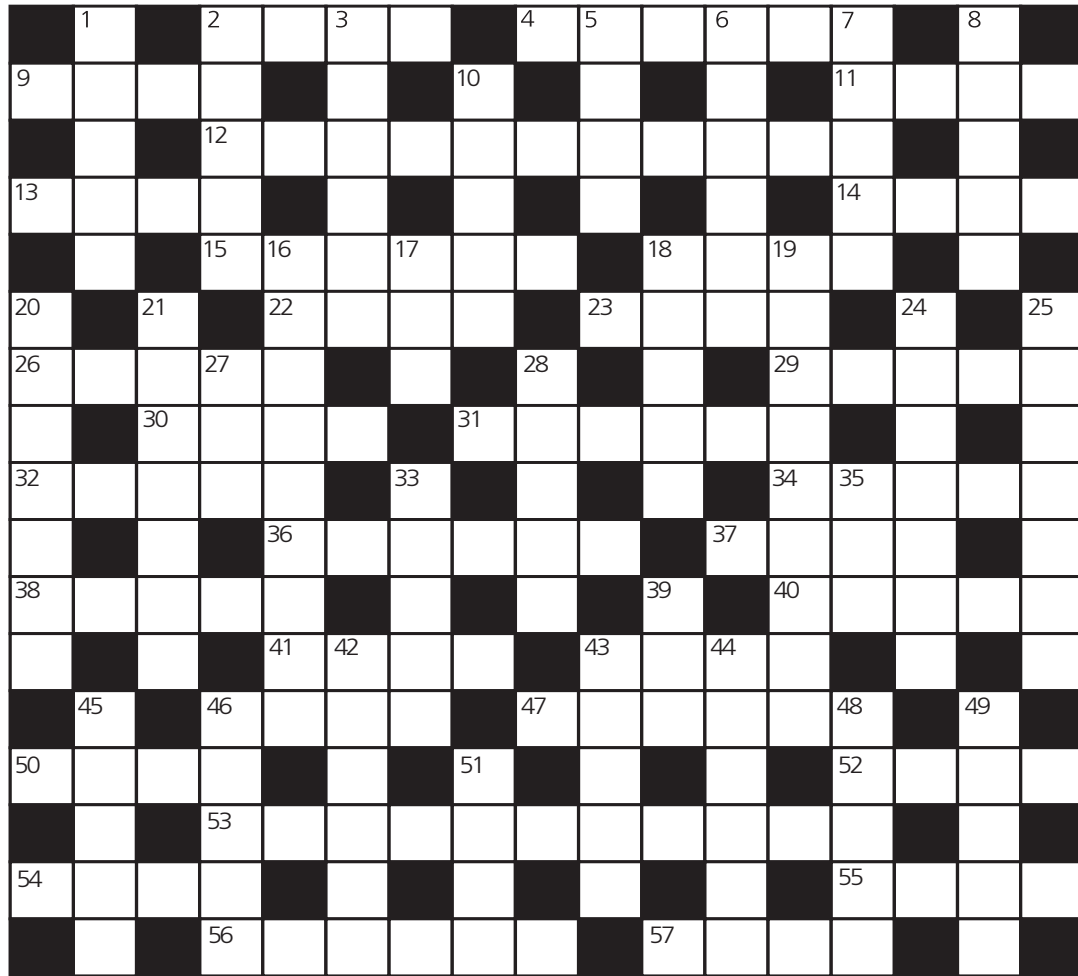
По вертикали. 1. Покрасневшая строка. 2. Глотка, пасть, рот по старинке. 3. Приобретение познаний. 4. Деловое жизнеописание работника. 5. Машинная вязаная ткань, более редкая, чем близкая к ней по названию. 6. С хлеба на ... перебивается (о бедняке). 7. Краткое название в СССР специалистов по машинам и механизмам. 8. Среда обитания единственного ребенка, редко идущая на пользу. 9. Обычно первая пара лошадей в запряжке четверней и более. 10. Кольшек, к которому ведут шар в крокете. 11. Штат США с самым большим в мире числом ульев на душу населения. 12. Человек, отмеченный побрякками. 13. Волк в кабинете льва. 15. Капкан для мучных жучков. 16. Возле молоточка и наковальни в ухе. 21. Художник, кистью строящий мост в небо. 22. Мужское украшение на всю жизнь. 23. Среда для создания порядка, стройности и красоты. 25. Принудительное получение долга. 27. Шут, безна-

казанно бьющий короля. 29. А стоит ли пытаться: ишак освоит ли балетный шаг? 30. Перемещение мальков из аквариума в другую емкость. 32. Хряк на партизанской тропе. 34. Голос царя зверей. 35. Сердечная способность часто терять голову. 39. Кошке — брысь, птица — ... 42. Приверженка королевской власти. 44. Сын З. Менделя в романе Й. Рота «Иов». 45. Место, откуда началась русская быстрая езда. 49. Орган младенца, глаголящий истину. 51. Арктический взломщик. 53. Затейливый ребенок. 54. Место, за которое не мешает взять хулигана, шкоду. 57. Историческое время самозванцев на Руси. 58. Горный народ в Бангладеш, исповедующий буддизм и сохраняющий родо-племенные отношения. 59. Слепой древний поэт, «проинструктировавший» Г. Шлимана, где искать Троию. 61. Окоп внезапности. 62. Игра с очень мокрым мячом. 63. Закапывание сомнений. 65. Подмигивание без кокетства.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12.

По горизонтали. 1. Жулик. 5. Сплетня. 9. Идол. 11. Заповедование. 13. Нрав. 14. Кин. 15. Хамство. 19. Вийон. 20. Атеист. 22. Ченслер. 24. Лоу. 25. Коран. 26. Линч. 27. Флюид. 28. Кизяк. 29. Йодоформ. 31. Гам. 33. Тело. 35. Астрал. 38. Хлеб... 40. Гостья. 41. Левин. 42. Ла. 43. «Бди!». 44. Овод. 46. Ягодка. 49. Носики. 51. Ио. 52. Фихте. 53. Мадонна. 56. Цао... 58. Озон. 59. Амати. 61. Эри. 62. Актер. 63. Шаровары. 64. Табак.

По вертикали. 1. ... жизнь... 2. Удар. 3. Лопухин. 4. Иловайский. 6. Плотва. 7. Ежак. 8. Наин. 10. Месснер. 12. Нигилизм. 16. Молодость. 17. Отс. 18. ... штучка. 19. Веялка. 21. Соня. 23. Работа... 26. Лирохвост. 28. Кол. 30. Феллини. 31. Гутня. 32. Масло. 34. ... щенок. 36. Стадион. 37. Ряба. 39. Ливиец. 45. Диво. 47. Глаз. 48. Кон. 50. Охота. 52. Фамира. 53. Мойша. 54. Добро. 55. Нара. 57. Амеба. 60. Икра. 61. Эва.

По горизонтали. 2. Уму могила, согласно пословице. 4. Кличка английского колонизатора, шовиниста. 9. Пехотинец во французских колониальных войсках в Африке. 11. В старину — хищничество, а сейчас — выгода, пожива, удача. 12. «Мать правды и вывеска честного человека» (Д.Дидро). 13. Народное название валерианы на «кошачьем» языке. 14. Первый отравляющий газ, примененный в боевых условиях. 15. Русский мыслитель и писатель, красноречиво доказавший, что ум идиотизму не помеха. 18. Старая мера бумаги, 16 стоп. 22. Поборник вчерашней правды. 23. Одомашненная форма самого крупного в

Индии (и одного из самых крупных вообще) дикого быка. 26. Африканское лесное животное с исключительным слухом, зрением и обонянием. 29. Демон, чье скульптурное изображение часто служит опорой в храмах Индии и Индокитая. 30. Французский композитор, названный Александром Сезарем Леопольдом, и только при крещении — Жоржем. 31. Танцовщик, прославивший советское искусство на Западе, но даже не упомянутый в энциклопедии «Балет». 32. Обычная деталь «экипировки» заключенного в Италии XVII века. 34. Государственный деятель, автор первой известной летописи на молдав-

ском языке. 36. Археолог и историк, племянник поэта Н.Языкова. 37. Европейский мифический карлик, способный похищать девушек. 38. Жители загробного мира, для которых на Руси в XIII-XVI веках топили баню в Чистый четверг Пасхальной недели. 40. Народ, попавший в анекдоты задолго до Абрамовича. 41. Российская проселочная дорога после затяжных осенних дождей. 43. «Обертка» индианки. 46. Бочка как мера жидкостей и зерна в Австрии, Голландии, Дании весьма разной величины. 47. «Ум док-

По вертикали. 1. Каждый из тех, чьими казармами была теперешняя Бутырская тюрьма. 2. Стиль джаза (сольная импровизация и заранее написанный аккомпанемент). 3. Спартиат, самый известный античный законодатель. 5. Стремянка, снасть бортника для установки борти и добычи меда. 6. Движение лепестка, листа, стебля под действием влаги, света, температуры. 7. Дерево, чей карликовый вид, растущий на Таймыре, самый северный в мире. 8. Муж М.Цветаевой, которого в Париже, по свидетельству З.Шаховской, прозвали «глупым верблюдом». 10. Художник-постимпрессионист, сотрудничавший с С.Дягилевым в Париже. 16. Бельгийская королева, первой (примерно на 30 лет раньше Черчилля) употребившая выражение «железный занавес». 17. Грубое, болезненное для лошади дерганье всадником повода. 18. Татарский хан, в честь которого был переименован Городец-Мещерский на Оке, основанный Юрием Долгоруким. 19. Кулик, у которого самка больше и красивее самца. Она строит гнездо и привлекает супруга, но насиживает яйца и заботится о птенцах один он. 20. «Наш паровоз, вперед лети!» — конечная остановка.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 12.

По горизонтали. 6. Цензор. 9. Воскресение. 11. Русские. 12. Нессельроде. 16. Виет. 17. Гофман. 20. Елох. 22. Умбра. 23. Раскат. 25. Беккер. 27. Альпага. 30. Щипцы. 31. Штази. 32. Камптер. 36. Чалдар. 37. Уваров. 40. Индол. 41. Тета. 42. Житняк. 45. Упас. 48. Эксперимент. 50. Блантер. 51. Заблуждение. 52. Саския.

По вертикали. 1. Швондер. 2. Ассессор. 3. Юрьев. 4. Устье. 5. Янко. 6. Цере. 7. Нассо. 8. Оккам. 10. Пенан. 13. Личка. 14. Ртуть. 15. Дюбуа. 17. Габа. 18. Фокстрот. 19. Атеизм. 21. Халцедон. 24. Алуа. 26. Ви-тали. 28. ... пуп. 29. Гнев. 32. «Крик». 33. Медик. 34. ... тулуп. 35. Радар. 38. Вечерня. 39. Шартрез. 42. Жабо. 43. Тиара. 44. Ястык. 46. Перун. 47. Синдо. 48. Эрзя. 49. Сибо.

торов» (А.Селезнев). 50. Китайская и индийская крапива, чье волокно соответствует льну и шелку. 52. Один из городов Бельгии, где в ноябре 1945 года А.Флеминг за два дня трижды был удостоен звания почетного доктора. 53. Чем меньше дробь, тем больше 54. Партия, к которой принадлежал Болинброк. 55. Древнегреческий буколический поэт, знавший, что «от почта работа становится лучше». 56. Лесная трава, часто называемая «неопалимой купиной». 57. Кухарка священника в «Рейнеке-лисе».

21. Состояние, приводящее к болезни — не-любви родины. 24. Аборигенка по-русски. 25. Средневековый рассказ-анекдот, в литературу введенный П.Браччолини. 27. Голос диких козлят в Сибири, по которому их находят охотники. 28. «Любимый ... императрицы» — духи, составленные в 1913 году Г.Брок-каром, ставшие в советские годы «Красной Москвой». 33. Женский наушник. 35. Советский кинорежиссер, «По щучьему велению» разгадавший «Тайну горного озера» и на «Коньке-горбунке» умчавшийся к «Марьинской». 39. Храмовый комплекс в Юго-Восточной Азии: ворота, галереи, каналы, ограда, сокровищница, ступа. 42. «Крестьянский Рембрандт» Голландии. 43. Металлическое влияние. 44. Филипп Орлеанский по отношению к престолу после смерти Людовика XIV. 45. Знаменитый немецкий скульптор, изваявший бюст И.Гете. 46. В XIX веке обычный, а сейчас редкий синоним лица. 48. «Мадонна...» — тондо Рафаэля, изысканное большевиками из Эрмитажа и проданное американскому богачу Э.Меллону. 49. Писатель, единственный человек в России, у которого расцвел вишневым сад. 51. Громкое имя Э.А. ду Насименту, короля футбола.

ИТОГИ КОНКУРСА на лучший рассказ «Смены» 2007 года

В декабре 2006 года, объявляя конкурс на лучший рассказ, мы даже не предполагали, что он вызовет такой живой отклик наших читателей. Редакция получила более 3 600 рассказов самых разных жанров и стилей.

В течение года мы публиковали лучшие, на наш взгляд, произведения и надеемся, что мнение редакции и читателей во многом совпадало.

Победители конкурса:

Первая премия (10 тысяч рублей) –

Павел ПИСАРЕНКО, экономист, Москва.
Рассказ «Как мы ставили Гоголя».

Вторая премия (5 тысяч рублей) –

Эльза АЙВАЗОВА, педагог, Ставрополь.
Рассказ «Алдуз».

Третья премия (3 тысячи рублей) –

Марина ВИЛЕНСКАЯ, библиотекарь, Омск.
Рассказ «Дела житейские».

*Мы искренне поздравляем победителей
и всех участников конкурса и желаем дальнейших
творческих успехов!*